

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ
И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2020**

ББК 81
А 11

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

М.Б. Раренко – ответственный редактор, редактор-составитель, канд. филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами : Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-инф. информ. исслед. Отд. языкознания ; Отв. ред., ред.-составитель Раренко М.Б. – М., 2020. – 208 с. – (Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00939-8

В сборнике представлены материалы, отражающие положение английского языка в современном мире. Анализируется быстро меняющаяся геополитическая и культурная ситуация в мире, рассматривается влияние процессов глобализации на массовое распространение английского языка и проникновение его в разные сферы человеческой деятельности.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

ББК 81

ISBN 978-5-248-00939-8

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.Б. Раренко. Английский язык в современном мире (Вместо предисловия)</i>	5
1. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>М.М. Марусенко, Н.М. Марусенко. Языки в переписях населения Соединенного Королевства</i>	12
<i>Э.Б. Яковлева. Германские миграции: Языковая ситуация в Британии в эпоху гептархии</i>	29
<i>М.Б. Раренко. Английский язык в Шотландии</i>	39
2. ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	
<i>Т.А. Валиулина. Социолингвистические аспекты канадского варианта английского языка</i>	59
<i>З.Г. Прошина, А.А. Ривлина. Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс</i>	73
<i>Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш, Е.П. Савченко. О некоторых лексико-грамматических особенностях пакистанского варианта английского языка</i>	90
3. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В НЕАНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ	
<i>Н.Н. Трошина. Английский язык в Германии</i>	100
<i>И.Е. Коптелова. Hungarian or Hunglish?</i>	126
<i>Е.В. Коренева. Англицизмы в языке современной испанской прессы</i>	143

<i>O.С. Крюкова. К вопросу об англизмах на -инг в русском языке</i>	158
<i>Н.П. Пешкова. Английский язык в лингвистическом ландшафте современного российского города (На материале городского текста Уфы)</i>	165
4. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ	
<i>И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни. Глобальный и национальные языки в научных публикациях: Новая форма диглоссии?</i>	176
<i>Н.Н. Германова. Английский язык в европейской науке и системе образования: Лингва франка или язык-агрессор? .</i>	191
<i>Сведения об авторах</i>	203

М.Б. Раренко

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(Вместо предисловия)

Английский язык, принадлежащий к англо-фризской подгруппе западной группы германской ветви индоевропейской языковой семьи, возник в раннем Средневековье как язык части германских племен, переселившихся на территорию современной Великобритании, и стал родным для большинства ее населения.

Роль английского языка, получившего широкое распространение в современном мире, переоценить невозможно. Он является официальным языком в 54 странах (Великобритании, США (официальный язык 31 штата), Австралии и пр.), одним из официальных языков Ирландии (наряду с ирландским), Канады (наряду с французским) и Мальты (вместе с мальтийским), Новой Зеландии (наряду с маори и жестовым), используется в качестве официального в некоторых государствах Азии (Индия, Пакистан и др.) и Африки (в основном это бывшие колонии Британской империи, входящие в Содружество наций), притом что большинство населения этих стран являются носителями других языков.

Английскую речь можно услышать чаще, чем французскую, немецкую, испанскую, русскую и арабскую, хотя соответствующие языки сегодня также используются как средства международного общения. Английский язык – это язык науки и искусства, медиа и развлечений (кино- и видеопродукции, поп-музыки), рекламы, образования, медицины, дипломатии, политики, экономики, коммерции, делового общения. Английский язык является одним из официальных языков (наряду с французским, испанским, арабским, русским и китайским) Организации Объединенных Наций (ООН, 1945) и таких ее подразделений, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ, 1948), Организация Объединенных Наций по вопросам образо-

вания, науки и культуры (ЮНЕСКО, 1946), Международный валютный фонд (МВФ, 1944) и др. Английский язык выступает в качестве официального и рабочего языка многих международных советов организаций, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, 1967), Европейский совет (неформальные встречи на высшем уровне начали проводиться с 1961 г.), Организация Североатлантического договора (НАТО, 1949). Более того, английский язык является единственным официальным языком Организации стран – экспортёров нефти, единственным рабочим языком Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ, 1960).

Нет ни одного континента (кроме Антарктиды, пожалуй), где на английском языке не говорило бы местное население. И число говорящих на английском языке лишь увеличивается год от года. О. Есперсен предположил, что число говорящих на английском языке в 1500 г. составляло всего около 4 млн человек, а к 1900 г. цифра увеличилась более чем в 30 (!) раз и составила 123 млн человек. Особенно резко число говорящих на английском языке стало увеличиваться начиная с 1960-х годов. К концу XX в. количество говорящих возросло еще в 10 раз по сравнению с 1900 г. По подсчетам ученых, сегодня число говорящих на английском языке составляет от 1,2 млрд до 1,5 млрд человек [Ощепкова, 2004], для которых английский язык является родным, вторым или иностранным. По данным на 2003 г., английский язык является родным для приблизительно 335 млн человек, т.е. занимает третье место в мире как родной язык после китайского и испанского. В качестве первого иностранного языка английский преподается более чем в 100 странах мира: в Китае и России, Германии и Франции, Испании, Египте, Казахстане, Италии и пр. Новые варианты английского языка (Englishes), в отличие от диалектов, имеющих ограниченное употребление, «существуют на международном уровне и имеют миллионы пользователей» [Ощепкова, 2004, с. 20].

Первоначально английский язык вне территории Англии использовался как средство межэтнического общения (как было, например, первоначально в Шотландии), затем он подвергался разного рода изменениям, его лексическая система пополнялась, заимствуя единицы из других языков (как правило, коренных жителей), видоизменялась фонетическая система, подстраиваясь под особенности произношения родного языка проживающих народов и народностей, происходили изменения в грамматической системе также под влиянием родных языков. Постепенно английский язык завоевывал все

новые и новые территории, становясь единственным официально признанным языком, часто вытесняя национальные языки.

Относительно недавно ученые признавали существование всего нескольких национальных вариантов английского языка, таких как американский, канадский, австралийский, новозеландский, считали шотландский английский региональным вариантом. Сегодня стало возможным и даже общепризнанным говорить о нигерийском, индийском, сингапурском, русском, немецком, венгерском, итальянском, испанском, польском, венгерском, украинском, корейском, японском, китайском, норвежском, казахском, грузинском, азербайджанском, белорусском и других вариантах английского языка (более подробно см.: [Прошина, 2017]). Многообразие форм (вариантов) английского языка связано с тем, что английский язык постоянно расширяет свою географию и используется для «обслуживания» новых и новых этнокультурных образований, что в итоге и позволило ему стать современным глобальным языком (вряд ли кто-то сегодня будет отрицать этот факт).

Тому, что именно английский язык занял нишу глобального языка, имелось ряд предпосылок, среди которых отметим лишь несколько. Во-первых, в XIX в. именно Великобритания стала ведущей промышленной и торговой державой. Более того, на протяжении всего XIX в. британская политическая система способствовала распространению английского языка по всему миру. Благодаря все возрастающей мощи Соединенных Штатов Америки в XX столетии этот процесс только усилился. Во-вторых, следует отметить относительную простоту структуры английского языка (хотя этот вопрос спорный: латынь никак нельзя назвать простым языком, а на протяжении длительного периода латинский язык выполнял роль языка международного общения на территории Римской империи). В-третьих, как особую характеристику английского языка следует признать его удивительную особенность легко и непринужденно заимствовать лексику из самых разных языков.

В настоящий сборник вошли статьи, авторы которых рассматривают различные аспекты функционирования английского языка в современном мире.

В первый раздел сборника «Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: Прошлое и современность» вошли три статьи. В статье «Языки в переписях населения Соединенного Королевства» Н.М. Марусенко и М.М. Марусенко рассматривают «языковую идеологию Соединенного Королевства на современном этапе и его языковую

политику в области контроля над использованием английского языка и мер по поддержке его изучения иммигрантами и их детьми» (с. 12). Авторы отмечают, что сегодня отношения языка и гражданства в национальных государствах изучаются с точки зрения укрепления национального единства. Национальный язык должен выполнять функции высокого языка в системе диглоссии или по крайней мере присутствовать в системе социетального двуязычия. Более того, языковая политика, проводимая в государстве, обусловлена социально-политической и экономической ситуацией, и языковые вопросы имеют более широкое социально-экономическое значение.

В статье Э.Б. Яковлевой «Германские миграции: Языковая ситуация в Британии в эпоху гептархии» рассматривается языковая ситуация в Британии в эпоху семикоролевья, явившаяся результатом германских миграций и образования на ее территории варварских германских государств в V–VI вв. н.э. Автор последовательно показывает, что формирующийся древнеанглийский язык в указанный исторический период испытывает влияние как со стороны латыни, так и кельтских диалектов и скандинавских языков.

В статье М.Б. Раренко «Английский язык в Шотландии» рассматривается проблема функционирования английского языка в двух его формах (Scots и Scottish English) на территории современной Шотландии. Краткий исторический экскурс позволяет понять, как и почему на территории одного государства английский язык оказался представлен сразу двумя формами.

Во второй раздел сборника «Варианты английского языка» также вошли три статьи. В статье Т.А. Валиулиной «Социолингвистические аспекты канадского варианта английского языка» рассматриваются вопросы диалектного варьирования и лингвистического единства, различные подходы к генезису и развитию канадского английского, а также проблема автономности канадского английского от британского и американского вариантов. Автор приводит данные исследований, сравнивающие канадский английский с американским, а также затрагивает вопрос отношения носителей канадского английского и академической среды к проблеме автономности канадского английского на разных этапах его становления.

Вопросу функционирования английского языка в России посвящена статья З.Г. Прошиной и А.А. Ривлиной «Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс». Для решения проблемы статуса русского варианта английского языка авторы, рассмотрев определение варианта как

такового и его релевантных признаков, приходят к выводу о том, что «русский вариант английского языка – это социолингвистический языковой феномен, который может нести в той или иной степени следы родного языка пользователей», и что «самым главным для закрепления варианта является осознание языковым социумом лингвокультурной идентичности» (с. 73). В статье описываются функции английского языка в российском речевом социуме и дополнительные креативные ресурсы, возникающие благодаря английскому языку.

В статье Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш и Е.П. Савченко «О некоторых лексико-грамматических особенностях пакистанского варианта английского языка» представлен анализ лексико-грамматических особенностей пакистанского варианта английского языка по сравнению с британским английским языком (Standard English). Теоретической предпосылкой исследования послужил тот факт, что «в настоящее время английский язык является единственным получившим статус глобального (Global English), а варианты английского языка в странах, где он имеет статус официального и им владеют как вторым, называют новыми вариантами английского языка (New Englishes), по терминологии британского исследователя Дэвида Кристала» (с. 90).

В третий раздел сборника «Влияние английского языка на развитие национальных языков в неанглоязычных странах» вошли статьи, в которых авторы рассматривают проблемы проникновения английского языка в языки, принадлежащие разным языковым группам.

Н.Н. Трошина в статье «Английский язык в Германии» отмечает, что немецкий язык испытывает сильнейшее влияние английского языка, несмотря на то что сам является одним из коммуникативно мощных языков. Это влияние проявляется на всех уровнях системы немецкого языка, но прежде всего на лексическом – в широком использовании англицизмов в устной и письменной речи в различных сферах коммуникации, в связи с чем одной из проблем, волнующих немцев сегодня, становится вопрос о лояльности немцев своему родному языку.

В статье «Hungarian or Hunglish?» И.Е. Коптелова показывает, как английская лексика проникает в венгерский язык. В статье рассматриваются этапы заимствований английской лексики венгерским языком начиная с XVII в. Автор выявляет основные тенденции интеграции англицизмов в венгерский язык.

Е.В. Коренева в статье «Англицизмы в языке современной испанской прессы» рассматривает проблемы бытования английских заимствований в языке испанской прессы на материале газет *«El País»*, *«El Mundo»*, *ABC*, а также популярных спортивных изданий *«Marca»* и *«As»*.

Проблема заимствований существует и в русском языке. О.С. Крюкова в статье «К вопросу об англицизмах на -инг в русском языке», изучив функционирование англицизмов на -инг в русском языке, выявила их лексико-семантические группы: группа финансовых, экономических и бизнес-терминов, группа названий и терминов видов спорта и развлечений спортивного типа, группа интернет- и компьютерных терминов, а также слова, обозначающие различные процессы. К последней подгруппе примыкает ряд технических и других (медицинских, биологических) терминов. Среди англицизмов на -инг есть термины искусства, косметологии, а также социальных наук, биологии и географии. Автор отмечает, что «словообразовательный потенциал у слов на -инг различный» (с. 158), а «степень лексической освоенности слов на -инг коррелирует с ограниченностью их употребления: общеупотребительные слова на -инг скорее исключение, чем правило, хотя суффикс -инг значительно увеличил свою продуктивность в русском языке в начале XXI в. и стал использоваться при словообразовании от незаимствованных корней и основ» (с. 158).

Н.П. Пешкова в статье «Английский язык в лингвистическом ландшафте современного российского города (На материале городского текста Уфы)» описывает результаты исследования, в том числе и экспериментального, английского языка в лингвистическом ландшафте Уфы, политической столицы Республики Башкортостан. Как отмечает автор, «изучаются языковые средства и способы представления лингвистического ландшафта на английском языке, а также присущие ему функции» (с. 165), а «текст города исследуется как с позиции его авторов, картина мира которых представлена в языковом пейзаже Уфы, так и с позиции адресатов» (с. 165).

Наконец, последний, четвертый, раздел настоящего сборника «Английский язык как язык общения в академической среде» включает в себя две статьи, в которых авторы затрагивают очень важные вопросы, касающиеся использования английского языка в академической среде. И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни в статье «Глобальный и национальные языки в научных публикациях: Новая форма диглоссии?» поднимают проблемы соотношения в

современных научных публикациях работ, написанных на так называемом «глобальном» языке, т.е. на тех вариантах английского языка, которые принято объединять под общим названием International English, когда он не является родным языком автора, и на других языках. В настоящее время в академической среде наблюдается стремление использовать английский в научных работах русских ученых, основной аудиторией которых нередко является русскоязычная. Авторы указывают, что «подобное положение позволяет рассматривать соотношение английского и национальных языков в области науки как диглоссийное, поскольку именно для диглоссии наиболее характерным признаком часто считается деление идиомов на престижные и непрестижные средства коммуникации» (с. 176).

Завершает сборник статья Н.Н. Германовой «Английский язык в европейской науке и системе образования: Лингва франка или язык-агрессор?», в которой автор сопоставляет различные точки зрения на неоднозначные последствия распространения английского языка в европейской системе образования и науке. Автор приводит статистические данные, свидетельствующие о доминировании английского языка в образовательном пространстве и в результате так называемого «эффекта домино» также вытесняющего другие мажоритарные языки из сферы науки.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить моих коллег по ИНИОН РАН: кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника отдела языкоznания Елену Олеговну Опарину и кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела языкоznания Наталью Николаевну Трошину за помощь в подготовке настоящего сборника. Благодарность за помощь в подготовке отдельных статей также хочу выразить Ольге Сергеевне Крюковой, доктору филологических наук, заведующей кафедрой словесных искусств факультета искусств ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Список литературы

- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 208 с.
- Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М.; СПб., 2004. – 336 с.

1. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.М. Марусенко, Н.М. Марусенко ЯЗЫКИ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Аннотация. В статье анализируются языковая идеология Соединенного Королевства на современном этапе и его языковая политика в области контроля над использованием английского языка и мер по поддержке его изучения иммигрантами и их детьми. Несмотря на то что английский является единственным государственным языком Великобритании и самым распространенным мировым языком, в результате распада Британской колониальной империи и глобальных миграционных процессов его доминирование на территории королевств ослабляется из-за усиления коммунитаризма и отказа иммигрантов интегрироваться в британское общество. Отношения языка и гражданства в современных национальных государствах изучаются с точки зрения укрепления национального единства, которое требует, чтобы национальный язык выполнял функции высокого языка в системе диглоссии или по крайней мере присутствовал в системе социetalьного двуязычия. Достижение государством поставленных целей языковой политики обусловлено социально-политической и экономической ситуацией, которая обычно не входит в сферу интересов лингвистов, но влияние которой на языковую ситуацию сильнее, чем результаты самой языковой политики. Языковые вопросы, фигурирующие в переписях населения в Соединенном Королевстве, имеют более широкое, социально-экономическое значение. Так, впервые в истории переписей была установлена связь между уровнем владения английским языком и состоянием здоровья иммигрантского населения: молодые иммигранты, прошедшие через британскую систему образования, имеют лучшее состояние здоровья, чем их более старшие родственники, плохо владеющие английским языком. Кроме того, установлено, что все иммигрантские сообщества, чьи члены декларируют хорошее знание английского языка, происходят из стран, где он является либо официальным языком, либо в обязательном порядке изучается в школах с самого юного возраста.

Ключевые слова: перепись населения; Соединенное Королевство; Уэльс; английский язык; валлийский язык; языковые компетенции; состояние здоровья.

M.M. Marusenko, N.M. Marusenko
LANGUAGES IN POPULATION CENSUSES
OF THE UNITED KINGDOM

Abstract. The article analyzes the language ideology of the United Kingdom at the present stage and its language policy in the field of control over the use of English and measures to support its study by immigrants and their children. Despite the fact that English is the single state language of Great Britain and the most common world language, as a result of the collapse of the British colonial empire and global migration processes, its dominance in the kingdom's territory is weakened due to increased communalism and the refusal of immigrants to integrate into British society. The relations of language and citizenship in modern national states are studied in terms of strengthening national unity, which requires that the national language perform the functions of a high language in the diglossia system or at least be present in the system of societal bilingualism. The achievement by the state of the goals of language policy is due to the socio-political and economic situation, which usually does not fall within the sphere of interest of sociolinguists, but whose influence on the language situation is stronger than the results of the language policy itself. Language questions appearing in population censuses in the United Kingdom are of broader socio-economic importance. Thus, for the first time in the history of censuses, a link was established between the level of proficiency in English and the state of health of the immigrant population: young immigrants who passed through the British education system have a better state of health than their older relatives, who speak English poorly. In addition, it has been established that all immigrant communities whose members declare good knowledge of English come from countries where it is either an official language or is compulsory taught in schools from a very young age.

Keywords: population census; the United Kingdom; Wales; English; Welsh; language competences; health status.

Соединенное Королевство долгое время считалось оплотом институционального моноязычия, в котором английский язык доминировал над другими автохтонными языками: шотландским, валлийским и гэльским. В Северной Ирландии существует ирландский язык, входящий в группу кельтских языков наряду с валлийским и гэльским. Несмотря на это, Соединенное Королевство провозгласило единственным государственным языком Великобритании английский. Являясь государственным языком Великобритании, английский имеет самое большое число носителей в мире: число носителей, для которых он является родным (страны внутреннего круга), приближается к 350 млн, а в странах внешнего и расширяющегося кругов оно приближается уже к 2 млрд.

Английский служит языком международного общения, бизнеса, торговли, туризма и т.д. Во многом это случилось благодаря Британской империи, колонизировавшей значительное число стран и

территорий в мире. Однако со второй половины XX в. мировое доминирование английского языка поддерживается главным образом за счет политического, экономического и военного могущества Соединенных Штатов Америки.

Еще 20 лет тому назад сама мысль о том, что английский язык может подвергаться опасности в ареале своего зарождения, показалась бы глупой и неуместной. Однако распад Британской колониальной империи и процессы глобализации привели к тому, что автохтонное население Соединенного Королевства оказалось сильно разбавленным иммигрантами, большинство из которых составляют выходцы из стран – бывших азиатских колоний. В последние десятилетия значительная часть этих иммигрантов отказывается ассимилироваться и интегрироваться в британское общество, не желает изучать английский язык и живет в замкнутых этноязыковых и религиозных сообществах (коммунитаризм). Отказ от социальной и политической интеграции, сильная приверженность и агрессивное навязывание своих этнических традиций, а также попытки поднять их на государственный уровень ослабляют единство британской нации и создают серьезные социально-политические проблемы для британского правительства.

Политические дискуссии об отношениях языка и гражданства в современных национальных государствах ведутся на фоне более широких споров о языках и глобализации (включая роль английского языка как мирового языка и глобального *lingua franca*). В них можно выделить два основных теоретических направления: 1) неограниченное государственное моноязычие на национальном языке; 2) диглоссия между национальным (высоким) языком и миноритарным/и (низким/и) языком/ами. В обоих случаях роль миноритарных или региональных языков сводится, в лучшем случае, к сфере частной и семейной коммуникации в соответствии с «иерархией престижности», которая ранжирует языки в зависимости от их распространения, государственного статуса, функций и использования.

Отношение к понятию диглоссии со стороны лингвистов двойственное: одни из них считают, что с его помощью стараются замаскировать конфликт языков, всегда возникающий при их контакте, и представить его как нормальную ситуацию доминирования, другие рассматривают диглоссию как стратегию сохранения языков и обычное разделение функций, представляющее естественную форму социального и языкового порядка [Eckert, 1980, p. 1056]. Высказываются опасения, что диглоссия обязательно ведет к смене языка: даже если на данный момент баланс силы между двумя языками кажется

стабильным, он является переходным состоянием отношений между мажоритарным и миноритарным языками.

Безопасность миноритарного языка в долгосрочной перспективе может обеспечиваться только мерами социальной защиты. Поэтому диглоссия не является оптимальной моделью для стабилизации языка, находящегося под угрозой исчезновения, или для его восстановления во всей полноте функций.

Оптимальной является ситуация социетального двуязычия, при которой вместо разделения и закрепления функций между кодами используется переключение кодов (code switching). Самым важным различием между классическими случаями диглоссии и социетального двуязычия является отсутствие или наличие престижной группы природных носителей миноритарного языка. Для достижения устойчивого социетального двуязычия требуется изменение условий диглоссии между мажоритарным и миноритарным/и языком/ами. До тех пор пока эти языки ассоциируются с разными уровнями социально-экономического развития и престижа культуры, социетальное двуязычие может поддерживаться только искусственными мерами – путем нормирования миноритарного языка (возвращения его использования во всех сферах коммуникации) за счет сокращения функций мажоритарного языка.

Традиционная диглоссия формировалась в премодерновых обществах, в которых еще не произошли изменения, обычно связываемые с модернизацией: распространение книгопечатания и книжной культуры, массовое образование, секуляризация общества, возникновение национальных государств и поддержка национальных языков. В этих обществах грамотность была доступна лишь для небольших групп элиты и, хотя общество в целом было диглоссийным, большая часть населения владела только низким языком. Престиж высокого языка определялся, в частности, тем, что он был доступен далеко не каждому.

Говоря о традиционной диглоссии, необходимо подчеркнуть ее идентичностный аспект. Владение высоким языком причисляло его носителя к культурной элите, противопоставляемой неграмотным массам. Трудности овладения грамотностью на высоком языке еще более усиливали ее значение как маркера идентичности и принадлежности к элитному социальному классу, который был заинтересован в поддержании этого барьера на высоком уровне.

Необходимо учитывать, что всякая диглоссия существует в определенном историческом пространстве: конкретная ее модель может существовать на протяжении жизни нескольких поколений или даже

веков, но может исчезнуть в результате социальных изменений, вызванных модернизацией, когда либо высокий язык заменяет низкий во всех сферах использования (смена языка – language shift), либо низкий язык заменяет высокий (обратная смена языка – reversal language shift). Попытки обратной смены языка происходят, например, в прибалтийских государствах, старающихся наделить свои национальные языки функциями высокого языка, миноризируя русский язык.

В современной диглоссии функции высокого языка выполняют современные стандартные языки. Высокие языки в современных моделях диглоссии обладают высокой степенью этноязыковой жизнеспособности, т.е. используются большим количеством людей, обладающих значительным богатством и властью. Высокая степень полезности и жизнеспособности представляет собой главную причину изучения и использования высоких языков в диглоссийных сообществах.

Одно из основных различий между традиционной и современной формами диглоссии заключается в разной роли идентичности. В традиционной диглоссии владение высоким языком идентифицировало человека как члена культурной элиты и отделяло от неграмотного большинства населения, тогда как в современной диглоссии большинство членов общества не только читают и пишут на высоком языке, но и практически свободно говорят на нем [Марусенко, 2019, с. 380–382].

Если сообщество, с которым высокий язык связан наиболее тесно, представляет собой национальное государство, можно утверждать, что использование этого языка является актом идентификации носителя с той нацией, в которой данный высокий язык является национальным языком.

Однако многие движения за спасение миноритарных языков руководствуются теми же предвзятыми представлениями о языке, что и их угнетатели, т.е. идеей моноязычия. И государственные политики, и их оппоненты руководствуются той же националистической идеологией о языке и идентичности, которая является одной из самых глубоко укорененных идеологий эпохи модерна [Romaine, 2006, р. 455].

Достижение государством поставленных целей языковой политики обусловлено социально-политической и экономической ситуацией, которая обычно не входит в сферу интересов лингвистов, но влияние которой на языковую ситуацию сильнее, чем результаты самой языковой политики.

Главные причины потери языков связаны не с самим языком: когда в стране меняется использование языков, это свидетельствует

о социальных изменениях, которые могут иметь разные экономические, политические или экологические причины. Поэтому поддержка исчезающего языка означает прежде всего поддержку сообщества носителей этого языка, поэтому вся деятельность по поддержке и возрождению языков должна быть направлена на сохранение и развитие жизнеспособных языковых сообществ. Необходимо отказаться от представления о том, что языки находятся в состоянии конкуренции, что имплицитно подразумевает, что они могут выжить, если повысят свою конкурентоспособность, т.е. получат грамматики и словари вместо того, чтобы сохранить или создать условия для языкового разнообразия [Mühlhausler, 2002, p. 38].

В последние десятилетия движения за возрождение исчезающих языков стали признавать эту печальную реальность, а также то, что возрождение этих языков зависит прежде всего от устойчивого культурного и экономического развития. Попытки придать этим языкам «полный спектр современных функциональных возможностей» в реальности приводят к распылению ограниченных ресурсов на маргинальные, но очень затратные виды языковой активности в ущерб менее наглядным, но гораздо более эффективным мерам по поддержке устойчивого развития. Попытки модернизации миноритарных языков и их использования в качестве, например, языков науки требуют создания огромных словарей научно-технических терминов, что несет в себе опасность новой колонизации языков путем калькирования с мажоритарного языка [Марусенко, 2019, с. 113].

Известный политический философ Б. Барри считает, что центральной национального единства должен стать отказ от миноритарных языков (т.е. первых языков, на которых говорят языковые меньшинства в данном национальном государстве), мотивируя это тем, что их сохранение влечет за собой культурную изоляцию меньшинств, снижает их социальную мобильность и подрывает общее понимание «политики солидарности». Необходимое национальное единство может быть достигнуто только путем активного и сознательного участия меньшинств в построении национальной идентичности или «гражданской национальности». Центральным моментом здесь является изучение национального языка. Хотя языковая ассимиляция представляет собой насилиственный выбор для многих членов миноритарных групп, потому что сохранение их традиционных языков и культур подвергается осуждению и дискриминации, Барри считает, что выбор вхождения в доминирующее культурное сообщество имеет некоторые относительные недостатки, которые, однако, несравнимы с преимуществами уча-

стия в национальном обществе. Если же члены миноритарных групп продолжают сохранять свои культурные и языковые отличия, они обречены оставаться на нижнем ярусе иерархии денежных, статусных и властных ценностей [Вагту, 2001, р. 72].

Языковые переписи проводятся и в тех странах, которые традиционно не считались многоязычными, но в которых благодаря глобализационным процессам быстро растет доля иммигрантского населения. Так, в Соединенном Королевстве в 2011 г. впервые проводилась перепись владения английским языком в Англии и Уэльсе, направленная на определение уровня компетенций в английском языке у жителей, для которых английский не является первым языком. Для 92% населения Соединенного Королевства английский (или валлийский в Уэльсе) является первым языком, а оставшиеся 8% имеют разные первые языки. Было установлено, что те, кто на основании самооценки не может говорить по-английски «хорошо» или «не говорит вообще», реже имеют «хорошее» состояние здоровья, чем люди, у которых английский является первым языком.

В ходе переписи языковые компетенции в устном владении английским языком определялись для трех категорий респондентов:

- респонденты с английским как первым языком;
- респонденты с первым неанглийским языком, говорящие по-английски «очень хорошо» или «хорошо» (носители);
- респонденты с первым неанглийским языком, говорящие по-английски «плохо» или «не говорящие вообще» (не-носители).

Английский оказался первым языком у 49,8 млн (92%) постоянных резидентов в возрасте свыше трех лет. Среди резидентов с другими первыми языками 3,3 млн попали в категорию «носители» (1,7 млн могут говорить по-английски «очень хорошо», 1,6 млн – «хорошо»), а 863 тыс. – в категорию «не-носители» (726 тыс. говорят по-английски «плохо», 138 тыс. не говорят вообще).

В ходе переписи 2011 г. от респондентов требовалось оценить состояние своего здоровья как «очень хорошее», «хорошее», «удовлетворительное», «плохое» и «очень плохое». При обработке данных они были разбиты на две группы:

- «хорошее здоровье» – объединившая респондентов, самооценявших состояние здоровья как «очень хорошее» и «хорошее»;
- «не хорошее здоровье» – объединившая респондентов, самооценявших состояние здоровья как «удовлетворительное», «плохое» и «очень плохое».

Респонденты из группы «не хорошее здоровье», не говорящие по-английски, нуждаются в услугах переводчиков, друзей или

родственников для того, чтобы сообщать подробности своего состояния провайдерам медицинских услуг. Это явление носит глобальный характер: так, Б. Спольски приводит случай 56-летней турчанки, отказавшейся от пересадки сердца в клинике в Ганновере из-за недостаточного знания немецкого языка. Врачи клиники поддержали это решение, поскольку пациентка не понимает предписания врачей, может принять не то лекарство и не может потребовать помощи в случае осложнений [Spolsky, 2004, р. 1].

Около 300 тыс. резидентов в Англии и Уэльсе имеют «не хорошее здоровье» и относятся к категории «не-носителей». Кроме того, эта группа резидентов имеет трудности при получении первичного доступа к медицинским услугам, и даже когда такой доступ получен, оказывается в некомфортабельной ситуации общения с врачом через третьих лиц [Stokes, 2011].

Результаты переписи свидетельствуют о том, что во всех возрастных категориях состояние здоровья ухудшается независимо от знания языка. Однако во всех группах в категории «не владеющие» доля людей, заявивших о хорошем состоянии здоровья, ниже, чем в других категориях (рис.). Разница между числом людей, имеющих хорошее здоровье, в категории «не владеющие» и в других категориях увеличивается в возрастных группах людей старше 50 лет [2011 Census ... – Электронный ресурс].

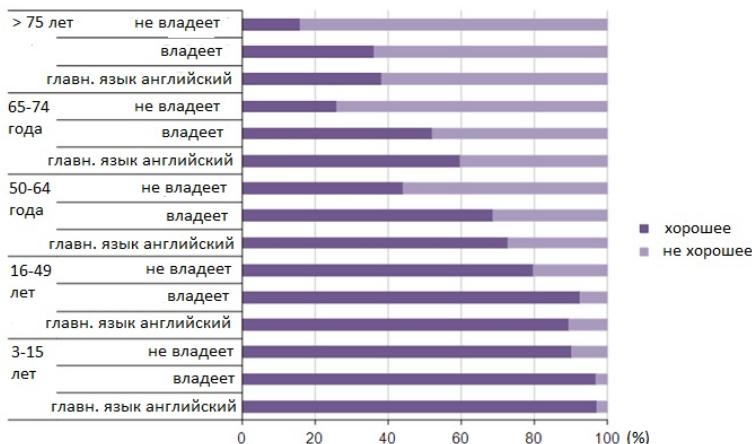

Рис. Состояние здоровья в зависимости от владения английским языком и возрастной категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.

Примечание: первым языком в Англии является английский, в Уэльсе – валлийский.

Кроме того, по рисунку видно, что в категории «владеющие английским языком» хорошее состояние здоровья встречается чаще, чем в категориях носителей английского как первого языка и не владеющих им вообще. Это объясняется тем, что данная языковая группа имеет более молодую возрастную структуру (табл. 1–2).

Таблица 1
**Возрастная структура мужского населения
для каждой языковой категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.**

Возраст (мужчины)	Первый язык английский / валлийский (%)	Владеющие английским (%)	Не владеющие английским (%)
3–15	16,7	12,1	11,9
16–49	47,5	72,4	61
50–64	19,6	10,4	16,1
65–74	9,2	3,2	5,4
75 и более	7	1,9	5,6
Всего	100	100	100

Таблица 2
**Возрастная структура женского населения
для каждой языковой категории в Англии и Уэльсе в 2011 г.**

Возраст (женщины)	Первый язык английский / валлийский (%)	Владеющие английским (%)	Не владеющие английским (%)
3–15	15,4	12,1	7,1
16–49	45,8	72,9	54,4
50–64	19,2	10,4	20,5
65–74	9,6	2,9	9,2
75 и более	10	1,8	8,8
Всего	100	100	100

В результате переписи были выявлены группы носителей десяти иммигрантских языков, среди которых наибольшее число заявивших, что они говорят по-английски «хорошо» или «очень хорошо» (табл. 3) [2011 Census ... – Электронный ресурс].

Таблица 3

**Десять иммиграントских языков,
носители которых лучше владеют английским языком**

Первый язык	Число носителей > 3 лет	%
Африкаанс	11 247	99,4
Валлийский (в Англии)	8248	99
Шведский	19 211	99
Датский	9971	98,8
Языки стран Северной Европы (не членов ЕС)	10 777	98,7
Шона (Зимбабве)	21 395	98,4
Финский	6592	98,4
Немецкий	77 240	98
Нидерландский	26 657	97,8
Тагалог / филиппинский	70 342	97,8

Из табл. 3 видно, что все иммиграントские сообщества, чьи члены декларируют хорошее знание английского языка, происходят из стран, где он является либо официальным языком, либо в обязательном порядке изучается в школах с самого юного возраста.

С другой стороны, перепись позволила выявить десять иммиграントских языков с наименьшими долями носителей, заявивших, что они говорят по-английски «хорошо» или «очень хорошо» (табл. 4) [2011 Census ... – Электронный ресурс].

Таблица 4

**Десять иммиграントских языков,
носители которых хуже всех владеют английским языком**

Первый язык	Число носителей > 3 лет	%
Кочевой цыганский	461	37,5
Пакистанский пахари	21 854	55,2
Вьетнамский	15 168	58,3
Кантонский диалект	44 404	61
Идиш	3987	62,2
Пенджабский	273 231	67,6
Другие цыганские	629	68,7
Бенгальский	221 403	69,6
Турецкий	99 423	69,9
Латвийский	31 523	70,8

Для объяснения разницы в численности хорошо владеющих английским языком используется языковое расстояние – мера различий между двумя языками. Так, языковое расстояние между азиатскими языками и английским больше, чем между языками Северной Европы или германскими.

В табл. 5 приводятся данные о десяти первых языках (без английского) с наибольшим числом носителей, ранжированных по доле владеющих английским языком.

Таблица 5
Десять первых иммиграントских языков с наибольшим числом носителей, хорошо владеющих английским

Первый язык	Число носителей > 3 лет	Владеющие английским	Не владеющие английским	% владеющих английским
Польский	546 174	395 556	150 618	72,4
Пенджабский	273 231	184 627	88 604	67,6
Урду	268 680	205 449	63 231	76,5
Бенгальский	221 403	154 067	67 336	69,6
Гуарати	213 094	162 680	50 414	76,3
Арабский	159 290	131 248	28 042	82,4
Французский	147 099	138 767	8332	94,3
Китайские диалекты (кроме кантонского и мандаринского)	141 052	106 362	34 690	75,4
Португальский	133 453	107 807	25 646	80,8
Испанский	120 222	107 729	12 493	89,6

Особое внимание при обработке результатов переписи уделяется резидентам в возрасте от 3 до 15 лет, у которых первым языком является не английский и которые не владеют английским хорошо или совсем. Эти данные необходимы муниципальным властям для планирования языковой образовательной политики. В Англии и Уэльсе в 2011 г. проживали 8,5 млн детей в возрасте 3–15 лет. У 94% из них первым языком был английский, 0,4 млн (5%) имели другой первый язык, но владели английским, а 78 500 (1%) относились к категории «не владеющих». Во всех муниципальных округах было менее 5% детей в возрасте 3–15 лет с другим первым языком, не владеющих английским. В табл. 6 приводятся данные по десяти муниципальным округам с наибольшей долей детей в возрасте 3–15 лет, не владеющих английским языком.

Таблица 6

**Десять муниципальных округов с наибольшей долей
детей 3–15 лет, не владеющих английским языком**

Округ	Первый язык английский/ валлийский	Владеющие английским	Не владеющие английским	Всего детей 3–15 лет	% не владеющих английским от общего числа детей
Хакни (Лондон)	31 390	5950	1846	39 186	4,7
Илинг (Лондон)	40 168	10 808	2297	53 273	4,3
Брент (Лондон)	36 591	10 237	2094	48 922	4,3
Харингей (Лондон)	32 472	6885	1557	40 914	3,8
Ньюхэм (Лондон)	39 986	12 261	2059	54 306	3,8
Бостон (Ист- Мидлендс)	7801	855	312	8968	3,5
Питерборо (Восток)	26 246	3371	965	30 582	3,2
Слау (Юго-Восток)	21 166	3777	796	25 739	3,1
Уолтем Форест (Лондон)	35 073	5911	1305	42 289	3,1
Энфилд (Лондон)	45 540	8044	1643	55 227	3,0

Уэльс

В западной части Британии – Уэльсе используются два языка: валлийский (он же уэльский, или кимрский), относящийся к бриттской группе кельтских языков, и уэльский вариант английского языка. Валлийский язык сегодня является самым распространенным из кельтских языков. На территории Уэльса валлийский язык является языком меньшинства и находится под сильным давлением английского языка, но со второй половины XX в. благодаря подъему национальной идентичности и росту националистических настроений делаются попытки расширить его использование.

В Программе правительства Уэльса на 2011–2016 гг. записано, что правительство обязуется «обеспечить блестящее будущее для валлийского языка». В программу включен специальный индикатор «Процент людей, могущих говорить и писать по-валлийски». В 2010 г. правительство начало реализацию Стратегии обучения на валлийском языке, а в 2012 г. опубликовало пятилетнюю стратегию поддержки валлийского языка «Живой язык – язык для жизни», направленную на развитие и облегчение использования валлийского языка и включавшую целый ряд индикаторов. Эти меры свидетельствуют о намерении правительства развивать систему образования в ответ на рост спроса на обучение на валлийском языке и в перспективе увеличить число людей, использующих валлийский язык в домашней обстановке, в своем языковом сообществе и на работе.

Переписи, проводимые в Уэльсе, нацелены на получение информации о валлийском языке. В 2011 г. вопрос о валлийском языке (№ 17) был сформулирован следующим образом: «Можете ли вы понимать, говорить, читать или писать по-валлийски?» Отвечать нужно было, поставив галочку в одной или более из пяти клеточек (по одной для каждой категории и одна для ответа «нет»). Вопрос задавался только на валлийском языке и касался респондентов старше трех лет. Информация об уровне компетенций или частоте использования не предусматривалась. Между переписями 2001 и 2011 гг. произошло падение числа и доли людей старше трех лет, могущих говорить по-валлийски. Это падение объясняется демографическими изменениями в структуре населения (падение рождаемости, старение взрослого населения, уход старших возрастных когорт с более высоким уровнем владения валлийским языком), а также миграцией и изменением языковых привычек населения в период между переписями [Census of population ... – Электронный ресурс].

За этот период доля людей, способных говорить по-валлийски, снизилась с 20,8 до 19,0%. Несмотря на рост населения, число носителей валлийского языка упало с 582 000 до 562 000 человек. Разница результатов между двумя переписями зависит и от возрастной группы: наблюдается значительный рост в младшей детской группе (3–4 года), слабый рост у взрослых в возрасте 20–44 года и падение в остальных возрастных группах. Около трех четвертей населения (73,3%) вообще не имели компетенций в валлийском языке против 71,6% в 2001 г.

По сравнению, в 1911 г. почти миллион (977 000) валлийцев в возрасте старше трех лет говорили по-валлийски. Это падение

продолжалось почти век и в 1981 г. их число упало до 504 000. В период 1981–2001 гг. число говорящих по-валлийски росло, но с 2001 по 2011 г. оно значительно сократилось.

Поэтому неудивительно, что организаторов переписи интересовали, в первую очередь, использование валлийского языка в домашней обстановке и его трансгенерационная передача, потому что они являются определяющими сохранения языка в живом состоянии.

Результаты по передаче валлийского языка в домашней обстановке получены для односемейных домохозяйств с детьми в возрасте 3–4 лет. Коэффициент передачи определялся как доля 3–4-летних детей, говорящих на валлийском языке. Сравнение с результатами предыдущей переписи показало, что число 3–4-летних детей, способных говорить по-валлийски, выросло с 13 329 в 2001 г. до 16 495 в 2011 г. (т.е. с 18,8 до 23,3%). Коэффициент передачи для семейных домохозяйств, в которых оба взрослых могут говорить по-валлийски, оставался стабильным в период 2001–2011 гг. и составлял около 82%. Коэффициент передачи для семейных домохозяйств, в которых один взрослый может говорить по-валлийски, вырос с 40 до 49%. Коэффициент передачи для домохозяйств с одним родителем, в которых взрослый может говорить по-валлийски, был выше в тех случаях, когда этот родитель был женщиной, чем когда он был мужчиной (54 и 42% соответственно).

Переписи показали также уменьшение доли домохозяйств, в которых как минимум один человек мог говорить по-валлийски с 28% в 2001 г. до 26% в 2011 г. Доля домохозяйств, в которых все члены говорили по-валлийски, сократилась за этот период с 11,1 до 9,4% [Census of population ... – Электронный ресурс].

За период между двумя переписями население Уэльса выросло на 153 000 человек. 90% этого роста приходится на мигрантов (как международных, так и внутренних из других частей Соединенного Королевства). Мигранты оказали большое влияние на число говорящих на валлийском языке. Доля жителей, родившихся за пределами Уэльса, увеличилась с 25 до 27%. 80% людей, родившихся за пределами Уэльса, не имеют никаких компетенций в валлийском языке. В то же время 507 000 валлийцев, родившихся в Уэльсе, живут в Англии, что составляет 18,5% от общего числа людей, родившихся в Уэльсе.

Что касается компетенций в валлийском языке, их динамика за период между двумя переписями изменилась следующим образом (табл. 7).

Таблица 7

**Динамика языковых компетенций в валлийском языке
между переписями 2001 и 2011 гг. (%)**

Языковые компетенции	Переписи	
	2001 г.	2011 г.
Могут говорить, читать и писать	16,3	14,6
Могут говорить и читать, но не могут писать	1,4	1,5
Могут говорить, но не могут читать и писать	2,8	2,7
Могут только понимать разговорный валлийский	4,9	5,3
Другое сочетание компетенций	3,0	2,5
Всего	100,0	100,0

Переписи показали, что в 2011 г. почти три четверти валлийцев в возрасте старше трех лет (73,3%) не имели компетенций в валлийском языке против 71,6% в 2001 г. Доля людей, умеющих говорить, читать и писать, снизилась с 16,3 до 14,6%, тогда как доля людей, способных только понимать разговорный валлийский, выросла с 4,9 до 5,3%. Переписи также позволили выявить значительную разницу в языковых компетенциях взрослых и детей, с преимуществом в пользу детей (табл. 8).

Таблица 8

**Компетенции в валлийском языке
по возрастным группам (2011 г.) (%)**

Возрастная группа	Говорят, читают и пишут	Говорят и читают, но не пишут	Говорят, но не читают и не пишут	Только понимают разговорную речь	Другое сочетание компетенций	Не имеют компетенций	Всего
3–4	5,4	1,5	16,2	6,4	0,4	70,1	100,0
5–19	29,5	2,1	4,0	5,4	4,3	54,6	100,0
20–44	12,5	1,3	1,7	5,1	2,0	77,4	100,0
45–64	9,9	1,3	2,0	5,7	2,0	79,1	100,0
65–74	11,0	1,7	2,3	5,0	2,7	77,3	100,0
75+	12,6	2,0	2,9	4,9	2,4	75,3	100,0
Все возрасты (3+)	14,6	1,5	2,7	5,3	2,5	73,3	100,0

Из табл. 8 видно, что почти треть детей (29,5%) в возрасте 5–19 лет могут говорить, читать и писать на валлийском языке, потому что в этом возрасте они изучают его в школе. Но эти компетенции снижаются у взрослых в возрасте 45–64 лет – всего 9,9%. 5,3% населения старше трех лет могут только понимать валлийский язык, но не имеют других компетенций. Их доля варьирует от 54,6% (в группе 5–19 лет) до почти 80% (у взрослых в возрасте 45–64 лет) [2011 Census: ... – Электронный ресурс].

В переписи 2011 г. впервые появился вопрос о главном языке (№ 19): «Как хорошо вы говорите по-английски?» (очень хорошо, хорошо, не хорошо, не говорю совсем). Этот вопрос относился к людям, живущим в Англии, но считающим валлийский своим главным языком. Он не включал информацию о носителях валлийского языка, живущих в Англии, но считающих своим главным языком английский (большинство валлийцев, живущих в Англии).

В переписи 2011 г. также впервые респондентам задавался вопрос об их национальной идентичности. Среди тех, кто может говорить на валлийском, 76,5% респондентов заявили о наличии только одной валлийской национальной идентичности. У не говорящих на валлийском эта доля составила 52,8%.

На основании данных переписи 2011 г. демографы построили прогноз изменения числа носителей валлийского языка на период с 2011 до 2050 г. По этому прогнозу число людей, обладающих компетенциями в валлийском языке, должно увеличиться с 562 тыс. до 666 тыс. человек [Projection., 2011. – Электронный ресурс].

Анализ британских переписей показывает, какое внимание уделяется вопросам языковой идеологии и языковой политики даже в тех странах, где родным языком большинства населения является самый распространенный мировой язык – английский, когда они осознают опасность ослабления национального единства и размывания национальной идентичности.

Список литературы

- Марусенко М.А. Новый мировой языковой порядок. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 692 с.
- 2011 Census: Detailed analysis – English language proficiency in England and Wales, Main language and general health characteristics. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/language/articles/detailedanalysisenglishlanguageproficiencyinenglandandwales/2013-08-30> (Дата обращения: 04.02.2019 г.)

- 2011 Census: First Results on the Welsh language. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://gov.wales/statistics-and-research/census-population-welsh-language/?lang=en> (Дата обращения: 03.02.2019 г.)
- Barry B.* Culture and equality: An egalitarian critique of multiculturalism. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 2001. – 399 p. [Электрон. ресурс].
- Census of population – Welsh language. – Mode of access: <https://gov.wales/statistics-and-research/census-population-welsh-language/?lang=en> (Дата обращения: 02.02.2019 г.)
- Eckert P.* Diglossia: Separate and unequal // Linguistics. – 1980. – N 18. – P. 1053–1064.
- Muhlhausler P.* Why one cannot preserve languages: (But can preserve language ecologies) // Language endangerment and language maintenance. – L.: Routledge Curzon, 2002. – P. 34–39.
- Projection of the number of Welsh speakers aged three and over by age, 2011 to 2050. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://statswales.gov.wales/Catalogue/Welsh-Language> (Дата обращения: 03.02.2019 г.)
- Romaine S.* Planning for the survival of linguistic diversity // Lang. policy. – 2006. – N 5. – P. 441–473.
- Spolsky B.* Language policy. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2004. – 262 p.
- Stokes P.* 2011 Census: Detailed analysis – English language proficiency in England and Wales: Main language and general health characteristics. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/language/articles/detailedanalysisenglishlanguageproficiencyinenglandandwales/2013-08-30> (Дата обращения: 19.01.2019 г.)

Э.Б. Яковлева

ГЕРМАНСКИЕ МИГРАЦИИ: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БРИТАНИИ В ЭПОХУ ГЕПТАРХИИ

Аннотация. В статье рассматривается языковая ситуация в Британии в эпоху семикоролевья, сложившаяся в результате германских миграций и образования на ее территории варварских германских государств в V–VI вв. н.э. В некогда кельтоязычной Британии начинает складываться новая германоязычная англосаксонская общность. В сложившихся варварских королевствах бытуют четыре диалекта: нортумбрийский, мерсийский, уэссекский, кентский. Формирующийся древнеанглийский язык испытывает в указанный исторический период трехнаправленное влияние: со стороны латыни, кельтских диалектов, скандинавских языков.

Ключевые слова: Британия; германские миграции; языковая ситуация; эпоха гептархии; великое переселение народов; варварские государства.

E.B. Yakovleva

GERMAN MIGRATIONS:

BRITAIN'S LANGUAGE SITUATION DURING THE HEPTARCHY

Abstract. The article deals with the linguistic situation in Britain in the era of the seven kings, formed as a result of the German migration and emergence on its territory barbaric German states in the V–VI centuries BC. In Britain that used to be once celtic a new Germanic Anglo-Saxon community began to shape. In the established barbarian kingdoms there are 4 dialects: Northumbrian, Mercian, Wesssex, Kent. The emerging old English language has a three-directional influence in this historical period: from Latin, Celtic dialects, and Scandinavian languages.

Keywords: Britain; German migration; linguistic situation; the era of heptarchy; the Great migration of peoples; barbaric state.

Германские племена еще до начала Великого переселения народов (IV–VII вв. н.э.) были миграционно активными. Очевидно, этому способствовал целый комплекс факторов, главными из которых были экономические, экологические и др., а также усиление

имущественного неравенства у германцев и процесс разложения родоплеменных отношений, что сопровождалось значительными изменениями в общественно-политическом строе германских племен. В III в. формируются племенные союзы германцев, представляющие собой зачатки государств [Энгельс, 1961, т. 19].

Низкий уровень развития производительных сил, нищета, потребность в расширении земельных владений, стремление к захвату рабов и грабежу богатств, накопленных соседними народами, многие из которых далеко опережали германские племена по уровню развития производства и материальной культуры, образование больших племенных союзов, представлявших собою грозную военную силу, – все это в условиях начавшегося разложения родового строя способствовало массовым миграциям германских племен, которые охватили громадные территории Европы и продолжались на протяжении нескольких столетий (IV–VII вв. н.э.). Прологом Великого переселения народов явилось передвижение восточно германских племен – готов – из области нижнего течения Вислы и с побережья Балтийского моря в причерноморские степи в III в., откуда готы, объединившиеся в два крупных племенных союза (остготов и вестготов), позднее продвигаются на запад в пределы Римской империи [Акунов, 2018]. Массовые вторжения как восточно германских, так и западно германских племен в римские провинции и на территорию самой Италии приобрели особый размах с середины IV в.

Ф. Энгельс, описывая миграции германцев, изображает удручающую картину всех тягот переселения, вызванного чудовищной нищетой германцев: «Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые кожами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скучной домашней утвари; скот они также вели с собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и защищаться от нападений; военный поход днем, ночью военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми в непрерывных боях, от усталости, голода и болезней во время этих переходов должны были быть огромными. Это была ставка не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на новой земле; в случае же неудачи переселявшееся племя исчезало с лица земли. Кто не пал в бою, погибал в рабстве» [Энгельс, 1961, т. 19, с. 448].

Эпоха Великого переселения народов, главными участниками которого на территории Европы были германские племена, завершается в VI–VII вв. формированием германских варварских королевств.

Разложение родового строя у германцев сопровождается выделением наследственной родовой аристократии. Она складывается из племенных вождей, военачальников и их дружины, которые сосредоточивают в своих руках значительные материальные богатства. Общинное землепользование постепенно сменяется разделом земель, при котором решающую роль играет наследственно закрепляемое социальное и имущественное неравенство.

Разложение родового строя завершается после падения Рима. При завоевании римских владений надо было вместо римских органов управления создать свои. Так возникает королевская власть: «Органы родовой организации управления должны были превратиться в государственные органы и, притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник. Защита завоеванной области внутри и вовне требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военачальника в королевскую власть, и это превращение совершилось» [Энгельс, 1961, т. 21, с. 151].

После падения Западной Римской империи процесс сложения германских королевств начинается в V в. и идет сложным путем, у разных племен по-разному, в зависимости от конкретной исторической обстановки.

В северо-западном регионе Европы, в частности на Британских островах, жестокая междоусобица вождей кельтских племен привела к тому, что они стали приглашать на военную службу, в помощь для разрешения межплеменных конфликтов, дружины германцев (англов, саксов, ютов, фризов и др.) с континента. Если бы они тогда осознали легкомысленность этого шага! Такие дружины и стали первыми завоевателями Британии.

На протяжении почти полутора веков (с середины V в. до конца VI в.) вслед за военными дружинами в Британию с континента переселяются западногерманские племена англов, саксов и ютов. Сломив сопротивление живших там кельтов, они основывают свои королевства на большей части территории.

Основными источниками сведений этого вторжения являются сочинения Гильдаса Мудрого (Gildas Sapiens) «О разорении Британии» (около 550 г.) [Гильдас Мудрый. – Электронный ресурс], «История бриттов» Ненния (конец VII в.) [Ненний. – Электронный ресурс], «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного

(731 г.) (*Bede Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis anglorum*) [Беда Достопочтенный, 2001] и «Англосаксонская хроника» (около 890 г.) [Англосаксонская хроника. – Электронный ресурс].

Первые дружины германцев были приглашены на службу Вортигерном (кельтский король Британии первой половины V в., пригласивший англосаксов для борьбы с пиктами) [Вортиген. – Электронный ресурс], который отдал им остров Танет [Штокмар, 1973].

Дальнейшее завоевание Британии ютами, англами, саксами и фризами приходится на вторую половину V в. Высадка германских дружин на побережье сопровождалась пожарами, истреблением всех, кто попадал в руки завоевателей, грабежами и насилием. Кто мог, спасался бегством. Местное население было охвачено паническим ужасом и полностью деморализовано. Это делало невозможным какое-либо сопротивление завоевателям, ведь они были язычниками¹ и в силу этого с особенной яростью громили богатые церкви и монастыри, дававшие прекрасную добычу. В «Англосаксонской хронике» сообщается, что саксонский вождь Элла со своими сыновьями высадился в Британии в 477 г., перебил бриттов, оставшихся в живых загнал в Андеридский лес [Англосаксонская хроника. – Электронный ресурс]. Затем осадил и взял Андериду (491 г.), где также всех истребил. Беда Достопочтенный говорит об Элле как о короле всей области к югу от Хамбера. Поселения саксов в основном были в долине Темзы и Суссексе. Пришельцы селились лишь по течению рек, так как вдоль дорог было опасно. Плотные поселения саксов встречались по рекам Кам, Уз, Нин. Гильдас сообщает о разоренных и разгромленных городах, брошенных затем завоевателями, так как они не представляли для них интереса, о рухнувших башнях, обвалившихся стенах, опустошенных деревнях, заброшенных полях, на которых не было ни колоса. Он пишет о том, как кельты бегут в горы и леса, как их ловят, убивают, наиболее упорных голодом вынуждают к сдаче, а потом либо убивают, либо обращают в рабство. Некоторые, спасаясь, бегут за море на континент или в Ирландию [Гильдас Мудрый. – Электронный ресурс].

¹ В период, предшествовавший англосаксонскому завоеванию, христианская церковь Британии имела две ветви: собственно британскую, тесно связанную с Римом, и ирландскую, в значительной мере независимую от Рима и имевшую ряд особенностей. Миссию в Ирландии возглавлял св. Патрик (ум. в 461 г.), миссию в Британии – св. Иллтуд. Патроном Уэльса был св. Давид (520–588) [Христианизация Британии. – Электронный ресурс].

Завершающим событием первого этапа завоевания Британии можно считать высадку саксонских вождей Цедрика и Кюнерика и основание ими королевства западных саксов – Уэссекса в 494 г. [Штокмар, 1973].

Второй этап начинается с конца V в. Он ознаменовался временной консолидацией сил кельтов, которые, объединившись под властью Амвросия Аврелиана, перешли к вооруженному сопротивлению англосаксонским завоевателям. Амвросий Аврелиан происходил из знатной римской семьи, был одним из немногих римлян, уцелевших в Британии в эту бурную эпоху. Он был вождем романобриттов. В начале VI в. Амвросий собрал бриттов и начал борьбу с завоевателями. Вероятно, примерно в это же время произошло и массовое переселение бриттов на континент в Арморику (Бретань – регион на северо-западе нынешней Франции). Амвросий дал ряд сражений и одержал несколько побед (победа при Бэддон Хилле в 516 г.). Имя Амвросия Аврелиана связывают с Арториусом, одержавшим 12 побед над завоевателями. Вероятно, именно его имеют в виду легенды о короле Артуре, которые легли в основу позднейшего рыцарского эпоса о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола» [Эрлихман, 2009].

К 600 г. завоевание основной территории Британских островов германскими дружинами было завершено [Мюссе, 2001].

Каковы были взаимоотношения англосаксов и кельтов?

Англосаксы, имевшие низкий уровень культуры, но обладавшие военным превосходством, вошли в непримиримый конфликт с местным, более культурным, но отвыкшим от войн кельтско-романским¹ населением. Большая часть кельтского населения была истреблена физически, их имущество разграблено, многие попали в рабство.

В этническом отношении кельты сохранились. Это доказывает факт наличия кельтской лексики, особенно топонимической. Обилие кельтских названий населенных пунктов, имен собственных, кельтская лексика, связанная с сельскохозяйственными работами (пахотой и скотоводством), с женским домашним обиходом, – все это в большей мере в диалектах западных и северных, нежели южных или восточных [Штокмар, 1973], доказывает, что кельтские наречия продолжали бытовать и после германского завоевания. Но уже в данный период они активно вливались

¹ После вывода в начале V в. из Британии римских легионов небольшая часть римского населения осталась там. – Прим. авт.

в общую ткань живых разговорных диалектов формировавшегося единого англосаксонского языка.

После 600 г., когда завоевание Британии в основном закончилось, образовался ряд мелких англосаксонских королевств. В результате борьбы между ними сложилось семь наиболее значительных: Эссекс, Суссекс и Уэссекс – саксонские королевства, Нортумбрия, Мерсия и Восточная Англия – королевства англов и Кент – королевство ютов. Поэтому VII–VIII вв. в Англии историки называют эпохой семикоролевья, или эпохой гептархии (гр. *hepta* – семь). Наиболее могущественными среди этих королевств оказались Нортумбрия, Мерсия и Уэссекс. Они были расположены самым выгодным образом для продолжения нападений на бриттов.

В начале англосаксонского завоевания Британии самым сильным было королевство ютов – Кент. С начала VII в. возвышается Нортумбрия – королевство, образовавшееся в результате объединения двух существовавших ранее королевств – Берниции и Дейры, что с самого начала придавало Нортумбрии значительный политический вес. С середины VII в. и на протяжении VIII в. господствующее положение в стране переходит к Мерсии. Владения Мерсии значительно увеличиваются благодаря удачным войнам мерсийских королей. Уэссекс возвысился в 60-е годы VI в.

В самом конце VIII в. северо-западный ареал Европы, и в частности Британские острова, ожидают новые кровавые испытания – нашествия скандинавских викингов. Они начинают вторгаться в Британию с конца VIII в. Сначала их дружины не проникают в глубь страны, а опустошают прибрежные районы на востоке и северо-востоке Англии, в Шотландии и Ирландии, на о. Мэн. Со временем набеги викингов приобретают все более угрожающий характер. Уэссекс был менее подвержен вторжениям скандинавов, поскольку он был расположен на юго-западе страны. Это обстоятельство во многом способствовало тому, что Уэссекс возвысился над остальными королевствами. В первой половине IX в. король Экберт присоединил к Уэссексу земли других саксонских королевств – Эссекса и Сассекса, которые в конце VIII в. подпали под власть Мерсии, и заставил покориться сами королевства Мерсию и Кент [Введение в германскую филологию, 2000].

Какова же была языковая ситуация в северо-западном регионе Европы после германских миграций, какой она стала после превращения кельтонаселенной Британии в германонаселенную? В связи с этим обратимся к историческому вопросу о классификации германских племен и германских языков. Как известно, пер-

вую классификацию германских племен дал Плиний Старший в четвертой книге своей «Естественной истории» [Плиний Старший, 2007]. Он делит все многочисленные германские племена на шесть основных групп: виндилов, ингвеонов, иствеонов, певкинов, герминонов и гиллевионов. Ф. Энгельс в своей работе «К истории древних германцев» принимает классификацию Плиния, считая ее в целом верной [Энгельс, 1961, т. 19]. Согласно данной классификации, именно представители второй племенной группы ингвеонов (англы, саксы, юты и фризы) составили новое население Британии.

Ингвеоны, иствеоны и герминоны были носителями западногерманских языков. В западную подгруппу германских языков, кроме англосаксонского, или древнеанглийского, входили также древнефризский, древнесаксонский, древненижнефранкский и древневерхненемецкий языки. Новые пришельцы – поселенцы Британии были носителями западной германской языковой подгруппы; на основе их диалектов сформировался англосаксонский, или древненемецкий, язык.

После германского нашествия часть кельтского населения Британии выжила и слилась с завоевателями. Начинается формирование общего языка англосаксонской народности. Однако все характерные черты языкового субстрата сохраняются и в новой языковой общности – влияние языка местного населения (кельтские наречия) на чужой язык (западногерманские языки). Хотя в результате завоевания местная кельтская языковая традиция в целом оборвалась (вследствие того, что германских пришельцев стало значительно больше, чем местного кельтского населения), особенно в центральной и юго-восточной части Британии, тем не менее в новом древнеанглийском языке проявляются черты местных языков. В западных и северных кельтских диалектах, которые бытовали в этих частях Британии как языки основного кельтского населения, согнанного с центральных и восточных областей, в большей мере сохранялось обилие кельтских топонимических имен, имен собственных, кельтские остатки в лексике, связанной с сельскохозяйственным производством, с домашним обиходом.

История английского языка засвидетельствована с конца VII в. – времени, от которого до нас дошли первые письменные памятники. Диалекты англов, саксов и ютов развивались после переселения этих племен на территорию Британии в изоляции от данных языков на континенте. В Британии их объединяли тесные территориальные связи, у них появляются новые общие черты, вызванные ареальными, политическими, экономическими, соци-

альными, религиозными и другими местными причинами, а различия, существовавшие между ними (во время проживания на континенте), постепенно становятся диалектными различиями общего языка новой англосаксонской народности.

По письменным памятникам древнеанглийского периода устанавливается существование в это время следующих четырех диалектов: нортумбrijского, мерсийского, уэссекского и кентского [Введение в германскую филологию, 2000]. Из них первые два были диалектами англов; они обнаруживали между собой большое сходство, но границы, разделявшие королевства англов, способствовали развитию в каждом из них некоторых отличительных черт. Уэссекский диалект был распространен в королевствах саксов к югу от Темзы, кентский – в небольшом королевстве Кент на юго-востоке Англии. В кентском диалекте имелись довольно значительные отличия от диалектов англов и саксов. Каждый из этих четырех диалектов объединял в себе более мелкие наречия [Бруннер, 1955; Ильиш, 1968].

Рунические памятники на древнеанглийском языке очень немногочисленны. Наиболее известные из них – стихотворная надпись религиозного содержания на придорожном каменном кресте близ деревни Рутвелл на юго-западе Шотландии (the Ruthwell Cross); второй известный памятник – надпись на шкатулке из китового уса, найденной при раскопках во Франции близ города Клермон-Ферран. Текст надписи содержит несколько слов о китовом усе. Оба памятника обнаруживают черты нортумбrijского диалекта [Введение в германскую филологию, 2000].

Латинский алфавит стал применяться для письма у англосаксов с распространением у них христианства. В монастырях в разных районах страны сначала получила развитие письменность на латинском языке, что способствовало распространению образования, как духовного, так и светского. И лишь с конца VII в. англосаксы начинают писать на родном языке, используя латинский алфавит, пришедший к ним от ирландских миссионеров.

Таким образом, с приходом германцев в Британию диалекты англов, саксов, ютов, фризов начинают формироваться в новый англосаксонский, или древнеанглийский, язык – язык новой этнической общности. Бытуя на острове, в изоляции от континента, германские диалекты с течением времени в новых геополитических и экономических условиях стали приобретать характерные отличия от германских диалектов континента.

Древнеанглийский язык бытовал с середины V до середины XII в. По сравнению с современным английским языком древнеанглийский был морфологически более богатым, его орфография более адекватно отражала произношение.

В рассматриваемый период гептархии древнеанглийский язык имел четыре диалекта: нортумбрийский, мерсийский, уэсекский и кентский.

Существенное влияние на древнеанглийский язык оказала латынь [Baugh, Cable, 2002]. Первый период этого влияния относится ко времени, предшествующему переселению англов и саксов из континентальной Европы в Британию. Второй начался, когда англосаксы были обращены в христианство и латынь получила распространение как язык церкви. И наиболее мощный слой латинских заимствований относится ко времени после нормандского вторжения 1066 г.

Вторым крупным источником заимствований в древнеанглийском языке были скандинавские языки, появившиеся в Британии во время набегов викингов в IX и X вв. [Geipel, 1971].

Число заимствований из кельтских языков намного меньше, чем из латыни или скандинавских языков. Среди всех известных и предполагаемых кельтских заимствований большинство – это топонимы [Baugh, Cable, 2002].

Список литературы

Акунов В. Готы. – М.: Вече, 2018. – 544 с.

Англосаксонская хроника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.6lib.ru/books/anglo-saksonskaa-hronika-176004.html> (Дата обращения: 10.08.2019 г.)

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 364 с.

Бруннер К. История английского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 323 с.

Введение в германскую филологию: Учебник для филол. ф-тов / Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. – М.: ГИС, 2000. – 314 с.

Вортиген. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/> (Дата обращения: 10.08.2019 г.)

Гильдас Мудрый. О разорении Британии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevlit.ru/texts/g/gildas.php> (Дата обращения: 10.08.2019 г.)

Ильин Б.А. История английского языка. – М.: Выш. школа, 1968. – 420 с.

Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: Вторая волна / пер. с фр. Саниной А.П. – СПб.: Евразия, 2001. – 352 с. – (Сер.: Barbaricum).

- Нений.* История бриттов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://royallib.com/book/nenniy/istoriya_brittov_s_komentariyami.html (Дата обращения: 10.08.2019 г.)
- Плиний Старший.* Естественная история: Кн. 4: О странах Европы / пер. и коммент. Старостина Б.А. // Вопросы истории естествознания и техники. – М., 2007. – № 3. – С. 110–142.
- Христианизация Британии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studopedia.info> (Дата обращения: 10.08.2019 г.)
- Штокмар В.В.* История Англии в средние века. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 184 с.
- Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1961. – Т. 19. – С. 442–494.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1961. – Т. 21. – С. 23–178.
- Эрлихман В.В. Король Артур. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 346 с.
- Baugh A.C.*, *Cable Th. A History of the English language*. – 5th ed. – L.: Routledge, 2002. – XI, 447 p.
- Geipel J.* The Viking legacy: The Scandinavian influence on the English and Gaelic languages. – Newton Abbot, 1971. – 225 p.

М.Б. Раренко

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ШОТЛАНДИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования английского языка в двух его формах (Scots и Scottish English) на территории современной Шотландии. Даётся краткий экскурс в историю Шотландии, без которого невозможно понять, как на территории одного и того же государства английский язык оказался представлен сразу двумя формами. Анализируется социально-культурная ситуация в Шотландии. Описывается отличие шотландского английского от британского варианта английского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Ключевые слова: английский язык; диалект; Шотландия; языковая ситуация; германский язык; кельтский язык; скотс; шотландский английский; гэльский язык; история Шотландии.

M.B. Rareenko
ENGLISH IN SCOTLAND

Abstract. The article deals with the problem of functioning of the English language in its two forms (Scots and Scottish English) in modern Scotland. A brief excursion into the history of Scotland is given, without which it is impossible to understand how the English language on the territory of one and the same state was represented by its two forms at the same time. The socio-cultural situation in Scotland is being analyzed. The differences (phonetic, lexical and grammar) between Scottish English and British English is described.

Keywords: English; dialect; Scotland; linguistic situation; German language; Celtic language; Scots; Scottish English; Gaelic language; history of Scotland.

В настоящее время в Шотландии наблюдается довольно любопытная языковая ситуация¹, явившаяся результатом исторического развития страны и ее жителей [Денисова, 2010].

¹ По С. Фергюсону, «термин языковая ситуация (language situation)... относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как сколько языков и какого рода языки исполь-

Общие замечания

В настоящее время на территории Шотландии в качестве основных языков используются три¹: шотландский английский (т.е. местный вариант английского языка), скотс и гэльский язык. Помимо упомянутых языков существуют также многочисленные диалекты. Отметим, что в современной научной и научно-популярной литературе нередко термином «шотландский язык» обозначаются все три языка. Иногда используются уточняющие слова: «шотландский гэльский», «шотландский английский» и «литературный шотландский английский». В данной статье термин «гэльский язык» используется для указания на кельтский по происхождению язык, развившийся из принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами языка; «скотс» указывает на германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка, а термин «шотландский английский язык» используется для обозначения литературного варианта английского языка, функционирующего на территории Шотландии и представляющего собой территориальный вариант английского языка [Раренко, 2016 а; Раренко, 2016 в].

Общие сведения о стране

Шотландия, будучи небольшой по территории страной, площадь которой насчитывает всего 78,7 тыс. кв. км, характеризуется весьма неоднородным и разнообразным рельефом, в связи с чем на ее территории традиционно выделяют три основных региона, или области: Южно-Шотландскую возвышенность, Средне-Шотландскую низменность (Лоуланд) и Шотландское нагорье

зуются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива» [цит. по: Швейцер, 2012, с. 131]. Л.Б. Никольский трактует языковую ситуацию следующим образом: «Взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть названо языковой ситуацией» [цит. по: Швейцер, 2012, с. 132]. – *Прим. авт.*

¹ В научной литературе не наблюдается единства в использовании терминологии, и иногда под шотландский языком понимается гэльский. – *Прим. авт.*

(Хайленд), к которому исторически тяготеют Внутренние и Внешние Гебридские острова. Согласно данным 2018 г., население Шотландии составляет 5 438 000 человек, из которых 98% являются этническими шотландцами.

В связи со специфическим рельефом для Шотландии характерно неравномерное расселение населения, три четверти которого сосредоточено в Лоуленде, где расположены крупнейшие городские и промышленные центры страны. Крупнейшими городами Шотландии являются Глазго, в котором проживает одна треть всего населения страны, или около 1,7 млн человек, а также Эдинбург с населением около 467 тыс. человек, Абердин, население которого составляет около 210 тыс. человек, Данди с населением около 194 тыс. человек и Перт, некогда столица Шотландии, где сегодня проживают около 43 тыс. человек. При этом в Хайленде, на Гебридских островах и в других частях Шотландии проживают всего около одной тысячи человек [Донскова, 2007; Павленко, 2003].

Из истории Шотландии

Для того чтобы понять, как менялась языковая ситуация на территории Шотландии, необходим краткий экскурс в ее историю. Согласно историческим данным, первые люди на территории современной Шотландии появились приблизительно 8 тыс. лет назад, а первые постоянные поселения могли возникнуть здесь не ранее 6 тыс. лет назад.

Еще в середине первого тысячелетия нашей эры Шотландия полностью сохраняла кельтский облик и основную часть территории страны заселяли племена, известные под названием «пикты», обязанные своим названием римлянам за то, что свои тела представители этих племен щедро украшали рисунками. Этническая принадлежность древних обитателей Шотландии – пиктов, или каледонцев, как их также называли римские авторы, до сих пор не выяснена. Некоторые исследователи считают, что в основе их были докельтские племена, другие связывают их формирование с первой волной кельтских переселенцев на Британские острова.

На юге Шотландии жили небольшие по численности группы бриттов, вытесненные из Англии англосаксами.

В конце V – начале VI в. на западные берега современной Шотландии с территории современной Ирландии переселились

кельтские племена скотов, название племени которых по причинам не очень понятным постепенно перешло на название всей страны.

К середине IX в., после завоевания пиктов скоттами, было создано единое королевство, распространившее свое влияние на всю остальную территорию. В начале XI в. районы восточного побережья страны, а также равнина Лотиана, заселенные на тот момент племенами англов, вошли в состав этого королевства. В результате была установлена граница между Шотландией и Англией в ее современном виде, а также в значительной степени была определена и дальнейшая история Шотландии. В частности, включение в состав Шотландии в XI в. англосаксонских районов, более плодородных и более развитых в экономическом отношении, чем другие районы Шотландии, привело к постепенному распространению там древнеанглийского языка. Однако государственным языком по-прежнему оставался гэльский.

В это же время Шотландское королевство раздирали междоусобицы феодалов, укрепившихся в неприступных замках, ослабляли набеги скандинавов, создавших себе базы на Оркнейских и Гебридских островах. Несмотря на все междоусобицы, королевство сыграло первостепенную роль в формировании шотландской нации.

В 1066 г. произошло знаковое для истории Англии событие – завоевание страны норманнами, непосредственно не коснувшееся Шотландии, поскольку Вильгельм Завоеватель (1027/28–1087) на первых порах удовлетворился тем, что шотландский король признал себя его вассалом, однако косвенное влияние этого завоевания было более чем значительным, особенно в языковом плане. Именно завоевание Англии норманнами в 1066 г. послужило причиной цепи событий, из-за которых Шотландия изменила своей гэльской культурной ориентации.

Все вышеперечисленное – междоусобицы, пришедший к власти в Англии Вильгельм Завоеватель и пр. – косвенным образом привело к существенным изменениям в политике государства. Малcolm III¹ (1031–1093) – сын короля Дункана I, после гибели которого на престол взошел Макбет, – стал королем Шотландии после убийства Лулаха, племянника и преемника Макбета, и женился на Маргарите, внучке английского короля Эдмунда II, сестре Эдгара Этлинга, свергнутого англосаксонского претендента на

¹ Мальcolm III, он же Мальcolm Великий Вождь (гэльск. Máel Coluim mac Donnchada, англ. Malcolm III Canmore, 26 марта 1031 – 13 ноября 1093) – король Альбы, или Шотландского королевства (1058–1093). – Прим. авт.

английский трон, который впоследствии получил поддержку со стороны Шотландии. Малькольму приписывается проведение проанглийской политики (по крайней мере, на первых порах). Его жена Маргарита также сыграла важную роль в снижении кельтского влияния в стране, а их младший из шести сыновей Давид I, ставший королем в 1124 г., женатый к тому времени на Матильде, дочери Вальтеофа, графа Нортумбрии, и получивший через этот брак право владения графством Хантингдон, за время, проведенное при английском дворе, испытал большое влияние норманнской культуры.

Давид I стал англо-норманским властителем, определившим в значительной степени путь развития страны и много сделавший для укрепления ее позиций. Прежде всего к его заслугам историки относят следующее: 1) он всячески способствовал введению в Шотландии феодализма; 2) поощрял приток населения с территории, которая сегодня принадлежит Нидерландам, в «бурги», города-крепости, чтобы укрепить торговые связи с континентальной Европой.

Таким образом, политика, проводимая Давидом I, в целом не была направлена на сохранение единства языка в королевстве и привела в итоге к постепенной англизации региона. Англизации Шотландии способствовал и приток на шотландскую землю англосаксов, бежавших от норманнов. Английское влияние в значительной степени усилилось в XII в., после браков между шотландскими и английскими королевскими фамилиями; шотландский королевский двор постепенно англизировался и становился центром англосаксонской культуры в Шотландии. Проводниками этой новой культуры становились английские феодалы, которых шотландский король приглашал на службу и одаривал землей.

В конце XIII в. Англия попыталась захватить Шотландию, но английские войска были разбиты, и по договору 1328 г. Англия признала независимость Шотландии. Это обстоятельство, безусловно, способствовало национальному сплочению шотландцев. Более того, важными событиями в шотландской истории было создание в конце XIII в. парламента и особенно проведенная в стране церковная реформа, благодаря которой в Шотландии с середины XVI в. было утверждено пресвитерианство¹.

¹ В 1560 г. шотландский парламент принял закон о признании пресвитерианской церкви государственной церковью Шотландии. – Прим. авт.

В 1603 г., после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603), не оставившей прямых наследников, король Шотландии Иаков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт (1542–1587) и племянник Елизаветы I, унаследовал английский престол и стал королем Англии Иаковом I. За исключением периода существования Британского Содружества Наций Шотландия оставалась отдельным государством, но вместе с тем имели место значительные конфликты между монархом и шотландскими пресвитерианами по поводу формы церковного управления. После Славной революции и свержения католика Иакова II (1633–1701) Вильгельмом III (1650–1702) и Марии II (1662–1694) Шотландия некоторое время стремилась избрать собственного монарха-протестанта, но под угрозой разрыва с Англией торговых и транспортных связей шотландский парламент совместно с английским в 1707 г. принял «Акт об унии». В результате объединения было образовано Королевство Великобритания.

«Акт об унии» (1707), шотландское Просвещение и промышленная революция – все это способствовало тому, что Шотландия превратилась в мощную европейскую страну.

В XX в., после Второй мировой войны, Шотландия испытала резкий спад производства, но в последние десятилетия XX в. наблюдалось культурное и экономическое возрождение региона за счет развития сферы финансовых операций и производства электроники, а также доходов от добычи нефти и газа на шельфе Северного моря. В 1999 г. были проведены выборы в парламент Шотландии, учреждение которого закреплено в «Шотландском акте» в 1998 г.

С начала 2000 г. в Шотландии усиливается влияние националистов. В 2007 г. Национальная партия Шотландии выиграла выборы в шотландский парламент, а ее лидер объявил, что будет добиваться проведения в 2010 г. референдума о независимости Шотландии. Осенью 2014 г. референдум состоялся, и по его результатам Шотландия не вышла из состава Соединенного Королевства.

Английский язык в Шотландии

Скотс

Исторически сложилось так, что когда говорят о языковой ситуации в Шотландии, да и экономическом положении, финансовом и пр., то в большинстве случаев рассматривают регион, который

принято называть «равнинной Шотландией», или Лоулендом, поскольку именно здесь, в долинах рек Форд и Клайд, сосредоточено, как было показано выше, около трех четвертей населения страны, а также расположены промышленные и культурные центры, несмотря на то что жители Шотландии проживают и в горных районах, и на принадлежащих стране многочисленных островах.

Равнинная территория Шотландии и горная на протяжении всей истории развития страны находились в некотором противостоянии – как экономическом, так и культурном. Исследователи отмечают, что особенно резко это противостояние было заметно в языковом аспекте: уже к концу Средневековья Шотландия была разделена на две культурные зоны: равнинную, жители которой говорили на скотс, и горную, население которой использовало в качестве языка коммуникации гэльский¹ язык² [Павленко, 2003].

С VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд) вследствие особых исторических условий существуют два языковых ареала – германский и кельтский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевиот-Хилс и реки Твид, – стали заселяться англы, германское племя, вошедшее в состав королевства Нортумбрия. В конце X в. после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997–1005), но по условиям договора английскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбrijского диалекта древнеанглийского языка. До конца XI в. в данном регионе использовался и гэльский язык, однако после того, как на трон объединенного Шотландского королевства взошел Малькольм III Кенмор (ок. 1031–1093), сын короля Данкена и нортумбrijки из знатного рода, шотландская династия стала фактически англосаксонской, что способствовало дальнейшему распространению северной разновидности древнеанглийского языка за счет вытесняемого гэльского [Павленко, 2003].

В XIV в. на базе языковой нормыedinбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался обще-

¹ Более подробно о гэльском языке в Шотландии см.: [Раренко, 2016а]; [Раренко, 2016б. – Электронный ресурс]; [Раренко, 2016в]. – *Прим. авт.*

² Несмотря на то что скотс со временем (по многим причинам, в первую очередь политическим) становился все более популярным на территории Шотландии, в удаленных частях юго-запада страны, входивших в графство Галлоуэй, использовался (возможно, вплоть до XVIII в.) галловейский гэльский диалект. – *Прим. авт.*

национальный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название *Inglis*. Во второй половине XV в. этот язык начал именоваться *Scottis*, а название *Inglis* стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку *Scottis* среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии. Первым письменным памятником,енным на языке скотс (еще в то время известный как *Inglis*), считается поэма «Брюс» шотландского поэта Джона Барбура (1316–1395), представляющая собой рифмованную хронику и описывающая историю Шотландии при Роберте Брюсе (1286–1329).

В 1603 г. после объединения корон Шотландии и Англии *Scottis* стал постепенно утрачивать статус государственного языка, а в 1707 г., после объединения английского и шотландского парламентов, национальный английский язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Тем не менее еще в течение долгого времени *Scottis* оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и в конечном счете фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в XIV–XV вв. Таким образом, *Scottis* сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII вв. иностранцы, с трудом понимавшие *Scottis* (в силу прежде всего большого количества кельтских заимствований), продолжали его воспринимать как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

XVIII век был временем национального подъема в Шотландии, и язык скотс пережил своеобразное возрождение в художественной литературе: на нем создавали свои произведения шотландские поэты Роберт Фергюсон (1750–1774) и Роберт Бёрнс (1759–1796).

В последующем столетии возрождение языка также продолжилось. В 1808 г. Дж. Джемисон¹ опубликовал «Этимологический словарь шотландского языка» [Jamieson, 2010]. В этот же период шотландские писатели создавали художественные произведения, персонажи которых говорили на языке скотс, что рассматривалось скорее как некий художественный прием, призванный воссоздать

¹ Преподобный Джон Джемисон (англ. *John Jamieson*), доктор богословия (3 марта 1759 (Глазго) – 12 июля 1838) – шотландский лексикограф, сын священника. – *Прим. авт.*

историческую обстановку, перенести читателя в историческое прошлое. В других сферах использование языка скотс не поощрялось.

В конце XIX в. в Шотландии, как и в других европейских странах, отмечается повышенный интерес к своему историческому прошлому, и в частности к языку. В 1889 г. А. Эллис (A. Ellis) (1814–1890) зафиксировал девять отчетливо выделяемых территориальных шотландских диалектов и разделил Шотландию по диалектным признакам на следующие территориальные образования: 1) Шетландские и Оркнейские острова; 2) Кейтнес; 3) Нейрн, Элджин, Бэнф, Абердин; 4) Восточный Форфар, Кинкардайн; 5) Западный Форфар, большая часть территории Перта, часть Файфа и Стерлинга; 6) Южный Айр, Западный Дамфриз, Керкубри, Вигтон; 7) Юго-Восточный Арджайл, Северный Айр, Ренфью, Ланарк; 8) Кинросс, Клакмэннан, Линлитгоу, Эдинбург, Хэддингтон, Бервик, Пиблз; 9) Восточный Дамфриз, Селкирк и Роксбург [Ellis, 1890]. В то же время У. Грант и Дж. Диксон выделяли три группы шотландских диалектов – северную, центральную и южную, но признавали, что каждая из них имеет свои подгруппы [Grant, Dixon, 1921].

Существовавший в виде диалектов скотс к концу XIX – началу XX в. стал восприниматься как язык низших слоев населения.

Новый виток интереса к языку скотс возникает вновь в 20-е годы XX в., в период «Шотландского возрождения», часто также называемого «Шотландским литературным возрождением», хотя оно распространялось далеко за пределы литературного творчества и наблюдалось в музыке, изобразительном искусстве и политике. В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского национального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид¹ (1892 – 1978), который в своих художественных произведениях стремился к синтезу шотландских диалектов начала XX в. с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи. Сильнее же всего представители шотландской элиты были озадачены судьбами национальных языков страны, влияние которых постоянно уменьшалось, и говорили о необходимости поддерживать, в частности, язык скотс, воспринимаемый многими в качестве национального оплота страны.

¹ На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид. – Прим. авт.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20–30-е годы XX в., а также после Второй мировой войны особого успеха не имели, что в значительной мере объясняется тем фактом, что все более широкое распространение получает телевидение и радиовещание на литературном английском языке.

Сегодня парламент Шотландии имеет полномочия по так называемым «переданным вопросам», т.е. вопросам здравоохранения, жилья и языковой политики.

В 2001 г. правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 г. была создана межпартийная группа по вопросам Scottis, в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre¹), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

Следует признать, что важнейшей проблемой современного состояния языка скотс является то, что у языка нет единого литературного стандарта. Этот факт не позволяет языку получить статус официального языка в Шотландии. Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс. Отмечается, что уровень развития литературного языка скотс в XX в. продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались. На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. В 2011 г. в Шотландии состоялась перепись населения, впервые одним из вопросов на которой был вопрос о владении языком скотс, в том же 2011 г. Центр создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах Scottis (Scots), чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает Павленко, далеко не всегда просто определить диалект говорящего [Павленко, 2005], поскольку

¹У организации есть собственный сайт. – Mode of access: <http://www.scots-language.com> – *Прим. авт.* [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 28.08.2019 г.)

даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» [Павленко, 2005, с. 175].

Тем не менее скотс медленно завоевывает новые рубежи: в мае 2011 г. члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии давали присягу Елизавете II на языке скотс, а учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (The Scots Language Working Group) выступила с инициативой введения в программу начальной и средней школы предмета Scottish Studies, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 г. был открыт интернет-ресурс «*Studying Scotland*».

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «*myther tongue*», т.е. «родным языком», полноценным языком не является, отводя ему роль скорее языка домашнего использования; 85% опрошенных говорят на скотс, а 67% считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского языка, частью парадигмы английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому. В пользу последнего указываются следующие исторические факты: 1) в период XIV–XVI вв. скотс фактически играл роль государственного языка Шотландии; 2) утрата статуса государстенного языка с последующей потерей единой нормы была вызвана экстралингвистическими факторами (потерей страной независимости); 3) богатая литературная традиция на языке скотс восходит к XIV в.; 4) существует разветвленная диалектная парадигма языка скотс (известно по крайней мере пять групп диалектов).

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частот-

ность лексических и грамматических шотландизмов и получил поэтому эпитет “thin Scots” (т.е. буквально “жидкий”, или “разреженный”, скотс) [McClure, 1979, p. 29–31]. Этот диалект представляет собой, скорее, (под)вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лаланс» [Павленко, 2005, с. 175].

Однако ученые, в первую очередь шотландские исследователи Э. Игл [Eagle, 2005. – Электронный ресурс] и Н. Маккалум и Д. Первес [Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans, 1995], указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо лингвистических, сколько от политических факторов, среди которых будущее Шотландии как государства и его языковой политики, т.е. изменения в политической жизни страны способны привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

С 1992 г. скотс включен в список отдельных языков Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств.

Шотландский английский язык

Шотландский английский язык (Scottish English) – относительно молодой язык. Он начал формироваться примерно после XVII в. на почве взаимодействия языка скотс, о котором речь шла выше, и британского английского как язык людей, принадлежащих в высшему обществу. Как было показано ранее, исторически так сложилось, что Шотландия подвергалась английскому влиянию не единожды, что не могло не отразиться на языковой ситуации в стране. Среди ученых принято считать, что в какой-то момент местное кельтоязычное население Шотландии было практически полностью англизировано, причем произошло это не через естественную языковую среду – через семью, а в порядке принуждения – через церковь и школу.

Подведем итоги. С 1603 г. на престол Англии и Шотландии взошла династия Стюартов, Иаков I стал во главе двух королевств. В 1611 г. в ходе Реформации в Шотландии был утвержден английский перевод Библии короля Иакова (Authorized King James

Version). В 1707 г. Англия и Шотландия объединились в единое Королевство Великобритания, после чего парламент Шотландии был расформирован и создан единый парламент в Лондоне. Объединение королевского двора и политических институтов, а также утверждение в Шотландии английского канонического текста привели к утрате социального статуса языка скотс. В XVIII в. деятели шотландского Просвещения, такие как А. Смит и Д. Хьюм, стремились утвердить единый языковой стандарт для Великобритании и очистить английский язык от «скотицизмов» [Stuart-Smith, 2008; MacKinnon, 1991, р. 4]. Благодаря усилиям интеллектуальной элиты в XVIII в. сформировался литературный (стандартный) шотландский английский язык. Отметим, что шотландский английский язык имел ряд преимуществ по сравнению с языком Scots, например, всегда отличался повышенной нормативностью речи и участием литературной нормы, что, безусловно, способствовало его упрочению.

Принятое обозначение английского языка в Шотландии – Scottish English – часто рассматривается современными исследователями как «совокупность разновидностей английского языка на территории Шотландии, в которую может (или не может) включаться язык “скотс” (Scots)» [Stuart-Smith, 2008, р. 48]. В настоящее время шотландский английский считается территориальным диалектом, в отличие от канадского и австралийского разновидностей английского, которые имеют статус «региональных вариантов».

Сегодня Scottish English является официальным и доминирующим языком в Шотландии. Это официальный язык высших государственных институтов, органов местного управления, образования, культуры, средств массовой информации, а также язык Церкви Шотландии.

В современном шотландском английском сегодня фиксируются отличия от стандартного английского языка (Received Pronunciation / Standard English), функционирующего в качестве литературной нормы на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в основном в произношении и лексическом составе и в меньшей степени в грамматике. Дж. Стюарт-Смит характеризует шотландский английский как «стандартный английский язык, произносимый с шотландским акцентом» [Stuart-Smith, 2008, р. 47].

Шотландский английский не представляет собой однородного явления на территории Шотландии, и внутри него можно выделить следующие территориальные разновидности: 1) глаузегианский,

западношотландский или «Weegie» (распространен в Глазго и Стратклайде); 2) восточношотландский (распространен в Эдинбурге и Лотиане); 3) aberдинский, или северо-восточный (используется в Абердине и Грампиане); 4) дандийский (ареал распространения – в Данди и Файфе); 5) инвернесский (используется в Инвернессе и высокогорье). В настоящее время шотландский английский испытывает влияние языка «скотс», что обусловлено наличием у них общего праязыка – староанглийского, в связи с чем скотс иногда называют среднешотландским диалектом староанглийского языка, и частичное влияние возрождаемого в Шотландии гэльского языка, носители которого в основном владеют шотландским английским. Особенно сильное влияние гэльского языка на шотландский английский отмечается на территории высокогорья, где проживает значительное количество этнических кельтов [Крупка, 2011].

Характерной чертой влияния гэльского языка на шотландский английский и скотс является оглушение звонких согласных звуков: [θ] – [s]; [ð] – [t], [s]; [z] – [s]; [ʒ] – [ʃ]; [b] – [p]; [d] – [t]; [g] – [k].

Среди наиболее характерных особенностей произношения в шотландском английском исследователи отмечают: 1) ротическое произношение; 2) долготу гласных (Закон Эйткена); 3) наличие согласных [χ] и [м], отсутствующих в британском английском; 4) отсутствие ряда дифтонгов [Крупка, 2011; Сторожева, Ольховникова, 2015. – Электронный ресурс]. Рассмотрим перечисленные и другие особенности более подробно.

Во-первых, в стандартном шотландском английском языке «г», в отличие от британской нормы, произносится в поствокальной позиции и изменяет предшествующие гласные (примером могут служить следующие слова *near*, *hair*, произносимые как [nɪ:r], [hɛr] в шотландском английском, в отличие от принятого в британском английском произношении [nɪə], [hɛə]. В отличие от [l] (alveolar approximant) британской нормы, «г» в шотландском варианте чаще произносится как [ɾ] (alveolar tap), в то время как [r] (alveolar trill) встречается гораздо реже. Также «г» произносится перед «л», и гласные, предшествующие «г», не меняют качество: так слова *herd*, *bird*, *curd* в шотландском английском звучат как [hərd], [bɪrd], [kʌrd] в отличие от британской нормы [hɛ:d], [bɛ:d], [kɛ:d]. Еще одним значимым отличием шотландского английского следует признать присутствие вставной [ə] между «г» и «л»: английские слова *girl*, *world* в шотландском английском произносятся как [gɪgəl], [wɔ:rld], в то время как в британском английском принято произношение [gɛ:l], [wɛ:ld].

Во-вторых, в шотландском английском в соответствии с законом Эйткена краткие в британском английском гласные, такие как [i], [u], [æ], приобретают долготу перед звонкими фрикативными согласными (такими как [ð]), перед «г», а также на стыке морфем: *breathe / brief, beer / bead, agreed / greed*.

В-третьих, в шотландском английском отсутствуют многие дифтонги в отличие от британской нормы английского языка, и слова произносятся с удлинением гласной: *bone [bo:n], late [le:t], noisy [no:zi]*.

В-четвертых, конечный звук в некоторых словах, оканчивающихся на [i], произносится в шотландском английском как [e]: *mighty ['maite], easy ['i:ze], happy ['hæpə]*.

В-пятых, фонема [s] в середине слова переходит в [ʃ]: лексические единицы *person, inside* в шотландском английском произносятся как [rɜ:ʃn], [ɪn'saɪd]. Также согласный [p] не озвончается, а конечный звук [θ] произносится как [t]: *width [wit], bath [ba:t], cloth [klɔ:t]*.

Еще одно отличие шотландского английского в области фонетики состоит в том, что неопределенный артикль «а» во всех позициях произносится как [ə]: *an apple [ə 'æpl], an umbrella [ə ʌm'brelə], an uncle [ə 'ʌŋkl]*, а взрывные фонемы [p], [t] и [k] в начале слова произносятся без придыхания.

Отличительной фонетической характеристикой шотландского английского является также присутствие в языке согласных фонем [χ] и [λ], которые не фиксируются в британской норме. Фонема [χ] присутствует в заимствованиях из гэльского языка (гэльск. *loch*), а также встречается в словах греческого происхождения (шотл. *technical, patriarch*). Буквосочетание «wh» в словах *what, where* и др. в шотландском английском произносится с придыханием как [ʍ]: [hwhot], [hwher], в то время как в британской норме в этом случае произносится звук [w]: [wɒt], [wɛə]. Наличие данных звуков в шотландском английском свидетельствует о его германском происхождении и сходстве шотландского английского с другими германскими языками, в частности с немецким: так, произношение согласного звука [χ] встречается в немецком языке, например на конце слов *Ich, Bach* и др. (перед гласной переднего ряда «ch» произносится как [ç] – *Ich*, а перед гласной заднего ряда как [χ] – *Bach*).

Словарный состав шотландского английского по сравнению с британской нормой также содержит значительные отличия [Крупка, 2011; Сторожева, Ольховникова, 2015. – Электронный ресурс]. В основном это обозначение культурных реалий, у кото-

рых не существует аналогов в английской культуре и которые отражают национальную специфику региона: *kirk*, *caber*, *haggis*, *teuchter*, *ned*, *landward* и пр.

Исторически сложилось, что для обозначения многих должностей в Шотландии традиционно использовались и продолжают использоваться лексические единицы языка скотс. Так, лексические единицы *depute* ['deputjut], *sheriff* *substitute* используются вместо «*deputy*», «*acting sheriff*», принятых в британской норме английского языка. Более того, скотицизмы, т.е. идиомы, заимствованные из скотс, встречаются и в устной речи. Так, довольно часто можно услышать «*Och aye the noo*», соответствующее фразе «*Oh yes, just now*» в стандартном английском языке.

Некоторые лексические единицы, используемые в повседневном общении, также имеют аналоги в шотландском английском и используются гораздо чаще, чем их аналоги в британской норме: *bairn* вместо *child* (ребенок), *kirk* вместо *church* (церковь), *laddie* вместо *young man* (парень), *lassie* вместо *girl* (девушка), *breeks* вместо *trousers* (брюки), *ее*, *еен* вместо *еуе*, *eyes* (глаз, глаза), *pinkie* вместо *little finger* (мизинец), *ken* вместо *know* (знать), *bide* вместо *stay* (оставаться), *girn* вместо *cry* (плакать), *wee* вместо *little* (маленький), *bonnie* вместо *pretty* (привлекательный), *auld* вместо *old* (старый), *canny* вместо *careful* (осторожный), *cauld* вместо *cold* (холодный), *wee* вместо *small* и пр.

В шотландском английском также наблюдается замена часто используемых в разговорной речи в стандартном английском языке оборотов, таких как: «*Why?*» на *How?* (особенно на севере Шотландии), «*Why not?*» *How no?*, «*It's your turn*» на *It's your shot* и пр.

Так, можно сделать вывод о том, что различия в лексическом составе шотландского английского и стандартного английского наблюдаются в основном в церковной сфере, в сфере государственных органов и органов местного самоуправления, а также в образовательной и юридической сферах. Также следует отметить, что большинство топонимов на территории Шотландии имеет кельтское или германское происхождение.

Между шотландским английским и британской нормой английского языка наблюдаются различия и в морфологии [Сторожева, Ольховникова, 2015. – Электронный ресурс].

Во-первых, прилагательные, образующие в британском английском языке степени сравнения супплетивным способом, в шотландском английском могут образовывать их синтетически: *bad-badder-the baddest*, *little – litteler – the litterest*. Также фиксируются

случаи одновременного использования аналитических и синтетических способов образования степеней сравнения: happy – more happier – the most happiest.

Во-вторых, модальный глагол will в шотландском английском имеет более широкое значение по сравнению с британским стандартом и используется вместо модальных глаголов shall и may: Will you say it again? – Shall you say it again? – May you say it again?

В-третьих, в шотландском английском возможно использование комбинации двойных и тройных модальных сочетаний, например might can: She might can write her homework. Особо часто используется двойная модальная конструкция с глаголом can.

В-четвертых, в шотландском английском образование пассивной формы часто происходит с использованием глагола to get: She *got* asked about this accident, в то время как в британском английском в этом случае используется глагол to be: She *was* asked about this accident.

Также глагол to get используется для образования предложений со значением приказа: You have got to go there!

Вместо отрицательной частицы not в шотландском английском чаще используются частицы no или nae [ne]: don't – dinnae, can't – cannae, won't – willnae.

Можно отметить и единичные случаи иного образования форм прошедшего времени (так, в качестве формы прошедшего времени глагола «to prove» в шотландском английском используется форма proven [pro:vən], тогда как в стандартном английском используется форма «proved»).

Заметим, что на территории Шотландии шотландский английский существует в виде различных диалектов, в большей или меньшей степени отличающихся друг от друга. Приведенные выше отличия шотландского английского в сравнении с британской английской нормой отражают языковую ситуацию, наблюдалась в стандартном (усредненном) шотландском английском.

Выводы

В заключение подведем итоги. На территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной

жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную.

Скотс и его литературная разновидность лалланс также проникают в эти сферы, однако их использование носит скорее декларативно-идеологический характер и не становится нормой речевой практики в соответствующих сферах, несмотря на то что в последние годы скотс в силу описанных выше причин получает все больше внимания в учебном процессе (при выполнении творческих заданий), во внешкольной деятельности (в театральных постановках учащихся) и в политической сфере. В периодической печати на скотс публикуются статьи в основном юмористического характера и заметки, описывающие национальные праздники шотландцев. В художественных произведениях использование скотс служит задаче создания местного колорита, т.е. также используется фрагментарно.

Население сельских районов Шотландии и небольших городков говорит преимущественно на территориальных диалектах скотс. Образованное население Шотландии, говорящее в основном на английском языке, использует в обиходно-разговорной речи шотландизмы, но чем выше социальный статус говорящего и его уровень образования, тем меньший процент шотландизмов будет представлен в его речи.

В соответствии с типологией языковых ситуаций, разработанной А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским, языковую ситуацию в современной Шотландии можно отнести к экзоглоссной несбалансированной разновидности с трехкомпонентным составом [Швейцер, Никольский, 1978]. Ситуация подобного типа характеризуется бытованием в регионе трех идиомов, один из которых – язык-макропосредник (в случае с Шотландией – это шотландский английский) – принят в качестве средства официальной коммуникации, а другие два (гэльский язык и скотс) функционируют в обиходной сфере.

Таким образом, особенность языковой ситуации в современной Шотландии состоит прежде всего в том, что на территории государства функционируют три языка, два из которых имеют один прайзык.

На протяжении долгих лет политическое, культурное и экономическое господство Англии и ее доминирование над Шотландией привело к снижению социального статуса скотс, однако в ходе повышения национального самосознания отмечается постоянно возрастающий интерес к изучению и исследованию коренного языка.

Английский язык на территории Шотландии претерпел значительные изменения (по сравнению с британским стандартом) и приобрел ряд отличий как на фонетическом, так и на лексическом и грамматическом уровнях, которые были закреплены в стандартном шотландском английском.

В соответствии с определением А. Эйткина шотландский английский является двуполярным лингвистическим континуумом, на одном конце которого находится скотс, а на другом – стандартный шотландский английский [Aitken, 1992].

Так, стандартный шотландский английский, как свидетельствуют исследования, в настоящее время является языком общения среднего образованного слоя населения Шотландии (владеющего в том числе и британской нормой английского языка), в то время как скотс является языком общения в основном в рабочей среде, а также среди сельского населения Шотландии. Стандартный шотландский английский обладает престижным статусом и считается нормой деловой коммуникации, в то время как шотландский английский используется чаще в неформальном общении членов семьи и среди друзей.

Список литературы

- Денисова Е.А. Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 22 с.
- Донскова И.И. Шотландия: Мистическая страна кельтов и друидов. – М., 2007. – 320 с.
- Крупка Н.М. Шотландский вариант английского языка в рамках современной языковой ситуации в Шотландии // Культура народов Причерноморья. Филол. науки. – М., 2011. – № 203. – С. 131–134.
- Никольский Л.Б. Очерки по теории социолингвистики. – Л., 1975. – 337 с.
- Павленко А.Е. На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. – СПб., 2005. – С. 175–182. – (Индоевроп. языкознание и классич. филология; 9).
- Павленко А.Е. Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – М., 2003. – 243 с.
- Раренко М.Б. Проблема взаимодействия языков на территории современной Шотландии // Вопр. психолингвистики. – М., 2016а. – № 4. – С. 194–205.
- Раренко М.Б. Судьбы миоритарных языков на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и его коронных территорий:

- Гэльский язык, скотс, мэнский язык // Социология и общество: Социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы 5-го Всерос. конгресса социологов. [Электронный ресурс]. – М.: Рос. об-во социологов, 2016б. – 10 694 с. – (DVD ROM). Pdf-формат. – С. 8808–8821.
- Раренко М.Б.* Языковая ситуация в современной Шотландии // Норма и вариативность в языке и речи. – М., 2016в. – С. 84–101.
- Сторожева А.А., Ольховикова Ю.А.* Фонетические и грамматические особенности шотландского диалекта // Молодой ученый. – 2015. – № 10.5. – С. 50–51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/18128/> (Дата обращения: 27.08.2019 г.)
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. – М.: URSS, 2012. – 176 с.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. – М., 1978. – 215 с.
- Aitken A.J.* The Oxford companion to the English language. – Oxford: Oxford Univ. press, 1992. – 894 p.
- Eagle A.* Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.twirpx.com/file/1612470/> (Дата обращения: 27.08.2019 г.)
- Ellis A.J.* English dialects: Their sounds and homes. – L., 1890. – 703 p.
- Grant W., Dixon M.J.* Manual of modern Scots. – Cambridge, 1921. – 500 p.
- Horsbroch D.* Nostra vulgari lingua: Scots as a European language 1500–1700. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.scots-online.org/airticles/eurlang.htm> (Дата обращения: 27.08.2019 г.)
- Jamieson J.* Etymological Dictionary of the Scottish Language. – 2010. – 728 p. – Репринтное издание.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans / Ed. by MacCallum N.R., Purves D. – Edinburgh, 1995. – 178 p.
- MacKinnon K.* Gaelic: A past and future prospect. – Edinburgh: Saltire soc., 1991. – 205 p.
- McClure J.D.* Scots and its range of uses // Languages of Scotland. – Edinburgh, 1979. – P. 26–48.
- Stuart-Smith J.* Scottish English phonology // Varieties of English. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 47–67.

2. ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т.А. Валиулина

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАНАДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена социолингвистическим аспектам канадского варианта английского языка, а именно диалектному варьированию и лингвистическому единству, различным подходам к генезису и развитию канадского английского, проблеме автономности канадского английского от британского и американского вариантов.

Вопрос о том, какие волны иммиграции сформировали лингвистический портрет Канады, остается до сих пор дискуссионным. В этой связи особого внимания заслуживают лоялистская теория (Loyalist Base Theory), сформулированная М. Блумфилдом, и сценарий формирования канадского английского, предложенный М. Скарджиллом (numerical swamping). В работе приводится обзор мнений современных ученых на то, какие экстралингвистические факторы оказали ключевое влияние на становление канадского варианта английского.

Обсуждение происхождения канадского английского перетекает в дискуссию о самостоятельности данного варианта языка и потенциальных угрозах независимому развитию канадского английского, в связи с этим в статье приводятся данные исследований, сравнивающие канадский английский с американским, а также затрагивается вопрос отношения носителей канадского английского и академической среды к проблеме автономности канадского английского на разных этапах его становления.

Одним из аргументов в пользу независимости канадского английского является региональная языковая вариативность. Многонациональный состав, социальные, политические и исторические причины способствуют территориальной дифференциации данного варианта английского на фоне общей языковой гомогенности. Исследования в области фонетики, лексикологии и грамматики позволили выделить ряд диалектных регионов на территории Канады, краткий обзор которых содержится в данной работе.

Ключевые слова: канадский вариант английского языка; субстрат; суперстрат; диалекты канадского английского; языковая вариативность.

T.A. Valiullina
SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF CANADIAN ENGLISH

Abstract. The article deals with sociolinguistic aspect of Canadian English, namely: dialect variation and linguistic homogeneity; approaches to the genesis and evolution of Canadian English; the autonomy of Canadian English from the British and American variants.

The question as to what migration waves determined the linguistic nature of Canada remains unresolved. Thus, the Loyalist Base Theory by M. Bloomfield and numerical swamping hypothesis by M. Scargill merit a close examination. The paper considers the opinions of modern scholars on extralinguistic factors that exerted the biggest influence on the formation of Canadian English.

The debate over the origin of Canadian English prompts discussion on the autonomy of this variant of English and potential threats to its independence. The article features research findings comparing Canadian and American variants of English, and reviews public and academic attitudes to the autonomy of Canadian English.

Dialect heterogeneity may be deemed as evidence of linguistic autonomy. Multinational population, social, political and historical reasons account for dialect variation, with linguistic homogeneity being a distinctive feature of Canadian English. Research into phonetics, vocabulary and grammar reveals the existence of a number of dialect regions in Canada, which are outlined in this paper.

Keywords: Canadian English; substratum; superstratum; Canadian English dialects; language variation.

В силу социокультурных, экономических и геополитических факторов на данный момент английский – самый распространенный язык в мире. Огромный ареал английского языка обуславливает актуальность изучения его территориальной дифференциации.

Фонетические, лексические и грамматические особенности канадского варианта английского языка освещались в работах отечественных (М.А. Новоселова; Д.В. Исаев; И.С. Лаврентьева; Т.И. Шевченко, А.А. Абызов; Е.В. Бондаренко, Е.А. Шитова; Н.Ф. Быстrikова; Е.В. Муссаяи; Т.И. Касаткина; Л.Г. Попова и др.) и иностранных авторов (Э.Р. Аренд; А. Генри; У.С. Эйвис; М. Блумфилд; Ч. Боберг; У. Лабов; Ш. Эш; Дж.К. Чеймберз; С. Доллинджер; С. Кларк; Ш. Поплак; С. Тальямонте; М. Скарджилл и др.), и на сегодняшний день, по мнению Ч. Боберга (Университет Макгилл, Монреаль), канадский английский – один из самых хорошо изученных вариантов английского [Boberg, 2010, p. 54].

Дискуссия о статусе канадского английского началась в середине XX в. и продолжается до сих пор. В эту обширную тему С. Доллинджер, профессор Университета Британской Колумбии, включает такие взаимосвязанные вопросы, как языковая автоно-

мия (развитие языка, независимое от британского и американского вариантов английского); однородность и вариативность; консервативность или прогрессивность канадского варианта английского языка [Dollinger, Clarke, 2012, p. 450; Dollinger, 2015, p. 25]. С. Доллинджер [Dollinger, 2019] со ссылкой на Дж. Чеймберза и Ч. Боберга [Chambers, 2010; Boberg, 2010, p. 55–105] выделяет пять волн миграции, в разной степени повлиявших на демографический состав Канады:

- 1) 1776–1812 гг. – американские мигранты (сторонники единства Британской империи – «лоялисты»);
- 2) 1815–1867 гг. – британские и ирландские мигранты;
- 3) 1890–1914 гг. – мигранты из континентальной Европы (Германии, Италии, Скандинавии, Украины) и Великобритании;
- 4) 1945–1970-е гг. – мигранты из Европы, Азии, Латинской Америки и США;
- 5) 1990 г.–по настоящее время – разнородные по национальному составу потоки мигрантов, увеличивается поток мигрантов из Китая.

По мнению Ч. Боберга, становлению канадского английского способствовали три важных исторических события: победа британцев в Семилетней войне (колониальный конфликт между Великобританией и Францией, в результате которого Великобритания получила власть над территорией современной Канады), революция в Америке и индустриальная революция в Великобритании (способствовали притоку британских мигрантов) [Boberg, 2010, p. 99].

Вопрос о том, как волны иммиграции сформировали лингвистический портрет Канады, остается до сих пор дискуссионным. В связи с этим исследователи [Dollinger, 2008, p. 121; Boberg, 2010, p. 100] выделяют два лагеря мнений, склоняющихся к двум различным сценариям происхождения канадского английского, предложенным М. Блумфилдом и М. Скарджиллом. «Лоялистская теория» (Loyalist Base Theory) М. Блумфилда, сторонниками которой являются У. Эйвис, Дж. Чеймберз, С. Доллинджер [Avis, 1973; Chambers, 1998; Dollinger, 2008], утверждает, что основу канадского английского заложили мигранты-лоялисты, переселившиеся в Канаду из США после 1776 г. из-за неприятия Американской революции: «Лоялисты сформировали правящий класс, установили социальные стандарты, к которым относится и язык» [Bloomfield, 1948, p. 61].

М. Скарджилл [Scargill, 1957, p. 611–614] полагает, что сценарий, описанный М. Блумфилдом, является упрощенным представ-

лением об истоках канадского английского, придающим слишком большое значение первой волне миграции и недооценивающим влияние куда более массовой миграции из Великобритании второй волны. М. Скарджилл указывает на методологический недостаток в работе М. Блумфилда: отсутствие сравнительно-исторического анализа британского и американского вариантов английского, приводящее к ложным выводам, поскольку то, что кажется американским, может уходить корнями в британский английский XVIII в. [Scargill, 1957, p. 611]. По мысли М. Скарджилла, вторая волна миграции захлестнула (swamped) Канаду, размывая сформированные первой волной языковые особенности [Scargill, 1957, p. 612]. Сценарий, предложенный М. Скарджиллом, социолингвисты называют *numerical swamping* (эффект размывания вследствие численного превосходства мигрантов).

Согласно С. Доллинджеру, несмотря на очередной рост интереса к изучению колониальных диалектов и вариантов языка, вопрос о генезисе диалектов и роли их носителей до сих пор остается дискуссионным и требует дальнейшего исследования [Dollinger, 2008, p. 122–127]. С. Доллинджер скептически относится к вероятности того, что именно вторая волна иммиграции сыграла решающую роль в становлении канадского английского, поскольку он не считает М. Скарджилла – канадского профессора лингвистики, рожденного и получившего образование в Великобритании, – беспристрастным наблюдателем [Dollinger, 2015, p. 33]. Несмотря на то что лоялистская теория М. Блумфилда снискала большую поддержку среди современных исследователей, нельзя отрицать влияние второй волны иммиграции, которому ученые находят эмпирические подтверждения. К примеру, Дж. Чеймберз [Chambers, 2004] выявил фонетический феномен «Canadian Dainty» (канадская изысканность) – квазибританский акцент, маркер речи социальной элиты, довольно распространенный вплоть до середины XX в. Подобные речевые преференции можно объяснить в терминах колониального отставания (colonial lag) А. Марквортса [Marckwardt, 1958, p. 80], под которым подразумевается постколониальное сохранение культурных и языковых черт метрополии. Однако популярность «Canadian Dainty» уходит в прошлое, и то, что казалось престижным полвека назад, сегодня звучит для канадцев слишком претенциозно. По мнению Чеймберза, «сейчас канадцы говорят на канадском английском без налета британской респектабельности» (статья в «CBC News» от 01.07.17). У. Эйвис объясняет подобную смену отношения следующим образом: «Антипатия канадцев к британскому акценту

не является выражением антибританских настроений... это проявление поиска национальной идентичности» [Avis, 1973, p. 62].

Три последующие волны миграции способствовали формированию поликультурного характера канадской нации, но имели значительно меньший лингвистический эффект: они ограничивались культурными и лингвистическими заимствованиями и не оказались на структуре языка в целом [Dollinger, 2019].

Историческая близость к Великобритании и географическая к США не могли не поставить на повестку дня в канадском интеллектуальном дискурсе вопрос о языковой автономии. Так, по мысли У. Эйвиса, канадский английский является гибридом американского и британского, и именно совокупность этих черт составляет его уникальную идентичность [Avis, 1973, p. 43].

В послевоенные годы в Канаде наблюдался беспрецедентный подъем национального самосознания, на фоне которого началась активная работа по кодификации канадизмов и выпуску словарей канадского английского. В 1967 г. вышли *Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary* и *Dictionary of Canadianisms on Historical Principles*. Согласно С. Доллинджеру, словари ванкуверского издательства *Gage Publishers* стали первыми словарями канадского английского общего типа (взамен британских и американских), в то время как *Canadian Oxford Dictionary* (1998) стал *de facto* стандартом для многих учреждений высшего образования [Dollinger, 2019].

С. Доллинджер и С. Кларк [Dollinger, Clarke, 2012, p. 452–453] приводят интересную статистику, позволяющую судить о том, к какому варианту английского склоняются сами канадцы. Так, в период с 1977 по 1984 г. преобладали ссылки на американские словари, в 1985–1989 гг. – на канадские, в 1990–1994 гг. – на британские, а в 1995–1999 гг. наблюдалось резкое увеличение количества ссылок на собственно канадские словари, и данное преимущество сохранилось до 2010 г., за которым последовал заметный спад. Как отмечает С. Доллинджер, данное обстоятельство стало результатом внешних факторов: конкуренции издательств и победы *Canadian Oxford Dictionary* в маркетинговой войне над *Gage Canadian Dictionary* [Dollinger, 2011, p. 6]. Однако в конце 2008 г. подразделение *Canadian Oxford Dictionary* было закрыто, что нанесло удар по канадской лексикографии, успешно развивающейся с 1960-х годов.

Частотность использования словарей привлекает внимание исследователей отчасти потому, что, например, по мнению Р. Грегга,

посредством словарей осуществляется связь академической среды с широкой общественностью [Gregg, 1993]. Проблема использования словарей непосредственно перетекает в дискуссию о языковом стандарте. С. Доллинджер размышляет о том, почему такая сильная лексикографическая традиция могла быть прервана так легко и без общественного и научного резонанса, и находит ответ в работе Дж. Чеймберза [Chambers, 1986], который заключает, что понятие стандарта чуждо канадскому национальному характеру. Развивая эту идею, С. Доллинджер задается вопросом о том, является ли подобное отношение следствием языковой толерантности, безразличия или попустительства (*laissez-faire*), и заключает, что последнее наиболее вероятно, приводя ряд убедительных примеров. Исторически в качестве учебных материалов в образовательных учреждениях по усмотрению преподавателей использовались американские, британские или ирландские тексты. По количеству приобретаемых для школьных библиотек словарей издательство *Webster* конкурируют с *Gage Canadian Dictionary*. В Торонтском университете при подготовке диссертаций требуют придерживаться канадского английского в версии *Canadian Oxford Dictionary*, но нет даже упоминания о грамматическом стандарте. Начиная с 1980-х годов канадские лингвисты проделали огромную работу по изучению различных вариантов английского и обоснованию статуса канадского английского как самостоятельного и уникального, и поэтому С. Доллинджер с сожалением отмечает разительное расхождение в отношении к канадскому английскому в академической среде и в обществе в целом и говорит о необходимости популяризации канадского английского, чтобы в общественном сознании он не приравнивался к набору забавных канадизмов [Dollinger, 2011, р. 7–8].

В 1980–1990-е годы американизация рассматривалась как угроза независимого развития канадского английского. Исследования Дж. Чеймберза, С. Кларк и Г. Вудса свидетельствовали о том, что канадцы отдают предпочтение американским вариантам [Chambers, 1980; Clarke, 1993; Woods, 1993]. В этой связи пессимисты высказывали предположение о том, что язык в скором времени перестанет быть средством выражения национальной идентичности англоговорящих канадцев [Woods, 1993, р. 174]. В конце 1990-х годов были введены новые правила орфографии: американское написание было заменено на «канадское» (кавычки из [Dollinger, 2012, р. 454]), которое, по сути, является британским. Этую реформу можно считать очередным шагом к установлению языкового стандарта наряду со словарной кодификацией.

В качестве объяснительной теории взлета и падения канадского общественного и языкового самосознания С. Доллинджер использует модель образования диалектов, предложенную Э. Шнайдером [Schneider, 2007]. Применяя модель Шнайдера к истории Канады и ее языка, С. Доллинджер выделяет пять фаз:

1) основание – английский язык привезен в Канаду переселенцами (1713–1812);

2) экзонормативная стабилизация – колония организована, нормы заимствуются из метрополии (1812–1867);

3) нативизация – создание нового варианта языка, смешение английского с местным французским и языками коренного населения (1867–1910);

4) эндонормативная стабилизация – кодификация канадского варианта английского языка (1920–1970);

5) диверсификации – развитие социолектов, этнолектов и т.п. (с 1970 г.).

Падение интереса к национальному языку объясняется переходом от фазы 4 к фазе 5. Это находит подтверждение и в исследовании Дж. Чеймберза (1998), зарегистрировавшем ослабление многих маркеров канадской идентичности.

Значительный вклад в доказательство самостоятельности канадского английского внесли составители «Атласа североамериканского английского языка» У. Лабов, Ш. Эш и Ч. Боберг. Они выявили, что фонетические изоглоссы проходят по канадско-американской границе. Это и последующие исследования [Boberg, 2008] доказывают, что, к примеру, канадский перебой гласных (Canadian Vowel Shift) представляет собой общеканадское явление, распространено особенно среди молодых канадцев, представителей среднего класса [Boberg, 2010, р. 204]. Это явление отличает в фонетическом плане канадский английский от пограничных вариантов американского английского. Фонетическое явление «канадский подъем» (Canadian Raising) является общим признаком стандартного канадского английского, хотя его региональная вариативность выше, чем у канадского перебоя гласных.

Изучение лексического состава также выявило аргументы в пользу самостоятельности канадского варианта английского. Статистический анализ 44 лексических переменных показал, что канадские диалекты имеют больше общего между собой, чем каждый из них – с американским английским. При этом некоторое региональное варьирование все же присутствует: так, речь саскачеванцев наиболее отличается от американской, а в Большом То-

ронтно максимально приближена к ней, однако из вышеупомянутых 44 переменных варьирует 21, что при всем сходстве говорит о различии канадского и американского вариантов английского [Boberg, 2010, p. 187].

Рис. 1. Территория распространения канадского подъема (Canadian Raising)
[Labov, Ash, Boberg, 2006, p. 222]

По вопросу диалектного варьирования канадского английского исследователи сходятся во мнении, что канадский вариант английского языка довольно однороден, но есть некоторые расхождения относительно границ диалектов. М. Блумфилд одним из первых отметил, что канадский английский простирается на три тысячи миль от Новой Шотландии на востоке до Британской Колумбии на западе [Bloomfield, 1948, р. 63]. С ним соглашается Пристли [Priestley, 1968, р. 75], который писал, что на всем протяжении от Галифакса до Виктории речь молодых людей более единообразна, чем речь британской или американской молодежи. К середине XX в. представление об однородности канадского английского прочно укоренилось в лингвистике. По мнению Г. Вудса [Woods, 1999, р. 25], канадский «диалект» охватывает самую большую территорию по сравнению с другими диалектами в мире. Лингвисты не всегда сходятся во мнении о географических рамках распространения гомогенного варианта, который называется *общеканадским* (General Canadian). По мнению Дж. Чеймберза, однородная языковая территория простирается от Онтарио до Эдмонтон и границы с США на юге [Chambers, 1973, р. 114]. Р. Грэгг включает в этот пояс Ванкувер [Gregg, 1957]. П. Традгилл и Дж. Ханна [Trudgill, Hannah, 2002, р. 48] предлагают региональное деление канадского английского на три части: общеканадский, преобладающий на большей части англоговорящей Канады от Виктории и Ванкувера на западе до Оттавы и англоговорящего меньшинства в Квебеке; Атлантические провинции; Ньюфаундленд.

Последние эмпирические данные подтверждают, что канадский английский содержит много общих черт на территории от границы Онтарио с Квебеком до побережья Тихого океана. Данные «Атласа североамериканского английского языка» [Labov, Ash, Boberg, 2006] свидетельствуют о существовании фонетических изоглосс от Онтарио до Британской Колумбии и определяют Атлантические провинции и Ньюфаундленд как отдельные лингвистические регионы. Однако С. Доллинджер обнаруживает некоторые методологические недостатки в данных исследованиях, поскольку они изучали речь городского среднего класса, носителями *стандартного канадского английского* (Standard Canadian English). Чеймберз определяет стандартный акцент как английский городского среднего класса, носителями которого являются канадцы во втором и более поколении [Chambers, 1998, р. 252]. Если придерживаться подобных критерииев, то носителями стандартного канадского английского являются только 36% населения Канады [Dollinger, 2011, р. 5]. Последние несколько поколений исследователей уделяют пристальное внимание изучению диалектов канадского английского. По мысли Ч. Боберга, региональная языковая вариативность является свидетельством лингвистической автономности канадского английского от американского [Boberg, 2010, р. 250].

Говоря о диалектах канадского английского, следует отметить, что провинция Ньюфаундленд и Лабрадор не включается в ареал распространения General Canadian, поскольку является отдельной диалектной областью в силу ряда факторов: во-первых, населением – основателем этой провинции являются выходцы из Юго-Восточной Ирландии и Юго-Западной Англии; во-вторых, эта провинция вступила в состав Канады только в 1949 г.

Отдельного изучения удостоилась речь англофонов Квебека, единственной монолингвальной франкофонной провинции Канады в государстве, где официально закреплен билингвизм. Агрессивная франкизация Квебека на законодательном уровне, подробно описанная в работе Ч. Боберга [Boberg, 2010, р. 6–18], создала языковую ситуацию, при которой французский выступает языком-суперстратом, а английский – субстратом, и о влиянии французского на квебекских англофонов, для которых английский – первый язык (L1 speakers), свидетельствует ряд переменных [McArthur, 1989; Fee, 1992]. Исследователи отмечают лексические заимствования (*guichet* – ‘ATM’, *dep (anneur)* – ‘corner store’), семантические изменения (*security* в значении *safety*, *primordial* – *essential*) [Fee, 2008, р. 181], фонетические влияния [Boberg, 2010, р. 213–225] и измене-

ния в синтаксисе (например, *Eng. We're living on St. Catherine corner Peel < Fr St. Catherine coin Peel*) [Boberg, 2012, p. 497, 500].

Относительно хорошо изучены диалект Луненберга (английский диалект, сформировавшийся под влиянием немецкого языка) [Emeneau, 1935]; креолизованный диалект банги (С. Доллинджер называет его *contact language*) в Ред-Ривер (провинция Манитоба), образовавшийся в результате языкового контакта англоговорящих шотландцев и коренного населения кри [Gold, 2007. – Электронный ресурс]; диалект в долине Оттавы (значительное влияние гэльского и ирландского) [Pringle, Padolsky, 1983]; язык афроамериканского населения Новой Шотландии (*old-line Nova Scotians*) [Poplack, Tagliamonte, 2001].

Исследование этнической специфики словаря и фонетики канадского английского, проведенное Ч. Бобергом в 2005 и 2008 гг. [Boberg, 2005a, Boberg, 2008], выявило в целом шесть диалектных регионов в Канаде: западный (Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия); Онтарио; Квебек; Нью-Брансуик–Новая Шотландия; Остров Принца Эдуарда; Ньюфаундленд. Фонетические и лексические изоглоссы демонстрируют высокую степень совпадения.

Phonetics	West		Ontario	Quebec	Maritimes	Newfoundland
	BC	Prairies				
	BC, Prairies, NW Ontario		Ontario	Quebec	Atlantic Canada	
Vocabulary	West		Ontario	Quebec (Montreal data only)	New Brunswick & Nova Scotia	Prince Edward Island
		NW Ontario				

Рис. 2. Основные диалектные зоны, распределение по фонетическим и лексическим признакам [Boberg, 2008]

По мнению С. Доллинджера, диалектная однородность центральной части Канады (от Онтарио до Британской Колумбии) подтверждает лоялистскую теорию М. Блумфилда (Loyalist Base theory) [Dollinger, 2012, p. 460], т.е. американские лоялисты, поселившиеся в Онтарио, заложили основу речевых образцов, а согласно принципу основателя («founder principle» [Mufwene, 1996]), вклад первых поселенцев в процесс формирования кийне оказался наибольшим.

Потенциальным источником языковой гетерогенности могут быть носители английского как второго языка (L2 speakers) и этни-

ческое разнообразие. Как отмечалось выше, в терминологии Э. Шнайдера, Канада находится в пятой фазе развития постколониальных языков, для которой свойственна высокая степень лингвистической диверсификации. В этой связи Ч. Боберг указывает на то, что еврейские и итальянские общины Монреаля приобрели собственные лингвистические маркеры [Boberg, 2005b]. Однако было доказано, что мигранты быстро ассимилируются и усваивают общеканадский языковой стандарт. Например, в ямайской общине Торонто исследователи не нашли признаков ямайского диалекта английского языка [Hinrichs, 2014]. М.Ф. Хоффман [Hoffman, 2010, р. 135] отмечает, что «молодые жители Торонто британского, итальянского, китайского происхождения придерживаются одной лингвистической системы, по крайней мере в отношении канадского перебоя гласных». Из этого факта С. Доллинджер делает вывод, что пример Монреаля является скорее исключением, и масштабной диверсификации, предусмотренной в модели Э. Шнайдера, в Канаде пока не наблюдается [Dollinger, 2012, р. 460]. Тем не менее совокупность таких факторов, как идеология и отношение к языку, создают условия для развития большого числа этнических диалектов [Hinrichs, 2014].

С. Доллинджер [Dollinger, 2019] отмечает недостаточную изученность вариантов английского языка, сформированных на субстрате языков коренного населения, в Юконе, Нунавуте и Северо-Западных территориях и в индейских резервациях. В целом соглашаясь с ним, Ч. Боберг также указывает на недостаточную изученность диалектов английского у коренных народов Канады [Boberg, 2010, р. 27–28]. Рассуждения на эту тему позволяют С. Доллинджеру выделить перспективные области исследования для канадской социолингвистики: сравнительно-историческое изучение канадского английского; изучение этнической вариативности и канадского английского как второго языка (L2 varieties); диалектов коренных народов и речи разных социальных классов [Dollinger, 2019]. Учитывая быстрый и стабильный темп развития канадской лингвистики начиная со второй половины XX в. и общественный запрос в виде приоритетности мультикультурализма (концепция «культурной мозаики»), можно с уверенностью предположить, что вышеупомянутые научно-исследовательские лакуны будут вскоре заполнены.

Выражаю благодарность доктору филологических наук, профессору Радченко Олегу Анатольевичу за помошь в подготовке статьи.

Список литературы

- Бондаренко Е.В., Шитова Е.А. Этимологические корни полных и частичных канадизмов в системе канадского варианта английского языка // Вестник ЧелГУ. – Челябинск, 2018. – № 10 (420). – С. 28–33.
- Быстrikова Н.Ф., Mуссайи Е.В. К вопросу о языке в его территориальной вариантности (на материале английского языка в Канаде) // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – М., 2012. – № 2. – С. 69–76.
- Исаев Д.В. Тенденции стандартизации канадского варианта английского языка в диахроническом аспекте // Вестник ЧГПУ. – Чебоксары, 2012. – № 8. – С. 249–258.
- Исаев Д.В. Социолингвистическая мотивация в становлении и развитии национального варианта языка (на примере функционирования канадских вариантов английского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2015. – 23 с.
- Касаткина Т.И. О степени влияния американского английского на английский язык Канады // Вопросы лингвистики. – Ярославль, 1973. – С. 59–64.
- Лаврентьева И.С. Фонологические особенности региональных акцентов Канады // Преподаватель XXI век. – М., 2015. – № 3. – С. 409–416.
- Новоселова М.А. Канадский английский // Вестник КГУ. – Кострома, 2010. – № 1. – С. 87–91.
- Попова Л.Г. Лексика английского языка в Канаде. – М., 1978. – 116 с.
- Шевченко Т.И., Абызов А.А. Канадское ударение: От специфики ко всему лексикону // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2019. – № 1 (178). – С. 57–61.
- Avis W.S. The English language in Canada // Current trends in linguistics. – The Hague, 1973. – Vol. 10/1. – P. 40–74.
- Bloomfield M.W. Canadian English and its relation to eighteenth century American Speech // The Journal of English and Germanic Philology. – Illinois, 1948. – Vol. 47, N 1. – P. 59–67.
- Boberg C. The North American Regional vocabulary survey: New variables and methods in the study of North American English // Amer. speech. – 2005a. – N 80. – P. 22–60.
- Boberg C. The Canadian shift in Montreal // Language variation a. change. – Cambridge, 2005b. – N 17. – P. 133–154.
- Boberg C. Regional phonetic differentiation in standard Canadian English // J. of Engl. linguistics. – Thousand Oaks, 2008. – N 36 (2). – P. 129–154.
- Boberg C. The English language in Canada: Status, history and comparative analysis. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2010. – 292 p.
- Boberg C. English as a minority language // World Englishes: Spec. issue on autonomy a. homogeneity in Canadian Engl. – New Jersey, 2012. – N 31(4). – P. 493–502.

- Chambers J.K.* Canadian raising // Canadian journal of linguistics. – 1973. – N 18. – P. 113–135.
- Chambers J.K.* English in Canada // Canadian English: A Linguistic Reader. – Kingston, 2010. – P. 1–37.
- Chambers J.K.* Linguistic variation and Chomsky's «homogeneous speech community» // Papers from the Fourth Annual meeting of the Atlantic provinces Linguistic Association. – New Brunswick: Univ. of New Brunswick, 1980. – P. 1–31.
- Chambers J.K.* Three kinds of standard in Canadian English // In search of the standard in Canadian English. – Kingston, 1986. – P. 1–19.
- Chambers J.K.* English: Canadian varieties // Language in Canada. – Cambridge, 1998. – P. 252–272.
- Chambers J.K.* Canadian Dainty: The rise and decline of Briticisms in Canada // *Chambers J.K.* Legacies of colonial English: Studies in transported dialects. – Cambridge, 2004. – P. 224–241.
- Clarke S.* The Americanization of Canadian pronunciation: A survey of palatal glide usage // Focus on Canada. – Amsterdam, 1993. – P. 85–108.
- Dollinger S.* New-dialect formation in Canada: Evidence from the English modal auxiliaries. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 381 p.
- Dollinger S.* Academic and public attitudes to the notion of 'standard' Canadian English: On standard Canadian English, those who speak it, those who study it, and those who discuss it // Engl. today. – Cambridge, 2011. – N 27(4). – P. 3–9.
- Dollinger S., Clarke S.* On the autonomy and homogeneity of Canadian English // World Englishes. – New Jersey, 2012. – N 31. – P. 449–466.
- Dollinger S.* Canadian English: A conservative variety? // Ztschr. fuer Kanada-Studien. – Augsburg, 2015. – N 35. – P. 25–44.
- Dollinger S.* English in Canada: Handbook of World Englishes. – 2nd ed. – Malden (Mass.): Blackwell-Wiley, 2019. – 784 p.
- Emeneau M.B.* The dialect of Lunenburg, Nova Scotia // Language. – N.Y., 1935. – N 11. – P. 140–147.
- Fee M.* 1992. Frenglish in Quebec English newspapers // Papers from the Fifteenth annual meeting of the Atlantic Provinces Linguistic Association. – Sydney (N.S.): Univ. college of Cape Breton, 1992. – P. 12–23.
- Fee M.* French borrowing in Quebec English // Anglistik. – Köln, 2008. – N 19(2). – P. 173–189.
- Gold E.* Aspect in Bungi: Expanded progressives and be perfects // Proceedings of the 2007 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-acl/actes2007/Gold.pdf> (Дата обращения: 28.08.2019 г.)
- Gregg R.J.* Canadian English lexicography // Focus on Canada. – Amsterdam, 1993. – P. 27–44.

- Gregg R.J.* Notes on the Pronunciation of Canadian English as Spoken in Vancouver, B.C., *Canadian Journal of Linguistics*. – Cambridge, 1957. – N 3(1). – P. 20–26.
- Hinrichs L.* Diasporic mixing of World Englishes: The case of Jamaican Creole in Toronto // *The variability of current world Englishes*. – B., 2014. – P. 169–194.
- Hoffman M.F.* The role of social factors in the Canadian vowel shift: Evidence from Toronto // *Amer. speech*. – Duke Univ. press, 2010. – N 85. – P. 121–140.
- Labov W., Ash S., Boberg C.* *The Atlas of North American English: Phonetics, phonology and sound change*. – B.: Mouton de Gruyter, 2006. – 318 p.
- Lakshine S.* Some Canadians used to speak with a quasi-British accent called Canadian Dainty // *CBC News*. – Toronto, 2017. – July 01. – Last updated: July 1, 2017.
- Marckwardt A.H.* *American English*. – N.Y.: Oxford Univ. press, 1958. – 192 p.
- McArthur T.* The English language as used in Quebec: A survey. – Kingston (Ont.), 1989. – 96 p.
- Mufwene S.* The founder principle in creole genesis // *Diachronica*. – 1996. – N 13. – P. 83–134.
- Priestley F.E.L.* Canadian English // *British and American English since 1900*. – N.Y., 1968 [1951]. – P. 72–84.
- Pringle I., Padolsky E.* The linguistic survey of the Ottawa valley // *Amer. speech*. – Duke Univ. press, 1983. – N 58. – P. 325–344.
- Poplack S., Tagliamonte S.* African American English in the diaspora. – Oxford: Blackwell, 2001. – 320 p.
- Scargill M.H.* Sources of Canadian English // *The j. of English a. Germanic philology*. – 1957. – Vol. 56, N 4. – P. 610–614.
- Schneider E.W.* Postcolonial English: Varieties around the world. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. – 384 p.
- Trudgill P., Hannah J.* International English: A guide to varieties of standard English. – 4th ed. – L.: Arnold, 2002. – 153 p.
- Woods H.B.* A synchronic study of English spoken in Ottawa: Is Canadian English becoming more American // *Focus on Canada*. – Amsterdam, 1993. – P. 151–178.
- Woods H.B.* The Ottawa Survey of Canadian English. – Kingston, 1999. – 335 p.

З.Г. Прошина, А.А. Ривлина

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В РОССИИ КАК ВАРИАНТ И КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ РЕСУРС

Аннотация. В статье поднимается проблема статуса русского варианта английского языка. Для решения этой проблемы авторы сначала рассматривают определение варианта как такого, его релевантных признаков. Делается вывод, что русский вариант английского языка – это социолингвистический языковой феномен, который может нести в той или иной степени следы родного языка пользователей. Самым главным для закрепления варианта является осознание языковым социумом лингвокультурной идентичности. Языковые признаки лингвокультурной идентичности выявляются как дистинктивные языковые признаки на разных уровнях структуры языка. Рассмотрев этот вопрос, авторы описывают функции английского языка в российском речевом социуме и останавливаются на возникших благодаря английскому языку дополнительных ресурсах для выполнения креативной функции.

Ключевые слова: вариант; русский вариант английского языка; нормы; дистинктивные признаки варианта; лингвокультурная идентичность; транслингвальность; языковой репертуар; языковой ресурс.

**Z.G. Proshina, A.A. Rivlina
RUSSIAN ENGLISH AS A VARIETY
AND AN ADDITIONAL LINGUISTIC RESOURCE**

Abstract. The article discusses the status of Russian English. The authors first dwell on the definition of a variety and its relevant features. The conclusion is made that Russian English as a performance variety is a sociolinguistic phenomenon that can, to a certain degree, have transfer of some features from the native language of its users. What is most important is that the users recognize their linguacultural identity. Linguistic features of linguacultural identity are a variety's distinctive features found at any level of the language structure. On considering these, the authors describe the functions of Russian English as a performance variety of the Russian speech community and the way English serves as an additional resource in the users' creativity.

Keywords: variety; Russian English; norms; distinctive features of a variety; linguacultural identity; translanguaging; linguistic repertoire; linguistic resource.

Введение

Современные процессы глобализации и локализации привели к дифференциации английского языка как глобального языка-посредника. Существование множества вариантов английского языка в целом уже не вызывает сомнения, однако существование некоторых вариантов продолжает оспариваться и даже отрицаться. Особенно это касается вариантов так называемого «расширяющегося круга» Б. Качру [Kachru, 1985] (см. рис.), не усвоенных в семье в качестве родного идиома, используемого в качестве национального языка, а приобретенных через систему образования и имеющих весьма ограниченные функции, служащих прежде всего для осуществления межкультурной коммуникации. В таком положении находится и русский вариант английского языка, статус которого как варианта вызывает у многих смешанные чувства – от признания к сомнению [Bondarenko, 2014] и даже к полному отрицанию, вплоть до истеричного неприятия.

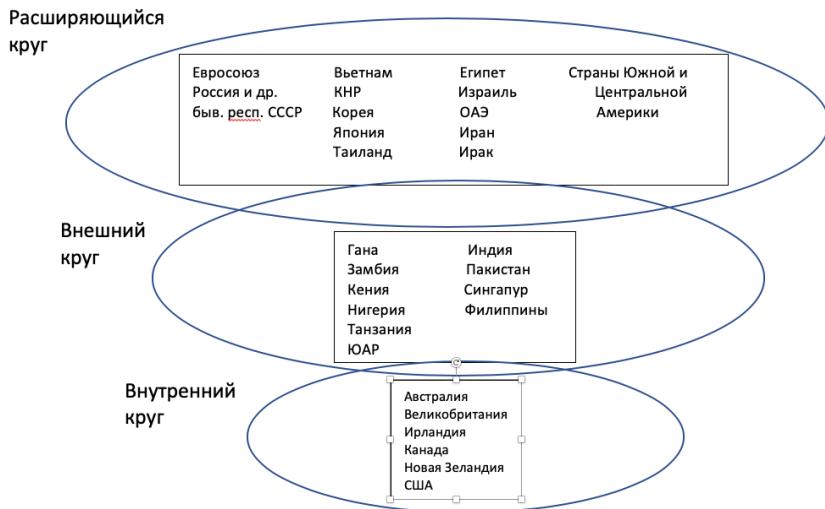

Рис. Три концентрических круга Б. Качру

Что есть вариант?

Прежде чем доказывать, что у русских тоже есть свой вариант английского языка, и описывать его функционирование, необходимо разобраться с термином «вариант». Вариативность всегда предполагает различия, поэтому одним из признаков варианта является его системная дистинктивность в сравнении с другими вариантами [Matthews, 2003, p. 236]. Дистинктивность может проявляться как в языковом аспекте (различия на разных уровнях языковой структуры: в акценте, лексических единицах и коллокациях, синтаксисе и иногда в морфологических проявлениях), так и внеязыковом – в культуре и ментальности, обуславливающей языковой / речевой узус.

О варианте языка надо говорить как о социолингвистическом явлении, в котором манифестируется типичная речь определенного социума. Это не значит, что все дистинктивные признаки, выделяемые у варианта, должны характеризовать речь каждого индивидуального пользователя данным вариантом. Вариант как социолингвистическое понятие представляет собой определенное обобщение, которое, как показал Б. Качру [Kachru, 1983], может быть представлено в виде континуума, к которому применимы такие термины разделения на секции, взятые из контактной лингвистики, как акролект, мезолект и базилект. Акролект – это очень уверенное и грамотное использование языка на формальном уровне общения образованными пользователями. В акролектной зоне варианта дистинктивных признаков немного, они преимущественно связаны с фонетическим акцентом. Мезолект – предполагает использование языка образованными пользователями в неформальном контексте или в формальном, когда по каким-то, чаще всего психологическим, причинам (стресс, волнение, усталость) пользователи теряют в некоторой степени контроль над своей речью, и перенос черт родного для них языка на английский оказывается ощутимым. Базилект – это гибридный контактный язык, соответствующий пиджину, он свойствен пользователям с недостаточным уровнем образования (то, что в зарубежной теории часто именуют «learner English» [Learner English., 2001]. Для базилекта характерно значительное воздействие родного языка на целевой. Описание варианта осуществляется преимущественно на базе мезолекта как узульной формы речи, свойственной образованным пользователям, со значительным количеством отклонений от письменной нормы. Говоря о варианте, неправомерно ассоцииро-

вать его только с одним из лектов, что нередко происходит, когда русский вариант английского языка называют *Ruslish / Runglish*, ассоциируя его с базилектом. Вариант – это объединение всех трех лектов, что и обуславливает его обобщение и некоторого рода абстрактизацию.

Практически ни один из вариантов всех трех кругов Б. Качру не является гомогенным. В Британии выделяется англо-английский вариант, распадающийся на множество диалектов, который, собственно говоря, обычно и имеется в виду под британским английским; кроме того, на территории Британии развился кодифицированный шотландский английский, шотландско-гэльский английский, валлийский английский, североирландский английский. Нет единого и австралийского варианта, под которым понимают основной австралийский (*Mainstream English*), привезенный в Австралию британцами,aborигенный английский и этнокультурный английский, свойственный этническим меньшинствам небританского происхождения [Malcolm, 2000; Clyne, Eisikovits, Tollfree, 2001]. В Индии, где насчитывается около 450 местных языков¹, также имеет место лингвистическая разнородность английского языка.

Что касается русского варианта английского языка, уже сам термин оказывается двусмысленным, поскольку компонент «русский» включает, во-первых, значение «российский», т.е. многоязычный и мультикультурный, и, во-вторых, «этнически русский». Это значит, что русский английский – это язык, на котором говорят этнические русские, а также английский язык, на котором говорят в России разные этносы, проживающие в стране, т.е. русский вариант английского языка может восприниматься как зонтичный термин, для мультикультурной англоязычной речи и русских, и украинцев, и якутов, и тувинцев, и многих других, что передается формой множественного числа *Russian Englishes* [WE – *World Englishes*.., 2004].

Вариантам «расширяющегося круга» нередко отказывают в статусе полноправного варианта из-за отсутствия у них собственных норм [Bruthiaux, 2003]. Однако, как продемонстрировал в своих работах Б. Качру [Kachru, 1985], варианты показывают разную зависимость от нормы. Национальные варианты английского языка так называемого «внутреннего круга» обладают кодифицированными собственными нормами, или эндонормами. Варианты второй группы «внешнего круга» активно развиваются собственные нормы, в

¹ Ethnologue: Languages of the World. India. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.ethnologue.com/country/IN> (Дата обращения: 26.05.2019 г.)

то же время нередко по-прежнему опираясь на нормы британские или американские. Варианты «расширяющегося круга» зависят от норм других вариантов, т.е. характеризуются экзонормами. Соответственно, варианты «внутреннего круга» называются нормообеспечивающими, «внешнего круга» – норморазвивающими, «расширяющегося круга» – нормозависимыми. Особенностью вариантов «расширяющегося круга» является возможность использования не одной экзонормы, а альтернативных и даже смешанных экзонорм, причем не только из «внутреннего круга», но также – при необходимости – из «внешнего» (например, российский инженер, работающий в Индии, вполне может опираться на нормы индийского английского) [Прошина, 2017]. Таким образом, норма не является релевантным признаком варианта, поскольку все варианты имеют нормы, но они разные.

Утверждение вариантов происходит несколькими путями: через образовательную кодификацию (учебники, словари, научные работы) и социолингвистическую, которую можно назвать оценочной, а в действительности она связана с осознанием социума, использующего вариант, того, что вариант выражает лингвокультурную идентичность этого социума. По сути, американский, австралийский, новозеландский и другие варианты «внутреннего круга» сначала были экзонормативными, но осознание своей специфики и положительное отношение к этой специфичности привели к принятию своего варианта, отличного от исконного британского, и впоследствии к кодификации своих эндонорм. Показательны в этом отношении слова, написанные еще в 1787 г. знаменитым американским лексикографом Ноем Уэбстером: «Будучи независимой нацией, мы считаем своей честью иметь свою собственную систему как в языке, так и в управлении (государством). Великобритания, чьи мы дети, больше не должна быть *нашим* стандартом...» [цит. по: Schreier, 2013, р. 361]. Другой пример – Австралия, которая приняла свой вариант только после Второй мировой войны, когда лингвокультурная идентичность австралийцев стала высоко оцениваться в средствах массовой информации, когда первые лица государства стали нарочито подчеркивать свой австралийский акцент, когда были изданы словари австралийской лексики. Этот переход от английского в Австралии по британской модели к признанию статуса австралийского английского отражен в книге с соответствующим названием «From English in Australia to Australian English» [Fritz, 2007]. Социолингвистическое, или лингвокультурное, признание вариантов прошло во «внутреннем круге», в

настоящее время происходит во «внешнем круге», но еще отсутствует в «расширяющемся круге», хотя, как показывают исследования, динамика в эту сторону уже наблюдается [Proshina, Ustinova, 2016; см.: Pavlenkova-Rubtsova, Pavlenkov, 2018].

Делая вывод из сказанного, следует дать следующее определение варианту: русский вариант английского языка – это особое языковое образование, строящееся на основе экзонормативной модели преимущественно британского и американского вариантов, характеризующееся специфическими чертами в результате влияния русского языка и выражения русской культуры и имеющее социолингвистическую природу. Другими словами, это речь, свойственная российскому лингвокультурному социуму, которая отражает менталитет этого социума и может иметь языковые черты русского и иногда другого родного языка пользователей.

Дистинктивные признаки русского варианта английского языка

Языковые признаки русского варианта английского языка, как и любого другого варианта, не являются уникальными и свойственными только этому варианту¹. Они могут быть выявлены и в других вариантах, но своеобразие варианта создается именно совокупностью языковых черт, которые, как мы уже отметили выше, необязательно проявляются (в одинаковой степени) в речи каждого представителя социума. Эта совокупность является усредненным, типичным, продуктивным, системным набором дистинктивных признаков, по которым можно определить речь русского (в нашем случае) человека, говорящего или пишущего по-английски.

Признаки русского варианта английского языка могут проявляться на разных уровнях. На фонетическом уровне русский вариант отличается особой интонацией (отсутствием постепенно нисходящей ступенчатой шкалы; повышением тона в специальных и альтернативных вопросах), отсутствием аспирации, специфичным произнесением сонанта /t/, заменой согласных /w/ > /v/, /θ/, ð/ > /t/, /d/ или /s/, /z/; недифференциацией долгих и кратких гласных (*seek* = *sick*); оглушением конечных согласных (*bag* = *back*) и регрессивной ассимиляцией согласных (*have to* /-ft-/; *absurd* /-ps-/).

¹ Отсутствие таких признаков является одним из поводов критики теории вариантов [см.: Mahboob, Liang, 2014]. – Прим. авт.

На морфологическом уровне у русских, использующих английский язык, нередко отличается употребление артикля (например, на дверях в московском метро читаем: *Do not lean on door*); видо-временная система несет отпечаток русского языка, в результате чего вместо перфектных времен используется простое прошедшее или настоящее (*We live here since October*).

Отпечаток русского мышления проявляется в синтаксисе, в структурировании высказывания. Говоря на английском языке, русские отдают предпочтение безличным конструкциям с вводным *it*, а не более лаконичным конструкциям с неличными формами глагола (например, *It is expected that they will participate* вместо *They are expected to participate*); предложным фразам с постпозитивным определением, а не препозитивным атрибутивным цепочкам (*President of Russia* вместо *Russian President*). Русские имеют тенденцию использовать сверхвербализацию путем вставки в конструкцию слова, значение которого отчасти повторяет семантику рядом стоящего слова: *The process of mastering a classic language* (*mastering* в форме герундия уже выражает ‘процесс’, так что слово *process* оказывается тавтологичным для английского языка, хотя в русском звучит нормально: ‘процесс освоения классического языка’). Русскую модель координативной цепочки можно увидеть в английских бессоюзных однородных членах (*way to safety, constancy, tranquillity* вместо *way to safety, constancy, and tranquillity*). Типична для русского английского перестановка подлежащего и именного предикатива: *One of the most distinguished persons of the Republic is Alexei G. Kalkin*. Различия в актуальном членении нередко приводят к топикализации дополнения и выдвижении его в позицию перед подлежащим: *This book I read some years ago*. Нередки изменения глагольного управления под влиянием русского языка: *Thank you for your interest to our work. I would follow after you*.

На лексическом уровне в русском варианте английского языка может происходить перенос значения русского слова на английское: *Sazon S. Surazakov (1925–1995) – was Ph.D. of philology. His main scientific works are: «Folklore», «Altai Heroic Epos», «Altai Folklore» (the Altaian language), «Altaian Literature»¹ (scientific используется не в значении ‘научно-естественный’); the participants will be invited to the Evening with professor...*

¹ Mode of access: <http://eng.altai-republic.ru/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=22&page=1> [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 27.08.2019 г.)

(из приглашения на лингвистическую конференцию). Могут использоваться типично русские коллокации (*Ryazan State University named for S.A. Yesenin; The main activity directions of the Center are...¹* – направления деятельности). Как показывает в своем исследовании Н.В. Щенникова [Щенникова, 2017], для русско-английских глагольных коллокаций характерно сужение и конкретизация значения глагола: *to stand on the table* (< *to be on the table*), *to drink coffee* (< *to have coffee*), *to smoke a cigarette* (< *to have a cigarette*). Используются новообразования по образцу русских слов: *social studies and culturology*; российские реалии (*From 1974 till 1981 year he was working as a secretary of Komsomol committee of the plant named after Gorky and later as a first secretary of Railway raikom²*.) Особо следует отметить использование в английских текстах реалий из культур национальных меньшинств России: бурятский *datsan* ‘буддийский монастырь’, *Khural* ‘региональное правительство’; якутский *uhyak festival* ‘празднование смены времени года’, *ohuokhai* ‘хоровод’; тувинское *khoomei* ‘горловое пение’; белорусские *draniki* ‘картофельные оладьи’, *cymbaly* ‘струнный ударный музыкальный инструмент’, украинские *rampushki* ‘булочка с чесноком и пряными травами’, *vareniki* ‘изделие из теста с начинкой’, *uzvar* ‘напиток из сухофруктов’. Такого рода слова-реалии сигнализируют о широком значении термина «русский вариант английского языка» и одновременно о более локализированной (этнической) форме субварианта, как, например, бурятский английский, якутский английский и др.

Признаки русского варианта английского языка наиболее ярко проявляются на pragматическом уровне, что связано, в первую очередь, с различием культур. Использование в тексте имени и отчества без фамилии – явное свидетельство русского авторства текста: *By 1993 year Alexander Nikolayevich was assigned to be a deputy head of Khabarovsk city administration...*³ Маскулинная ориентация русского менталитета выражается в тексте путем использования генерализованного местоимения мужского рода и существительного *man* в значении ‘человек’: *The lexical units involved in our study*

¹ Mode of access: <http://eng.altai-republic.ru/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=14&page=1> [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 27.08.2019 г.)

² Mode of access: http://int.khabarovskadm.ru/en/about_city/mayor/index.php?ELEMENT_ID=3250 [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 27.08.2019 г.)

³ Mode of access: http://int.khabarovskadm.ru/en/about_city/mayor/index.php?ELEMENT_ID=3250 [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 27.08.2019 г.)

concern man as social being, his activities... Кажущаяся категоричность речи русских создается за счет отсутствия литот (*I think I can't* в сравнении с *I don't think I can*), использования императива и т.п.

Следует отметить, что в некоторых случаях может происходить нарочитое утрирование признаков русского английского, что получило название Mock Russian English [см.: Прошина, Ривлина, 2018], и это явление не стоит принимать за аутентичный русский вариант английского языка.

Функционирование русского варианта английского языка

Основной функцией вариантов английского языка «расширяющегося круга» является функция внешнего межкультурного общения, или функция лингва франка, языка-посредника. Однако с конца XX в. наблюдается значительное усиление и расширение внутренних функций этого, когда-то считавшегося иностранным, языка.

В первую очередь, стоит рассмотреть расширение функционирования английского языка в **бизнесе**. Это затрагивает не только крупные транснациональные компании, но и более мелкий бизнес, стремящийся установить связи с зарубежными поставщиками и потребителями. Спецификой использования английского языка в бизнесе стала значительная доля кодового смешения, превращающегося в профессиональный жаргон [Gritsenko, Laletina, 2016]. С мощным потоком английских слов в русский язык знание делового английского языка и бизнес-лексики (*стартапы, промоутировать, аутсорсинг, франчайзинг, прайс* и др.) стало также условием взаимопонимания работников, общающихся на родном для них русском языке. С другой стороны, социолингвистические исследования показывают, что в России 88% молодых людей в возрасте 18–22 лет считают, что знание английского языка является непременным условием для карьерного роста [Krykova, Lazaretnaya, 2016].

В рекламных целях с учетом престижности английского языка многие компании стали называться по-английски, причем отчасти это мотивированные названия (*Лаки Турс / Lucky Tours, Юнимилк / Unimilk, Ultra Electronics, Трансойл / Transoil*), отчасти – названия, которые объяснить довольно трудно (*Ист Лайн / East Line* – управление аэропортом «Домодедово»; *Mercury* – продажа предметов роскоши; *Retail Industries* – производство пищевой упаковки; *Sunway* – оптовая торговля фруктами).

Англоязычные названия с легкостью обнаруживаются в качестве брендов товаров, производимых в нашей стране: *ALtheBA* – обувь (по имени Александра Байера), *Curtis*, *Greenfield*, *Riston* – чай, *Gulliver* – детская одежда и игрушки, *Green Mama* – косметика, *Savage* – одежда, *Скай Линк* – оператор мобильной связи, *Некст* – лекарственный анальгетик, *Polar* – телевизоры, *Woolstreet* – женская одежда, попкорн *How ar u?* и т.п.

Английский язык все чаще встречается в **языковом ландшафте городов** – в виде названий сервисных и торговых предприятий (Данкин Донатс / *Dunkin Donuts*; *Одинцовский пассаж* – *NEW!!!*; *WOW!КОФЕ*), иногда через гибридизацию русско-английских форм (например, *Молмаркт* – молочный магазин, где второй элемент заимствован из английского в виде суффикса-тона; *Zoo магазин*); в виде указателей на улицах, в метро, на остановках общественного транспорта (указатель на платформе пригородных поездов: *Расписание движения пригородных поездов. Timetable suburban trains – sic!*); в виде концертных афиш и т.д. В Интернете даже стали появляться мемы с изображениями указателей, где название на русском языке в виде аббревиатуры оказывается невозможно декодировать, а полное английское название дает расшифровку: «Почему английский очень важен для москвича: (на указателе) ИКО ГКУ ЦЗН ЦАО города Москвы – Consulting Department of the Central District Employment Centre. 7 min. Новослободская ул., д. 46».

В сфере **образования** у английского языка постепенно появляется, хотя пока и в ограниченных размерах, функция инструментальная. В большинстве школ и вузов английский язык является просто одним из предметов изучения, но вместе с тем расширяется его использование как средства образования – на совместных российско-зарубежных факультетах, выпускники которых получают два диплома, российский и зарубежного университета, и соответственно слушают курсы на английском и русском языках; в международных университетах на территории России. Стратегия к интернационализации образования приводит к тому, что вузы создают программы на английском языке (часто параллельно программам на русском языке), чтобы привлечь зарубежных студентов.

В **научной сфере** деятельности, особенно под давлением необходимости публикаций в изданиях, входящих в индекс цитирования Scopus и Web of Science, ученые стали больше писать работ на английском языке. Особенно активны в этом направлении исследователи естественных наук. Согласно Web of Science Core Collection, за период 2010–2017 гг. 80,7% публикаций российских ученых при-

ходится на естественно-научные дисциплины и 19,3% – на социогуманитарные. При этом по сравнению с 2010 г. в 2017 г. число англоязычных публикаций российских исследователей в социогуманитарной сфере выросло в 3,4 раза, в то время как в Китае – в 2, в Австралии – в 1,6, в Канаде и США – в 1,2 [Золотарев, 2018. – Электронный ресурс]. Англоязычные аннотации являются обязательным условием практически всех научных изданий.

Использование английского языка в **медийной области** существовало всегда, но масштабы и виды его распространения изменились. Издаваемая и транслируемая в Советском Союзе англоязычная публицистика была ориентирована на зарубежную аудиторию, хотя газета «Moscow News» регулярно использовалась и в учебных целях при изучении английского языка. В годы перестройки с приходом зарубежных инвестиций значительно увеличилось количество англоязычных газет, которые впоследствии оказались свернутыми. В начале XXI в. в свет выходило всего две газеты в печатной версии: «The Moscow Times» (с 1992 г.) и «The St. Petersburg Times» (с 1993 г.) Последняя закрылась в 2014 г., а первая прекратила бумажный выпуск в 2017 г., но продолжает онлайновое издание.

Сегодня российское англоязычное медийное пространство существует благодаря таким вещательным каналам, как «Russia Today» (RT), «Sputnik International» и онлайновым новостным изданиям «Russia Beyond» и «Meduza». Телевизионный канал RT был запущен в 2005 г. с целью отражения российской действительности и позиции России по международным вопросам. Первоначально это был англоязычный канал, затем он расширил свое вещание на других языках. В RT работают как англоязычные журналисты – носители языка, так и русские публицисты и ведущие, в совершенстве владеющие английским языком. Однако с лингвокультурологической точки зрения работа канала получила критику, высказанную В.В. Кабакчи, отметившим что «<в> своей информации канал Russia Today “космополитичен”: в нем отсутствует “изюминка”, т.е. тот самый инокультурный субстрат, в данном случае – russкость. Это не столько окно в мультикультурный мир России, сколько интерпретация официальной точки зрения России на политico-экономические события в мире. Изредка показывают “ряженых”, т.е. лиц в нарядах различных этногрупп, и на этом “национальный колорит” канала заканчивается. Дикторы говорят… в основном на US English, и, если это не native speakers, они стремятся этот вариант английского языка воспроизвести как можно точнее» [Кабакчи, 2013. – Электронный ресурс].

«Sputnik International» – долгожитель в мире новостных изданий. Он представлен радиостанциями, начав вещание еще в 1929 г., и, будучи преемником «Голоса России», получил современное название в 2014 г. Кроме радиовещания «Спутник» имеет онлайновый информационный сайт.

Онлайновое издание «Russia Beyond» (до 2017 г. известное как «Russia Beyond the Headlines», RBTH) было основано в 2007 г. как проект «Российской газеты». Цель – сделать Россию понятной для жителей других стран, рассказать о русской культуре, истории, науке, повседневной жизни, дать материал для зарубежных СМИ о нашей стране.

В 2015 г. начала работу англоязычная версия оппозиционного новостного электронного агентства «Медуза» под редакцией Константина Бенюкова, где осуществлялись переводы головного издания. В 2017 г. «Meduza» подписала договор о сотрудничестве с американским сайтом «BuzzFeed» для совместных публикаций на английском и русском языках.

Расширение функций русского варианта английского языка особенно заметно в выполнении им **креативной функции**, которая реализуется прежде всего в художественной литературе. В художественной литературе, которая получила название контактной, или транслингвальной, поскольку она создана билингвальными авторами, для которых английский не является родным языком, уже немало имен писателей русского происхождения: Мэри Энтин (Mary Antin), Владимир Набоков (Vladimir Nabokov), Йосиф Бродский (Joseph Brodsky), Максим Шрайер (Maxim D. Shrayer), Марк Будман (Mark Budman), Аня Улинич (Anya Ulinich), Лара Вапняр (Lara Vapnyar), Ольга Грушина (Olga Grushin), Гари Штейнгарт (Gary Shteyngart), Эллен Литман (Ellen Litman), Ирина Рейн (Irina Reyn), Ксения Мельник (Kseniya Melnik), Саня Красикова (Sana Krasikov), Борис Фишман (Boris Fishman) и др. Основная масса авторов – иммигранты в англоязычные страны, однако в 2017 г. первый англоязычный роман Тани Д. Дэйвис (Tanya D. Davis) «Russian-English Romance. Homage to John Fowles» был напечатан в Москве, т.е. положено начало созданию англоязычной художественной литературы и в самой России.

Во внутронациональной коммуникации в России, как и в других странах «расширяющегося круга», т.е. там, где местный национальный язык доминирует в основных внутронациональных функциях, но знание английского достаточно широко распространено и высоко ценится в обществе, по мнению исследователей,

языковая ситуация является оптимальной для использования английского языка в речетворческой функции в смешении с местным языком, в различных формах билингвальной языковой игры [Stefanowitch, 2002]. В России игра с английским языком, например, в русско-английских каламбурах типа *BuGOODди* (название магазина парикмахерских принадлежностей) или гибридах типа *Duxless* (название романа С. Минаева), стала одним из главных языковых приемов в тех сферах, где есть необходимость привлечь внимание аудитории – в рекламе, заголовках СМИ, названиях фирм и брендов, телепередач, книг и т.д. [см. подробнее: Ильясова, Амири, 2009; Rivilina, 2015]. Статус английского языка в такого рода контекстах определяется как дополнительный языковой ресурс, с помощью которого носители местного языка, в нашем случае русского, прибегают к билингвальным практикам типа кодового смешения и кодового переключения, даже если они не являются билингвами в традиционном понимании этого термина.

Английский язык как дополнительный языковой ресурс

Понятие «языковой ресурс» заслуживает специального обсуждения в исследовании взаимодействия русского языка с английским, поскольку оно относится к числу ключевых понятий, активно разрабатываемых в последние годы в рамках социолингвистики глобализации [Blommaert, 2010] и теории транслингвизма [Canagarajah, 2013]. Смещение акцента в изучении языковых контактов с языковых систем на репертуар как комплекс разнозычных ресурсов обусловлено тем, что английский язык в эпоху глобализации зачастую усваивается не только в системе целенаправленного всестороннего изучения, но и ограниченно, «усеченно» (*truncated multilingualism*) в результате «неосознанного схватывания» отдельных языковых единиц или отдельных аспектов языка в языковой деятельности в определенных практических сообществах (*communities of practice*), например в сети Интернет. Так, в России, как и во многих других странах «расширяющегося круга», благодаря развитию новых коммуникационных систем широко распространенной стала «англография», разновидность диграфии или графического билингвизма, т.е. практика использования письменной системы английского языка, латиницы, как дополнительного ресурса для написания русскоязычных единиц (например, *D вери*) [Ривлина, 2017].

Кроме того, важной чертой использования разноязычных ресурсов в объединенном репертуаре коммуникантов является их «текучесть» (*fluidity*), размывание границ между языками, движение языковых ресурсов не только «между» языками, но «вне», «сверх» контактирующих языков (*between and beyond*). Рассмотрение языкового контакта в таком ракурсе, называемом динамическим или транслингвальным, позволяет охватить не только все доступные говорящему языковые формы, относимые к разным языкам, но и создаваемые им в процессе транслингвального речетворчества амбивалентные / бивалентные формы, которые нельзя с достаточной степенью определенности отнести ни к одному из языков, контактирующих в объединенном языковом репертуаре говорящего, или которые могут быть одновременно отнесены к обоим языкам. Такие транслингвальные единицы описываются как «кодовое слияние / переплетение» (*codemeshing*) [Canagarajah, 2013], как «кодовая амбигуация» (*code-ambiguation*) [Moody, Matsuoto, 2003], как формы, связанные с английским языком, но не относящиеся ни собственно к английскому языку, ни к тому языку, с которым он взаимодействует (ср.: *English-related forms*, *English-related linguistic practices* [Sargeant, Tagg, 2011, p. 496, 500]).

В качестве примера транслингвальной единицы в русскоязычной коммуникации можно привести название конкурса талантов среди студентов Высшей школы экономики *XCE Factor*¹. В данном случае имеет место межъязыковая игра – обыгрывание названия популярной британской телепрограммы *X Factor*. Часть названия *XCE* становится понятна только в контексте языкового репертуара, сложившегося среди студенческого и преподавательского состава НИУ ВШЭ, а именно практики русифицированного произношения аббревиатуры англоязычного названия вуза, *HSE – Higher School of Economics* как /хэ́сэ́е/. Эта устная форма, сама по себе являющаяся результатом взаимодействия английского языка с русским, далее переосмысливается как пересекающаяся с английским языком на письме, в графическом аспекте, поскольку графемы <X>, <C>, <E> относятся к числу омографов в латинице и кириллице. *XCE* в названии *XCE Factor*, таким образом, демонстрирует стратегию нарочитого игрового размывания границ между русским и английским языками, «кодового переплетения», или «кодовой амбигуации». Языковой статус лексемы *Factor* также неоднозначен, поскольку она входит в число соотносимых с английским языком интерони-

¹ Mode of access: <https://vk.com/xcefactor> (Дата обращения: 26.08.2019 г.)

мов, транслингвальных слов, которые благодаря сложившимся на-выкам диграфии легко воспринимаются носителями русского языка в написании латиницей (ср., *бар – bar, метро – metro, фактор – faktor*) и могут в определенных контекстах использоваться вариативно. В целом, принимая во внимание, что весь конкурс проводился на русском языке и только в его названии прослеживается некая отсылка к английскому языку, можно сделать вывод, что мы имеем дело не с русским или английским языками, а с транслингвальным использованием англоязычных ресурсов носителями русского языка в речетворческой функции в рамках конкретного практического сообщества.

Заключение

Английский язык в России представлен прежде всего русским вариантом английского языка, который является речевым (performance) социолингвистическим образованием, свойственным речи русскоязычного социума, под которым понимают как этнических русских, так и представителей национальных меньшинств, для которых русский является вторым или первым языком общения. Отражая лингвокультурную идентичность своих пользователей, русский вариант английского языка может иметь трансференционные черты родного языка своих пользователей. Эти черты составляют дистинктивные признаки русского варианта английского языка.

В конце XX в. и особенно в XXI в. русский вариант английского языка значительно расширил диапазон своих функций. Теперь он употребляется не только в функции внешнего межкультурного общения, но также находит применение и во внутренней жизни россиян, проявляясь в информационной, инструментальной и креативной функциях.

Кроме того, транслингвальный подход, развивающийся в рамках социолингвистики глобализации, позволяет говорить об английском языке в России как о дополнительном языковом ресурсе, воспринимаемом и активно используемом значительной частью носителей русского языка в речетворческой функции во внутринациональной коммуникации.

Очевидно, что в терминологическом смысле «русский вариант английского языка» оказывается более точным для описания речевой практики русских на английском языке, поскольку выра-

жение «английский язык в России» может относиться и к функционированию английского языка представителей других вариантов, работающих в России или приехавших в нашу страну с кратковременным визитом.

Список литературы

- Золотарев Д. Публикации российских ученых стали замечать // Известия. – 2018. – 30 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/755436/dmitrii-zolotarev/publikacii-rossiiskikh-uchenykh-stali-zamechat> (Дата обращения: 27.05.2019 г.)
- Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
- Кабакчи В.В. Иноязычная популяризация культуры // Vorto: Информационно-публицистический портал о языке в эпоху глобализации. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vorto.ru/statyi/inoyazychnaya-populyarizaciya-kultury> (Дата обращения: 28.05.2019 г.)
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории.: World Englishes paradigm. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 208 с.
- Прошина З.Г., Ривлина А.А. Mock Russian English: Шутливо-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2018. – № 3. – С. 18–30.
- Ривлина А.А. Глобальная англо-национальная диграфия: Транслингвальный аспект // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования: Языки и специальность. – М., 2017. – Т. 14, № 2. – С. 171–180.
- Щенникова Н.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Самара, 2017. – 326 с.
- Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. – Cambridge; N.Y.: Cambridge Univ. press, 2010. – 213 p.
- Bondarenko O. Does Russian English exist? // Amer. j. of education research. – 2014. – Vol. 2, N 9. – P. 832–839.
- Bruthiaux P. Squaring the circles: Issues in modeling English world-wide // Intern. j. of applied linguistics. – 2003. – Vol. 13, N 2. – P. 159–178.
- Canagarajah S. Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations. – L.; N.Y.: Routledge: Taylor a. Francis Group, 2013. – 247 p.
- Clyne M., Eisikovits E., Tollfree L. Ethnic varieties of Australian English // English in Australia. – Amsterdam; Philadelphia, 2001. – P. 223–238.
- Fritz C.W.A. From English in Australia to Australian English: 1788–1900. – Frankfurt a. M. etc.: Peter Lang, 2007. – 297 p.

- Gritsenko E., Laletina A.* English in the international workplace in Russia // *World Englishes*. – 2016. – Vol. 35, N 3. – P. 440–456.
- Kachru B.B.* Models for non-native Englishes // *Readings in English as an international language*. – Oxford etc., 1983. – P. 69–86.
- Kachru B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle // *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. – Cambridge, 1985. – P. 11–30.
- Krykova I., Lazaretnaya O.* Business // *Russian English: History, functions, and features*. – Cambridge, 2016. – P. 132–140.
- Learner English: A teacher's guide to interference and other problems*. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2001. – 378 p.
- Mahboob A., Liang J.* Researching and critiquing World Englishes // *Asian Englishes*. – 2014. – Vol. 16, N 2. – P. 125–140.
- Malcolm I.* Aboriginal English: Adopted code of a surviving culture // *English in Australia*. – Amsterdam, 2000. – P. 201–222.
- Matthews P.H.* The concise Oxford dictionary of linguistics. – Oxford: Oxford Univ. press, 2003. – 432 p.
- Moody A., Matsumoto Y.* «Don't touch my moustache»: Language blending and code-ambiguation by two J-pop artists // *Asian Englishes*. – 2003. – Vol. 6, N 1. – P. 4–33.
- Pavenkova-Rubtsova M., Pavenkov O.* English, Russian, and Russian English in Russia: CLIL and non-CLIL students' opinions in Saint Petersburg // *Revista Cientifica Hermes*. – 2018. – N 20. – P. 133–152.
- Proshina Z., Ustinova I.* Resistance to and gain in the world Englishes paradigm // *Russian English: History, Features and Functions*. – Cambridge, 2016. – Ch. 16. – P. 244–249.
- Rivlina A.* Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // *World Englishes*. – 2015. – Vol. 34, N. 3. – P. 436–455.
- Schreier D.* Varieties resistant to standardization // *Standards of English*. – Cambridge, 2013 (2012). – P. 354–368.
- Sargeant Ph., Tagg C.* English on the internet and a 'post-varieties' approach to language // *World Englishes*. – 2011. – Vol. 30, N 4. – P. 496–514.
- Stefanowitch A.* «Nice to Miet You»: Bilingual puns and the status of English in Germany // *Intercult. communication studies*. – 2002. – N 11 (4). – P. 67–84.
- WE – *World Englishes: Special issue on Russian Englishes* // Guest editor Proshina Zoya G. – Oxford; Boston, 2004. – Vol. 24, N 4. – P. 437–532.

Н.В. Бхатти, Е.В. Ковш, Е.П. Савченко

**О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ПАКИСТАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. Статья посвящена анализу лексико-грамматических особенностей пакистанского варианта английского языка. Цель статьи – определить сходства и отличия британского английского языка (Standard English) и его регионального варианта на субконтиненте. Теоретической предпосылкой исследования служит тот факт, что в настоящее время английский язык является единственным получившим статус глобального (Global English), а варианты английского языка в странах, где он имеет статус официального и им владеют как вторым, называют новыми вариантами английского языка (New Englishes), по терминологии британского исследователя Дэвида Кристала. Интерес к вопросам вариативности английского языка объясняется неоднородностью и сложностью его состава, особенностями его функционирования в различных языковых ситуациях и национальных ареалах, что говорит в пользу актуальности проводимого исследования. В результате исследования установлено, что в Пакистане происходит универсальный процесс преобразования английского языка в территориальную разновидность или вариант, уникальный и отличный даже от близкого ему в историческом и географическом плане индийского варианта английского языка. В настоящее время мы становимся свидетелями завершения ассимиляции, которая продолжалась более 70 лет, прошедших с момента получения Пакистаном независимости. На сегодняшний день сформировались основные тенденции развития пакистанского английского языка, дальнейшее его утверждение на языковой карте мира будет зависеть от внутренних геополитических и социокультурных факторов. Изучение пакистанского варианта английского языка целесообразно с точки зрения поддержания межкультурных контактов и необходимо для понимания языковой ситуации в мире в целом.

Ключевые слова: региональный вариант; новые варианты английского языка; пакистанский вариант английского языка; лексическая единица; грамматика; культура.

N.V. Bhatti, E.V. Kovsh, E.P. Savchenko
ON SOME LEXICAL-GRAMMATICAL FEATURES
OF PAKISTANI ENGLISH

Abstract. The present work analyses lexico-grammatical features characterizing Pakistani variety of English. The authors aim to determine similar and different aspects of Standard English and its regional variety on the subcontinent. The research is preconditioned by the unique status of the English language as Global English and by the fact that its varieties in the countries with English as a second official language are called New Englishes, the term originally introduced by a British linguist David Crystal. The interest to the regional varieties of the English language can be explained by the heterogeneity and complexity of its structure and the peculiarities of its functioning in different language contexts and national areas, which proves the actuality of the present research. The study enabled the authors to prove that the English used in Pakistan is being gradually transformed into a regional variety which is marked by unique features and differs from its historical and geographical counterpart – Indian English. At the moment we are observing the final stage of the assimilation which has been in progress for more than 70 years since the day Pakistan became an independent country. At present the main perspectives of development of Pakistani English have been formed and its further consolidation on the world language map will depend on internal geopolitical and socio-cultural factors. It is crucial to study Pakistani English in the light of maintaining cross-cultural contacts and understanding the world language situation in general.

Keywords: regional variety; new Englishes; Pakistani English; lexeme; grammar; culture.

Статья посвящена изучению пакистанского английского языка (англ. Pakistani English) с точки зрения исторических, геополитических и культурных факторов его становления как особой разновидности английского языка в ряду новых английских языков – *New Englishes* (термин Дэвида Кристала, 2003). Такие варианты английского языка, сформировавшиеся или находящиеся на стадии формирования, рассматриваются языковедами как отдельные разновидности (англ. *varieties*), обладающие набором специфических черт на фонетическом, грамматическом, семантическом и дискурсивном уровнях [Shneider, 2003].

New Englishes – это разновидности национального английского языка (англ. *Standard English*), которые возникают в период колониального или постколониального исторического развития до момента их окончательного утверждения как самостоятельный вариант. По мнению Дэвида Кристала, появление множества новых разновидностей позволяет нам говорить о том, что мы являемся «свидетелями возникновения первых признаков английской родовой семьи» [Christal, 2003, р. 10]. Британского исследователя, впервые высказавшего эту точку зрения, поддер-

жали такие ученые-языковеды, как Эдгар Шнайдер [Shneider. – Электронный ресурс], Ракеш Бат и другие.

Цель проводимого исследования – определить основные лексико-грамматические особенности регионального варианта английского языка (пакистанского английского), а также установить факторы, влияющие на появление этих особенностей и отклонений от британского варианта английского языка, который можно считать своеобразным языком-стандартом.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что становление пакистанского английского как полноценного территориального варианта завершено или находится на стадии завершения. Несмотря на близость в географическом и историческом плане, развитие территориальных вариантов на субконтиненте для каждой страны уникально и зависит от внутренних и внешних факторов и тенденций (к последним мы относим американизацию английского языка, глобализацию и другие мировые процессы).

Для начала обратимся к термину *региональный вариант*. Язык представляет собой живую, динамично и непрестанно развивающуюся систему, самым непосредственным образом способную реагировать на жизнь общественную и социальную (безусловно, речь не идет о мертвых или обслуживающих закрытые (как то: религиозные и др.) сообщества языках). Формы существования любого национального языка не остаются неизменными. Британские диалекты представлены в рамках лингвистического направления – национальная лингвистическая география. В этом научном направлении рассматриваются, как правило, две наиболее существенные вариативности британского английского: территориальная и социально-историческая. Анализ научных работ в области языковой вариативности показал, что некоторые вопросы многоаспектного изучения именно территориальных и социально-исторических диалектов британского английского требуют дополнительного исследования, поскольку теоретические и практические аспекты национальной лингвистической географии еще до конца не разработаны [цит. по: Жирова, 2018, с. 294].

В последние годы в отечественной и зарубежной науке о языке активно применяются понятия «региолект» (термин встречается в работах В.И. Беликова, А.С. Герда, А.П. Майорова, В.И. Трубинского и чаще применяется в отношении русского национального языка), а также «региональные варианты национального языка» (термин встречается в работах З.Г. Прошиной, О.Е. Семенец, D. Crystal и др., и применяется в исследованиях английского, французского и других

языков). Последнее понятие в отношении английского национального языка является наиболее актуальным по ряду причин:

1) Великобритания, как никакая другая держава, расширила географические границы использования своего национального языка, «экспортировав» его во все уголки мира в период колонизации, в том числе и в страны Юго-Восточной Азии, Индию, Пакистан и др.;

2) английский язык на территориях бывших колоний обладает ярко выраженной спецификой вследствие контакта с языками коренных народов и народов соседних государств;

3) английский язык в перечисленных странах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей, тем самым подтверждая богатый потенциал своей системы и оправдывая титул глобального, или языка мирового общения (*lingua franca*).

Следовательно, возникает ряд вопросов не только о существовании такого языкового явления, как региональный вариант языка, но и о причинах его выделения в самостоятельный вариант, характере взаимоотношений с другими вариантами и формами существования языка, а самое главное – о взаимосвязи с общебританским языком (языком-стандартом). Настоящая работа представляет собой попытку ответить на некоторые из этих вопросов.

Одной из ведущих причин, вызывающих рождение региональных вариантов, по мнению исследователя Е.Г. Сероштан, является *интерференция*. Интерференцией в лингвистике называют явление, при котором в процессе усвоения второго языка языковые системы накладываются друг на друга [Сероштан, 2016, с. 147]. Э. Хауген рассматривает интерференцию как «лингвистическое переплетение», при котором любая лингвистическая единица может оказаться одновременно элементом двух систем [цит. по: Балиашвили, 1988, с. 203]. Говоря об интерференции, И.Ю. Павловская и Н.И. Башмакова утверждают, что существует два основных аспекта интерференции. *Первый* – лингвистический, когда не совпадают языковые системы контактирующих языков, а *второй* – психологический, при котором происходит перенос навыков родного языка на язык коммуникации или изучаемый язык. Исследователи пишут: «Интерференция может происходить на уровне языковой нормы и на уровне узуса языка. Интерференция называется прямой, если она происходит на уровне нормы, и косвенной, если она возникает на уровне узуса языка. При нарушении на уровне нормы происходит сбой коммуникации. При нарушении на уровне узуса смысл не разрушается, коммуника-

ционный процесс не прерывается, но высказывание фиксируется слушающим носителем языка как некорректное» [цит. по: Сероштан, 2016, с. 147]. Так, интерференция в данном случае рассматривается не как лингвистическое явление, с которым сталкиваются в процессе изучения иностранного языка, но как фактор лингвокультурологический, непосредственно влияющий на процесс формирования регионального варианта языка.

Отметим, что интерференция имеет свойство проявляться на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом, прагматическом и дискурсивном.

Дэвид Кристал в своей работе «Английский язык как глобальный» (D. Crystal «English as a Global Language», 2003) пишет, что отдельные слова могут быть непонятны слушателям, которые привыкли к системе, основанной на ударении, поскольку они неспособны идентифицировать фонологическую структуру [цит. по: Сероштан, 2016, с. 148].

Исходя из поставленных целей исследования, больший интерес для нас представляет *вторая* – лексическая ступень, которая выражается в выборе слов, словосочетаний, фразеологических и идиоматических оборотов. Дэвид Кристал приводит любопытные примеры гибридов урду и английского языка, в которых отражается столкновение культур Пакистана и англоязычного мира. Так, например, сложные существительные, производные от слова «lifter» (ворующий): *car lifter* (ворующий автомобили), *luggage lifter* (ворующий багаж), *book lifter* (ворующий книги) (здесь *lifter* употребляется в том же значении, что в слове *shoplifter* (магазинный вор)); существительные, содержащие непосредственно элементы урду: *khas deposit* (‘*special deposit*’) (специальный депозит), *double roti* (‘*bread*’) (хлеб). Под воздействием урду в пакистанском варианте английского языка проявляются такие конверсии, как *to aircraft* (летать самолетом), *to slogan* (призывать), *to tantamount* (делать равносильным), а также типичные для пакистанского английского сокращения как *d/o* (‘*daughter of*’) (дочь того-то), *r/o* (‘*residence of*’) (жилье того-то) [Сероштан, 2016, с. 148].

Другой исследователь Ф. Баумгартнер также находит ряд интересных примеров: *goondas* и *jirgas* (бандиты, совет старейшин) – слова, полностью заимствованы из языка урду, но употребляемые с английским суффиксом множественного числа -s. В процессе словообразования особо популярны в пакистанском английском языке такие суффиксы, как: -ee, -er и -ism (напр., *hooliganism* (thuggish behaviour), *biradarism* (favouring one's clan)),

которые чаще всего встречаются в газетной лексике и новостном дискурсе. Наряду с суффиксами используются и префиксы: *de-* (см. *de-notify*, *de-load* и др.) [Baumgardner, 1993].

Лексика в пакистанском английском, несомненно, обладает специфичной динамикой, многие слова и выражения, давно устаревшие в общебританском английском, продолжают существовать на территории субконтинента. Например, *botheration*, *conveyance* и *thrice*, а также многие другие. Кроме того, ряд английской лексики «адаптировался» к социокультурным условиям, подстроившись под требования и нужды носителей пакистанского английского языка: *to baton-charge*, *to brickbat*, *chargesheet*, *eveninger*, *history-sheeter*, *time-barred*, *wheel-jam strike* и др. [Hickey, 2004].

Третья ступень языковой интерференции – это грамматическая интерференция, которая проявляется в морфологии и синтаксисе.

По мнению исследователя Т. Рахмана, для региональных вариантов английского языка на субконтиненте, включая и пакистанский вариант, характерно опущение artikelей. Например: *He said that φ Education Ministry is reorganizing φ English syllabus. φ Government has... denied itself the privilege* [Rahman, 1990, p. 47].

В пакистанском английском часто происходит замена при употреблении длительного и статичного аспектов времени. Другими словами, вместо The Present Simple Tense используется The Present Continuous Tense. Например: *I am doing it all the time (letter of a Pakistani writer). Where are you coming from? (conversation)*¹ [Rahman, 1990, p. 48].

Исследователь Т. Рахман пишет, что для пакистанского английского характерна замена придаточного предложения с частицей *to* (*to-infinite complement*) на придаточное предложение с союзом *that* (*that-clause complement*). Например: *The Baluchistan Clerks Association has announced to take out a procession* [Ibid., p. 47].

Также для пакистанского территориального варианта предпочтительнее использовать инфинитив с частицей *to* после глаголов с предлогами. Например: *I am looking forward to meet you, Javed... was looking forward to become a millionaire.*

Интересен тот факт, что в пакистанском варианте из всех видов расчлененных вопросов (так называемых *tag-questions*) при-

¹ Здесь и далее примеры заимствованы из работы Т. Рахмана «Пакистанский английский», 2010 (Tariq Rahman Pakistani English. National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University. – Islamabad, 1990. – 106 p. – 2-ed. Edition 2010). – Прим. авт.

меняется только *isn't it?*, без грамматической привязки к подлежащему: *You are ill, isn't it?* [Rahman, 1990, p. 56].

Типичным отклонением от норм общебританского английского языка является употребление союза *that* после глагола *to want* (хотеть) в разговорной форме пакистанского английского: *I want that I should get leave* [Ibid., p. 47].

Так, мы видим, что языковая интерференция действительно находит свое проявление на всех уровнях языка, способствуя созданию уникальных правил и норм, характерных для пакистанского территориального варианта.

В то же время не менее важны *геополитические и историко-культурные факторы* становления региональных вариантов английского языка. Прежде всего следует учитывать колониальное прошлое Индии и Пакистана. Дэвид Кристал пишет, что впервые контакты британцев с жителями субконтинентов начались еще в 1600 г., когда была организована Британская Ост-Индская компания – группы лондонских торговцев, которые указом королевы Елизаветы I получили право на торговую монополию на данной территории [Ibid., p. 46]. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена британская колонизация Индии и ряда стран Юго-Востока. Во время британского правления английский язык естественным образом стал языком-посредником для общения с администрацией, которая преимущественно состояла из англичан, а также языком образовательной системы и неизбежно стал ассоциироваться с властью и могуществом. Языковая политика Англии на субконтиненте была разработана лордом Т.Б. Макколем и позднее, в 1835 г. получила статус закона. Согласно этому документу, официальным языком колониальной администрации, образования, особенно на ее высших ступенях, и ряда других социальных сфер вводился английский. Все вышеперечисленное способствовало тому, что ко времени провозглашения Индией и Пакистаном независимости в 1947 г. английский занимал здесь очень прочные, практически незаменимые позиции во всех высших структурах власти, юриспруденции, административном управлении, среднем и высшем образовании, вооруженных силах, средствах массовой информации, бизнесе, туризме и пр. Впоследствии английский получил статус второго официального языка.

Отметим, что пакистанский английский близок индийскому региональному варианту, но в то же время имеет ряд отличий. Так, после обретения Пакистаном независимости намечается резкое отклонение от принятого в Индии вектора развития языка и уход в

национально-культурную самобытность. Свою роль в этом сыграли местные языки и наречия. Главным образом панджаби, пушту, урду и т.д. Урду – национальный и официальный язык Пакистана, родственный хинди, образовавшийся в XIII в. Но самую главную роль в данном процессе играла *религия*.

Известно, что большая часть населения Пакистана исповедует *ислам*. Священной книгой мусульман является Коран. В Коране начало каждой суры сопровождается акронимом или буквенным сокращением. Пакистанскому варианту английского языка свойственно частое использование сокращений и аббревиатур. Данные сокращения и аббревиатуры не имеют широкого распространения в норме английского языка, они неизвестны ни широкому кругу носителей английского языка, ни, естественно, людям, для которых английский не является родным, и, что самое парадоксальное, нередко сами пакистанцы, работающие в данной сфере, затрудняются в расшифровке некоторых приведенных сокращений. Обратимся к примеру: *Please arrange to provide OEM/MRO International Price List (IPL-2013) for spares and service (repair/overhaul) in the of respective BOC/BOA contract scope. It is also requested that soft copy of International Price List may also be provided alongwith the hard copy.*

Continued issue for RFQs/POs to your firm during year 2013 will be subject to early submission to these OEM/MRO IPLs. Please treat the matter on priority to avoid risk of losing business especially against our LSP-2013/14 requirements [Rahman, 1990, p. 65].

Отсылки к исламской культуре можно встретить и во многих современных текстах, даже новостного и политического дискурса.

Which candidates will the pir of Pagara... back? (Pir means a spiritual guide in Islamic mysticism. Here it has been used as a hereditary title).

Maulana Tahir ul Qadri... used to deliver the Khutba (Maulana is a Muslim; Priest and the Khutba is the ritual sermon in Friday's prayers) [Ibid., p. 66].

Как все пришедшее извне, английский язык, язык захватчиков и колонизаторов, не избежал участия восприятия как чужеродного и враждебного. Лингвокультурологическая оппозиция «свой–чужой» в данном случае привела к тому, что, с одной стороны, его признали как глобальный, с другой – он получил название «killer language», действуя разрушительно на местные языки, сглаживая культурную самобытность, он способствует появлению новых диалектов. Это определяется социолингвистическими принципами и характеризуется множеством общих черт у контактных языков [Shneider, 2003].

По словам таких исследователей, как Сана Наваз, Айша Умар, Фатима Анджум и Мухаммад Рамзан, поскольку культура неотделима от языка, несмотря на несоответствия и разногласия между англоязычной (западной) культурой и местной культурой, английский язык распространяет информацию, заключенную в коде этого языка, и люди неосознанно или неохотно перенимают или вынуждены принять эту культуру» [Language and Culture, 2012, p. 1–6].

Неудивительно, что территориальные варианты английского языка стремятся сохранить национальные традиции, самобытность, вплетая в английский язык привычные фольклорные и исторические компоненты.

Lakhtaye dance in parts of the Frontier' (The dance of these boys is part of the culture of some areas of Pakistan).

Teddy boys and teddy girls wearing teddy shoes have disappeared. (Teddy was used for people who wore tight fitting clothes and pointed shoes in the sixties).

'The Pakki Pakai disappeared...' (Refers to the baked loaves which were mass manufactured in the seventies) [Language and Culture, 2012, p. 69].

В книге «Язык социального статуса» В.И. Карасик приводит следующую классификацию языковых ситуаций, возникающих в результате контакта языков и культур:

- 1) используется язык одного из этносов;
- 2) используются на равных языки взаимодействующих этносов;
- 3) используются языки взаимодействующих этносов с дифференцированными сферами общения (по Ч. Фергюсону, диглоссия);
- 4) используется чужой для контактирующих этносов язык;
- 5) используется вспомогательный язык-pidgin;
- 6) используется язык одного из этносов в предельно облегченной для иноязычного восприятия форме, ксенолект. Ксенолектом, как правило, пользуются мигранты. Их социальный статус оценивается как низкий, что отражается на отношении к данной разновидности языка [Карасик, 1992, с. 63].

В настоящее время в Пакистане наблюдается смешение двух типов языковых ситуаций, описанное В.И. Карасиком. Мы являемся свидетелями того, что, с одной стороны, английский язык, став средством общения в неисконной среде, приспосабливается к новым национально-культурным условиям, что ведет к размыванию языковой нормы, созданию «новых» норм и стандартов для каждого территориального варианта. С другой стороны, взаимодействие

двух языков (в нашем случае английского и урду) имеет и противоположную направленность. Английский язык, безусловно, во многом влияет на национальный язык и культуру Пакистана. Заимствуя лексические единицы, заимствуются и понятия, и реалии англоязычной культуры. Меняется образ мышления людей, говорящих на региональном варианте языка, стираются границы, географические и культурные, а процессы глобализации становятся очевидными.

Список литературы

- Балиашвили Т.* Интерференция как проблема двуязычия. – Тбилиси, 1988. – 213 с.
- Жирова И.Г.* Территориальная и социальная диалектическая вариативность британского английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 10(88), ч. 2. – С. 290–294.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М., 1992. – 333 с.
- Сероштан Е.Г.* Причины возникновения региональных вариантов английского языка (на примере стран Юго-Восточной Азии, Индии и Пакистана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9(63): в 3-х ч., ч. 2. – С. 146–150.
- Baumgardner R.* The English Language in Pakistan. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 234 p.
- Christal D.* English as a Global Language. – Second Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 229 p.
- Hickey R.* «South Asian Englishes» Legacies of Colonial English: Studies in Transported Dialects / ed. by Raymond Hickey. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 734 p.
- Language and Culture (With Special Reference to English Language and Punjabi Culture) / *Nawaz S., Umer A., Anjum F., Ramzan M.* // Global Journal of Human Social Sciences, Linguistics and Education. – 2012. – Vol. 12, Issue 12. – P. 1–6.
- Rahman T.* Pakistani English / National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University. – Islamabad, 1990. – 106 p. – Second edition 2010.
- Shneider E.W.* The Dynamics of New Englishes: from Identity Construction to Dialect Birth [Электронный ресурс] // Language: Journal of the Linguistic Society of America. – 2003. – Vol. 79, N 2 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.http.com/www.lsadc.org/info/language/792.pdf> (Дата обращения: 27.08.2019 г.)

3. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В НЕАНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

Н.Н. Трошина АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ГЕРМАНИИ

Аннотация. Немецкий язык – один из коммуникативно мощных европейских языков – испытывает на себе сильнейшее влияние языка глобализации, т.е. английского, ставшего по отношению к немецкому языком-донором. Это проявляется на всех уровнях системы немецкого языка, но прежде всего на лексическом – в широком использовании англичанских слов в устной и письменной речи в различных сферах коммуникации. Переход на английский язык становится все более распространенной речевой практикой в Германии (особенно в сфере рекламы, СМИ, науки и бизнеса), в связи с чем встает вопрос о лояльности немцев своему родному языку. Эти проблемы широко обсуждаются уже больше 20 лет в дискуссии, сформировавшей профессиональный и непрофессиональный метаязыковой дискурс.

Ключевые слова: языковая ситуация; признаки языковой ситуации; языковая глобализация; регионализация / глокализация; статус языка; англизм; англоамериканизм; язык-донор; экзоглоссия; Свое / Чужое; национальная идентичность; официальный язык; административный язык; метаязыковой дискурс; закон о защите немецкого языка; дескриптивный подход; деонтический подход; языковая лояльность; многоязычие.

**N.N. Troshina
ENGLISH IN GERMANY**

Abstract. German is one of the most powerful communicative European languages that is strongly influenced by the language of globalization, i.e. English, which has become a donor language in relation to German. This is manifested at all levels of the German language system, but above all, at the lexical level and can be seen in the widespread use of anglicisms in oral and written speech in various fields of communication. The transition to English is becoming an increasingly common speech practice in Germany (especially in advertising, media, science and business), which raises the question of the German loyalty to their native language. These issues have been widely discussed for more than 20 years in a discussion that has shaped professional and non-professional metalanguage discourse.

Keywords: language situation; the signs of the language situation; language globalization; regionalization / globalization; language status; anglicism; angloamericanism; donor language; their / someone else's national identity; official language; administrative language; metalinguistic discourse; the law on the protection of the German language; descriptive approach; deontic approach; language loyalty; multilingualism.

Обращение к теме настоящей статьи обусловлено спецификой языковой ситуации в Германии – стране с огромным экономическим, научным и культурным потенциалом, что возможно только при наличии коммуникативно мощного национального языка, т.е. «разработанного языка с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющего давнюю письменную традицию» [Кирилина, 2015, с. 77]. Тем не менее немецкий язык оказался под прессом глобализации, т.е. «процесса универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общества [Добреньков, Рахманов, 2006, с. 163] – процесса, коммуникативным проводником которого стал английский язык. Не случайно появился термин «языковая глобализация», под которым понимается «процесс чрезвычайно активного взаимопроникновения языков в условиях глобализации, характеризующийся доминированием английского языка» [Мельник, 2006, с. 1110]. Поэтому одной из характеристик глобализации является тенденция к интернационализации лингвосферы. Другая тенденция состоит в самоидентификации языков и культур, т.е. их стремлении к самосохранению в условиях «лингвистического империализма»¹ [Лаптева, 2006, с. 487; Одегова, 2017, с. 7], т.е. в условиях реализации английским языком своих устремлений к выстраиванию отношений иерархии с другими языками. Процессу глобализации, однако, противодействует процесс регионализации (часто его называют глокализацией), напоминает К. Штайнке: «Для индивидуума связь с определенным регионом выполняет защитную функцию. Она способствует налаживанию социальных связей и дает ощущение безопасности. Все это проявляется в чувстве солидарности ('Мы'), в защите от всего чужого, от всех влияний извне, угрожающих целостности личности» [Штайнке, 2006, с. 254–255]. Ощущение целостности личности связано с верностью своему родному языку, с желанием сохранить его. Поэтому неудивительно, что в сегодняшней Европе так стремительно развивается народная язы-

¹ Термин Р. Филлипсона [Phillipson, 1992]. – Прим. авт.

ковая рефлексия как проявление тревоги за судьбу родного языка¹. Изменение своей поведенческой модели – в том числе и речевой поведенческой модели – «в рамках глобального социума заставляет человека обратиться к традиционным ценностям и заново ощутить значение и значимость родного языка и культуры, свою личную роль как носителя национальной культуры», – пишет Л.В. Яценко [Яценко, 2014, с. 72].

Любое давление, в том числе и языковое, вызывает протест у граждан страны, но если эта страна является одной из наиболее экономически развитых, если ее вес на международной арене так велик, как у Германии, то отношение к давлению английского языка на немецкий становится одной из главных гуманитарных / культурных проблем, что, в частности, проявляется в ситуации, сложившейся в Европейском союзе. Как справедливо указывает М.А. Марусенко, «самым кричащим парадоксом в языковом режиме ЕС является место немецкого языка, совершенно не соответствующее ни численности его носителей от рождения (более 90 млн), ни самому большому числу государств, в котором он является официальным (Германия, Австрия, Бельгия, Люксембург, Италия²) [Марусенко, 2015, с. 34]. Это снижение статуса немецкого языка, являющееся последствием двух мировых войн, существует не только в ЕС: немецкий не является официальным языком ООН, где он с 1974 г. имеет статус языка документации (причем переводы производятся за счет немецкоязычных государств), и НАТО. При этом глобальные позиции немецкого языка «более сильны, чем позиции французского языка, и почти достигают уровня английского языка (за исключением Албании, Болгарии, Македонии и Румынии)» [Марусенко, 2015, с. 34].

Широко известно высказывание Д. Кристала, что «английский язык оказался в нужном месте в нужное время [Кристал, 2001, с. 115]. Одним из таких «мест» оказалась Германия, народ которой, однако, не всегда уверен в пользе влияния английского языка на немецкий и активно участвует в дискуссиях на эту тему.

¹ Подробнее об этом см.: «Языковая ситуация в Европе начала XXI» [Языковая ситуация в Европе.., 2015]. – Прим. авт.

² Немецкий язык является региональным официальным языком в итальянском Южном Тироле – Прим. авт.

Немецкий выполняет функции «национального официального языка» (nationale Amtssprache) также в Лихтенштейне [Ammon, 2015, р. 154]. – Прим. авт.

Прежде чем перейти к содержанию этой дискуссии, необходимо кратко остановиться на характеристике современной языковой ситуации в Германии, так как этим во многом объясняется степень успешности англоязычного влияния в этой стране.

На официальном немецком языке говорит более 95% населения Германии; с 1994 г. в качестве регионального признан нижнесаксонский (нижненемецкий) язык; языками национальных меньшинств являются датский, фризский и лужицкий (серболужицкий); кроме того, используются нижне-, средне- и верхненемецкие диалекты.

Сегодня важным компонентом языковой ситуации в Германии приходится признать американский вариант английского языка, поскольку он, бесспорно, является основным поставщиком заимствований, массово присутствующих в современном немецком языке, т.е. английский следует признать языком-донором по отношению к немецкому.

В специальной литературе [см., например: Виноградов, 1990, с. 616–617] различаются количественные, качественные и оценочные признаки языковой ситуации. Языковая ситуация подробно анализируется с ориентацией на эти признаки в монографии Ю.В. Кобенко «Языковая ситуация в ФРГ: Американизация и экзоглоссные тенденции» [Кобенко, 2014].

Количественные параметры языковой ситуации сообщаются на основе результатов социологического опроса, проведенного в апреле 2008 г. Алленсбахским институтом общественного мнения (Institut für Demoskopie Allensbach) «среди репрезентативно выбранных 1820 граждан ФРГ в возрасте от 16 лет включительно. Выяснилось, что 67% опрошенных, проживающих в западной части страны, и 49% представителей восточной части республики достаточно хорошо (einigermaßen gut) владеют английским языком. В «старых» федеральных землях показатели выросли почти в три раза с 1961 г. (22%) и в 1,5 раза – в «новых» федеральных землях с 1990 г. (33%). Английский язык занимает лидирующую позицию среди иностранных языков в ФРГ с 63% по республике, опережая французский (на втором месте) с 18% и нидерландский (на третьем месте) – 9%» [Кобенко, 2014. с. 19]. Эти данные были дополнены в 2012 г. П. Томасом, который опирался на результаты исследования, опубликованного Международным образовательным центром EF (Education First): Германия опередила Францию, Италию, Индию и Японию по EF Proficiency Index (EF EPI) – индексу, который составляется на основании проверки знания английского языка у

1,7 млн взрослых в 54 странах и регионах. Первое место по владению английским языком в Германии занял Франкфурт-на-Майне – ведущий финансовый центр на континенте [Thomas. – Электронный ресурс].

Качественные признаки языковой ситуации в Германии определяются родственными структурно-генетическими отношениями немецкого и английского языков (они оба относятся к германской ветви индоевропейской языковой семьи). При этом морфологическая структура английского языка значительно проще таковой немецкого, поскольку в английском языке не так сильно развита система флексий, как в немецком. Это очень облегчает конверсию частей речи, подчеркивает С. Куппер [Kupper, 2007, р. 61], например: *we can bus children to school, and then school them in English* «мы можем отвезти детей на автобусе в школу, а затем обучать их на английском языке».

Ю.В. Кобенко отмечает функциональную неравнозначность английского и немецкого языков: «Немецкий выступает после 1945 г. языком горизонтали, т.е. внутриэтнического общения, английский – языком вертикали, ассоциирующимся у немцев с успешностью, благополучием, образованием, карьерным ростом; языковая ситуация в ФРГ – многоязычная, гомогенная, гомоформная, дисгармоничная и экзоглоссная... Многоязычие обусловлено включенностью в рамки языковой ситуации нескольких разных языков; гомогенность свидетельствует об их родственности, гомоформность – о типологическом сходстве, обозначаемом гомологичностью... Дисгармоничность характеризует различный функциональный статус идиомов, экзоглоссия – иностранное происхождение металекта (доминирующего идиома)» [Кобенко, 2014, с. 20]. Под экзоглоссией понимается языковая ситуация, при которой местный язык оказывается как бы «в тени» чужого языка, потому что «степень использования средств языка-донора чрезвычайно высока» [там же, с. 25]. Количество заимствований очень высоко во всех сферах коммуникации, в том числе и в обиходно-разговорной речи, прежде всего в таких разновидностях «обиходно-делового разговорного стиля» [там же, с. 206], как интервью, ток-шоу и проч. В качестве яркого примера экзоглоссной тенденции приводится фрагмент из интервью модельера Джил Сандер журналу «Der Spiegel» от 01.04.1996: *Ich habe vielleicht etwas Weltverbesserndes. Mein Leben ist eine giving-story. Ich habe verstanden, dass man contemporary sein muss, das future-Denken haben muss...* [цит. по: Кобенко, 2014, с. 206]. «У меня есть, наверное, что-то, что может

усовершенствовать мир. Моя жизнь – это **giving-story**. Я поняла, что надо быть **contemporary**, иметь **future-мышление...**».

Эзоглоссная тенденция проявляется на всех уровнях системы немецкого языка¹, например:

1) на фонетическом – в переозвучивании давно заимствованных иностранных слов типа франц. *Engagement* [ãgaãzõ'mã;] «ангажемент» → англ. [in'geidzment], нем. *TV* [te:fao] «телевидение» → англ. [ti:vi:];

2) на морфологическом – в присвоении грамматического рода англоязычным заимствованиям: англ. *der Airport* < нем. *der Flughafen* «аэропорт», англ. *die Colgate* < нем. *die Zahnpaste* «зубная паста»; в придании заимствованным глаголам окончания *-en* (*printen* «распечатывать», *scannen* «сканировать»), реже *-n* (*recyceln* «перерабатывать») и в спряжении глаголов по слабому типу (*ich habe geklickt* «я кликнул»);

3) на синтаксическом – в переносе отрицания *nicht* «не»: нем. *nicht ich* «не я» вместо *ich nicht* по аналогии с англ. *not me*; нем. *eigentlich nicht* «вообще-то нет» → *nicht wirklich* по аналогии с англ. *not really*; нем. *Ich war nicht wirklich glücklich mit ihr* «Вообще-то я не был счастлив с ней» англ. < *I was not really happy with her*;

4) на орфографическом – в онемечивании заимствованных единиц (англ. *sh* → нем. *sch*: *shock* → *Schock* «шок»); однако в рекламе наблюдается обратное явление – к разнемечиванию немецких слов (нем. *Zigarette* → англ. *Cigarette* «сигарета»; нем. *exklusiv* → англ. *exclusiv* «эксклюзивный, элитарный, уникальный»);

5) на лексическом – в изменении значений слов (нем. *der Star* «скворец» → «звезда, знаменитость» < англ. *star* «звезда, знаменитость»; нем. *scheu* «застенчивый» → нем. «робкий» < англ. *shy* «робкий»).

С началом эзоглоссного развития немецкого языка во второй половине XX в. обнаружился ценностный конфликт Своего и Чужого, при котором Свое обесценивается, теряет привлекательность, а Чужое (американское) воспринимается как престижное, как эталон. Этой тенденции не была противопоставлена культурная политика ФРГ, которая оказала существенное влияние на статус немецкого языка как внутри страны, так и за ее пределами, так как «мотивировалась денацификацией Германии, инициированной силами союзников по британо-американской военной коалиции и стремлением к так называемому “преодолению прошлого” (*Vergangenheitsbewältigung*),

¹ См. также статью Д. Михутиу [Mihutiu, 2013]. – Прим. авт.

которое, по сути, подразумевало полное стирание исторической связи общества послевоенной ФРГ с его национал-социалистическим прошлым... Поэтому конфликт Своего и Чужого в ФРГ выглядит, скорее, как конфликт настоящего и прошлого, "новонемецкого" (американского) и исконно немецкого», – считает Ю.В. Кобенко [Кобенко, 2014, с. 40]. Именно этот момент стал одним из основных в общественной дискуссии о приемлемости / неприемлемости англизмов.

В специальной литературе используется понятие волн американизации немецкого языка. Первая волна пришла на послевоенные годы, когда усилилось экономическое и политическое влияние США на Западную Германию, где были размещены американские войска и началась одержимость Америкой, позволившая, в частности, увеличить объемы продаж американских товаров. Вторая, еще более мощная волна англоязычных заимствований захлестнула Германию в 90-е годы XX в. – после объединения Германии. По времени это совпало с дигитальной революцией в информационной сфере, в телекоммуникации и в Интернете [Трошина, Раренко, 2005]. В обоих случаях мощными проводниками англоязычного влияния были СМИ и реклама, окружившие английский язык ореолом гедонистических достоинств – стильности и даже изысканности.

Важная причина укрепления позиций английского языка в Германии состоит в том, что политическая, экономическая и культурная элита ФРГ придает английскому языку исключительно важное значение, оценивая его явно выше, чем родной немецкий, и способствуя не адаптации заимствований в системе немецкого языка, а сохранению их в исконном виде. Английский язык рассматривается в высших слоях общества как средство подчеркивания собственного престижа. На этот тревожный феномен обращает внимание А.В. Кирилина: «Экспансия английского языка считается естественным процессом, отражающим новую глобальную идентичность носителей передовых взглядов. Наднациональное выражается английским языком, престижность которого высока в том числе и потому, что он, как принято считать, выражает передовые тенденции современности, олицетворяет успех. Английские названия товаров и рекламные стратегии репрезентируют глобальную эстетику, которая утверждается в повседневности через англизмы. Тем самым создается новая система ценностей и социальных поведенческих образцов» [Кирилина, 2015, с. 129]. Эту оценку языковой ситуации в сегодняшней ФРГ разделяет У. Аммон, иллюстрируя ее следующим примером: немецкая пресса подвергла жесткой критике министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле за то, что он на боль-

шой пресс-конференции выступал на немецком языке, отвечая на вопросы иностранных журналистов, заданные на английском языке. Примечательно, что некоторые иностранные журналисты посчитали неэтичным поведение своих коллег, задававших немецкому министру вопросы на английском языке [Ammon, 2015, S. 51].

Отметим, что такая заинтересованность немецкой элиты и близких к ней журналистов в английском языке в ущерб немецкому – явление относительно новое: до начала активной фазы глобализации немецкие политики в своих публичных выступлениях подчеркивали горячую привязанность и любовь к родному языку и родной культуре, выражая серьезную озабоченность волной англоамериканизмов. Так, федеральный канцлер Г. Хайнеманн в своей знаменитой Марбахской речи (в 1973 г.) напомнил своим соотечественникам слова Фридриха Шиллера о том, что язык есть зеркало нации и что не следует забывать о своих обязательствах по отношению к нему. Языковая пропасть между так называемыми образованными слоями населения и широкими массами очень опасна для демократии, подчеркнул Г. Хайнеманн [Heinemann, 1973, S. 144].

Социокультурная и политическая ситуация, угрожающая статусу немецкого языка как коммуникативно мощного, сложилась также из-за того, что в Конституции ФРГ (Основном законе ФРГ) ничего не говорится о том, что немецкий язык является официальным (государственным) языком страны. Специалисты в области социолингвистики приводят следующие аргументы в пользу того, что статус немецкого языка должен быть зафиксирован в Конституции: 1) язык – это базис культурной идентичности; 2) язык объединяет все слои немецкого общества; 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной, незаметной утрате его значимости» (*schleichender Bedeutungsverlust der deutschen Sprache*); 4) упоминание немецкого языка в Основном законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками» [Lüdi, 2013, S. 276].

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Г. Люди: 1) на формальном – как способ сохранения его чистоты и противодействие его порче; 2) на национальном – как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства;

3) на международном – как противодействие падению привлекательности немецкого языка как иностранного.

Следует отметить, что долю вины за сложившуюся неблагополучную ситуацию с немецким языком несут и некоторые немецкие германисты. Если в своих публикациях 1945–1965 гг. западногерманские ученые с сожалением отмечали нарастающую волну англоязычных заимствований, то позже такие оценки встречаются гораздо реже. Причина этого заключается в сильном влиянии американской лингвистики на послевоенную немецкую, когда произошел отказ от принципа историзма в оценке языковых явлений, которого придерживались Ю.Г. Шоттель, Й.Х. Готшед, Й.Х. Аделунг. Возобладала и стала почти догматической точка зрения, согласно которой языковые единицы, в том числе и заимствования, должны оцениваться только с позиций их коммуникативной эффективности – аксиологический и эмотивный аспекты во внимание не принимаются [Polenz, 1977].

Сегодня как в СМИ, так и в специальной литературе высказываются и отрицательные, и положительные оценки использования англицизмов в немецкой речи. На отрицательных оценках основываются следующие утверждения: 1) англицизмы подрывают немецкую национальную идентичность; 2) псевдоанглицизмы типа *Händy* «мобильный телефон», *Schowmaster* «модератор», *Dressman* «мужчина-фотомодель» вызывают у носителей английского языка лишь ироническую улыбку; 3) речь, насыщенная англицизмами (особенно речь молодежи), становится коммуникативным барьером в общении с людьми старшего поколения; 4) англицизмы в торговле и рекламе нередко вводят покупателей в заблуждение (например, рекламный лозунг косметической фирмы «Douglas» *Come in and find out!* «Заходи и выбирай!», который многими немцами, не владеющими английским языком, был (по причине звукового сходства) воспринят как *Komm rein und finde wieder raus!* «Заходи и убирайся обратно!») Положительно оцениваются следующие особенности англицизмов: 1) компактность выражения мысли; 2) облегчение международной коммуникации; 3) удобство словообразования для обозначения новых понятий [Kipper, 2007, S. 72–74; Steffens, 2003, S. 5].

В целом Германия охвачена повальным изучением английского языка, что констатирует Р. Леттау, который, получив после Второй мировой войны образование в Германии, стал преподавателем высшей школы в Америке, а в 1978 г. вернулся на родину: «После того как этот народ предал все, что в нем было прекрасного, достойного любви и тонкого, он теряет и свой язык. Сейчас вся Германия – не что иное, как один непрерывный курс английского

языка». На эти слова Р. Леттау ссылается Х.-Г. Шмитц [Schmitz, 2004, S. 81]. С тех пор ситуация не изменилась.

В настоящее время в Германии существуют языковые общества, языковые фонды и бюджетные языковые институты. Отношения между ними весьма непросты, что объясняется (в числе прочих причин) и различными взглядами на использование англицизмов в немецком языке, о чем ведутся бурные дискуссии, в ходе которых каждая сторона стремится повлиять на общественное мнение, для чего использует данные социологических опросов. Особенно активное участие в этих дискуссиях принимает со стороны «широкой общественности» «Союз немецкого языка» («Verein deutsche Sprache», 30 тыс. членов, финансируется за счет членских взносов и добровольных пожертвований), со стороны научной общественности – «Общество немецкого языка» («Gesellschaft für deutsche Sprache», 13 тыс. членов) и Институт немецкого языка в г. Маннхайме (Institut für deutsche Sprache, Mannheim) (оба являются бюджетными организациями).

18–24 июня 2013 г. Международный институт маркетинговых исследований и общественного мнения «YouGovInternational» (international tätiges Institut für Markt- und Meinungsforschung) провел опрос на тему «Отношение населения ФРГ к английскому языку» и выяснил, что 59% немцев поддержали бы введение английского языка как второго официального во всем ЕС; 33% выступили бы против. Однако только половина немцев были бы за введение английского языка в качестве второго официального в Германии [Umfrage... – Электронный ресурс]. Близкие данные приводит в своей статье А.Г. Ламбсдорф, указывая, что английским языком пользуются многие специалисты-иммигранты, без которых экономика Германии не может обойтись: они нужны на металлургических заводах и в электроиндустрии, в области компьютерных технологий, в больницах и домах престарелых и т.д. Не владея немецким языком, многие из них едут не в Германию, а в Скандинавские страны или в Нидерланды, где английский язык широко используется. Поэтому, считает автор, английский язык должен уже сегодня стать административным языком, т.е. использоваться как язык управления на работе, а в перспективе стать вторым официальным языком всей страны [Lambsdorf. – Электронный ресурс].

Заинтересованность многих немцев в этой дискуссии привела к формированию метаязыковых дискурсов (Metasprachdiskurse) (термин Й. Шпитцмюллера [Spitzmüller, 2005]) – непрофессио-

нального и научного – о влиянии английского языка на немецкие речевые практики [см. об этом также: Трошина, 2014].

Й. Шпитцмюллер кратко излагает историю формирования этих метаязыковых дискурсов начиная с 90-х годов XX в. Непосредственным поводом для их появления была декларация «Немецкого союза рок- и поп-музыкантов» («Deutscher Rock- und Popmusikerverband») 1996 г., в которой выдвигалось требование в законодательном порядке гарантировать немецким исполнителям 40% участия в музыкальных программах, транслируемых по различным телеканалам и СМИ¹.

Эта публикация способствовала популяризации критики англоамериканизмов. Таким образом, внимание немецкого лингвокультурного сообщества было привлечено к языковым проблемам, чему немало способствовала одновременно проходившая дискуссия по реформе немецкой орфографии. Однако немцев гораздо больше беспокоило «засорение немецкого языка англизмами, чем проблема, где писать *ss*, а где *ß*» [Spitzmüller, 2005, S. 129]. Хронологическое совпадение этих двух метаязыковых дискурсов очень сенсибилизировало языковое сознание немцев и привело к институционализации метаязыкового дискурса критики англизмов (Institutionalisierung der Anglizismenkritik) [Ibid., S. 122]: в октябре 1999 г. для борьбы с англизмами был основан «Союз немецкого языка» (см. выше), в который входили как любители немецкого языка, так и профессионалы-германисты. «Союз» фиксировал случаи чрезмерного или неудачного использования англизмов в публичной речи, высмеивал тех, кто их употреблял, что сделало его популярным. В немалой степени это-

¹ Отметим, что почти 20 лет спустя У. Аммон также с сожалением констатировал явное вытеснение немецкого языка из сферы вокальной музыки, прежде всего из эстрадной, что началось в эпоху популярности группы «Битлз» (т.е. с 60-х годов XX в.). Готовность немецкой публики к сдаче позиций своего родного языка У. Аммон объясняет устойчивым чувством вины немцев за нацистское прошлое своей страны, широко распространенными в мире ассоциациями нацизма с немецким языком и вызванным этим стремлением современных немцев растворить свою национальную идентичность в англоязычной идентичности: «Некоторые немецкоязычные певцы видят воплощение своей идентичности скорее в английских текстах, чем в немецких» [Ammon, 2015, p. 934]. Со стороны официальных немецких властей были предприняты попытки урегулировать соотношение немецких и иноязычных текстов в музыкальной сфере (прежде всего на эстраде) путем введения специальных квот, но эти попытки не увенчались успехом. – *Прим. авт.*

му поспособствовала неудачная рекламная кампания фирмы «Телеком» по изменению телефонных тарифов. В рекламных текстах широко использовались английские термины, например англ. City Call вместо нем. *Ortsgespräch* «местный звонок». Это вызвало резкие протесты не только «Союза немецкого языка», но и Института немецкого языка. В результате «Телеком» убрал англицизмы из своей рекламы, что принесло большой успех «Союзу немецкого языка» (как и Институту немецкого языка), но не помешало первому объявить руководство «Телекома» «вредителем немецкого языка 1998 г.» (*Sprachpantzcher des Jahres 1998*).

Другой рекламной кампанией, усилившей антианглийские настроения в Германии и поднявшей рейтинг «Общества немецкого языка», была кампания «Сделаем Берлин чистым городом!» (*Berliner Stadtreinigung*) в мае 1999 г. с ее лозунгом «We kehr for you» «We метем for you», т.е. «Мы метем для вас». Рекламное агентство, проводившее эту кампанию, получило неплохие дивиденды и повысило свою популярность. Имидж «Союза немецкого языка» также повысился: он стал считаться признанным авторитетом, сопоставимым с Институтом немецкого языка.

Результаты этих и других рекламных кампаний заставили немецких профессиональных лингвистов более детально заняться проблемой влияния английских заимствований на немецкий язык: в марте 1998 г. Институт немецкого языка провел ежегодную конференцию, посвятив ее на этот раз теме «Язык – языкоzнание – общественность», «Общество немецкого языка» провело конференцию на тему «Будущее немецкого языка». Эти конференции получили неожиданно большой резонанс в прессе, что свидетельствует о важности их проблематики для общества. Однако в СМИ были высказаны также обвинения в адрес директора Института немецкого языка Герхарда Штикеля, констатировавшего усиливающееся неприятие англицизмов немцами и высказавшего в связи с этим озабоченность ростом пурристических настроений в обществе. В ответ на это в газете *«Тагесцайтунг»* вышла статья под заголовком «Take it easy, Gerhard!» «Не волнуйся, Герхард!».

В целом позиция немецкой лингвистики по отношению к англицизмам была «дескриптивно-сдержанной» (*deskriptiv-zurückhaltende Position der Linguistik*) [Spitzmüller, 2005, S. 127], что привело в мае 1999 г. к первому большому конфликту Института немецкого языка с «Союзом немецкого языка». Это было связано с положительным отношением института к включению англоязычных компьютерных терминов в словарь из серии «Дуден». Инсти-

тут немецкого языка аргументировал это тем, что эти слова относятся к широко используемой лексике, а функция словарей состоит именно в том, чтобы отражать высокочастотную лексику. Депутат от Свободной демократической партии Юрген Тюрк обвинил Институт немецкого языка в «размывании глубинного кода немецкого языка» (Aufweichen des Tiefencodes der deutschen Sprache) [Spitzmüller, 2005, S. 128], потому что немцы уже теряются в догадках, как же правильно: *downloaded*, *gedownloaded* или *downgeloaded* (нем. форма причастия II от *to download* «скачивать информацию на компьютере»). Неожиданной была реакция специалистов в области компьютерных технологий: они поддержали критику англизмов.

Расширение метаязыкового дискурса использования англизмов привело в 2000–2001 гг. к его слиянию с политическим дискурсом, поскольку «Союз немецкого языка» потребовал 3 июля 2000 г. принять закон «О защите родного немецкого языка от англизмов» («Gesetz über den Schutz der deutschen Muttersprache vor Anglizismen»). 11 сентября 2000 г. с аналогичным требованием выступил берлинский сенатор Экарт Вертебах (Ekart Werthebach). Эту позицию поддержали ландтаги (земельные парламенты), например ландтаг федеральной земли Баден-Вюртемберг. Ситуация обострилась в связи с интервью председателя фракции ХДС / ХСС в бундестаге Фридриха Мерца газете «Райнише пост», в котором он высказал мнение, что живущие в ФРГ иностранцы должны адаптироваться к основной (буквально «ведущей» – *Leitkultur*) культуре страны, т.е. к немецкой (*deutsche Leitkultur*) [Spitzmüller, 2005, S. 130]¹. Развернулась бурная дискуссия о месте языка в национальной культуре и его роли в формировании национального менталитета. Эта дискуссия, как и все события метадискурса, явилаась одновременно и симптомом, и катализатором озабоченности общества состоянием немецкого языка. Не остался в стороне и

¹ Слово *Leitkultur* стало словом 2000 г. в результате ожесточенного обсуждения в Бундестаге непопулярного концепта *multikulturelle Gesellschaft* «мультикультурное общество». В результате в концептуальное поле *Multikulturalität* «мультикультурность» добавились новые опорные концепты, вербально воплощенные: 1) в омофонах *Leidkultur* «страдающая культура (в данном случае – принимающая немецкая культура) и *Lightkultur* (в обиходно-разговорном значении «развлекательная культура низкого пошиба» (umg.; salopp. Kultur auf niedrigem Niveau, bes. in Form von seichter Unterhaltung, Spaßkultur [< engl. light>leicht «+ Kultur]) [Wahrig... – Электронный ресурс]; 2) в словосочетаниях *eine deutsche Leitkultur* и *eine Leitkultur in Deutschland*. Дискуссия развернулась на фоне усилившегося притока иммигрантов в Германию и опасения немцев за сохранность своей родной культуры. – *Прим. авт.*

президент ФРГ Йоханнес Рай, заявивший в своей речи в Майнце на открытии конгресса «Наследие Гутенберга: От первой медийной революции к обществу знания»: «Избыточное использование американцев в рекламе и СМИ, а также в документах и публикациях многих фирм и учреждений должно, казалось бы, свидетельствовать о прогрессе и соответствии требованиям современности. На самом деле это часто оказывается свидетельством обеднения выразительных возможностей своего языка. В результате это приводит к изоляции тех, кто не владеет английским языком». Это знаменитое высказывание Й. Рай приводит в своей статье Й. Шпитцмюллер [Spitzmüller, 2005, S. 131]. Лингвисты – сотрудники Института немецкого языка и члены «Общества немецкого языка» – высказались решительно против принятия закона о защите немецкого языка, но подчеркнули необходимость перевода английских заимствований на немецкий язык и закрепления этих переводов в немецких речевых практиках. Указывалось также на необходимость учитывать особенности сферы использования исконно английских слов и сохранение их социопрагматических коннотаций, что не всегда бывает возможно при переводе на немецкий язык.

В результате этой дискуссии 8 мая 2001 г. было принято «Согласованное решение по делопроизводству» (‘Gemeinsame Geschäftsordnung’), в котором была отражена позиция Э. Вертебаха: «Иноязычные выражения (в том числе и из англосаксонского языкового ареала) принципиально допустимы, если это профессионально необходимо и если это не влияет на доступность для их понимания гражданами. Использование иноязычных выражений недопустимо при наличии подходящих немецких слов или если таковые могут быть без особых трудностей созданы на основе имеющихся лексических полей (aus vorhandenen Wortfeldern)» [§ 49 Abs. 2 GGO I – цит. по: Spitzmüller, 2005, S. 135]. Закон о защите немецкого языка не принят до сих пор.

Ю. Шпитцмюллер исследует лингвистическую природу расхождения медийного и научного метадискурсов по вопросу об иноязычных заимствованиях. Автор объясняет это различием в функциях, которые опорные концепты и обозначающие их лексические единицы выполняют в этих метаязыковых дискурсах. Если в научном метадискурсе эти слова, например слово «англицизм», используются в презентативной функции, выводя на первый план семантику, и не содержат никакой оценочной информации (лингвистическая, т.е. научная, точка зрения основана на дескриптивном

подходе к использованию языковой единицы), то в медийном дискурсе эти же слова используются в апеллятивной функции, т.е. побуждающей реципиента к определенным действиям (непрофессиональная точка зрения основана на деонтическом подходе). В медийных СМИ слово «англицизм» коннотировано изначально отрицательно и используется как стигма, как слово-лозунг (*Schlagwort*), объединяющее единомышленников. Таким образом, научный подход к проблеме основывается, подчеркивает Ю. Шпитцмюллер, на различении дескриптивного и деонтического подходов к языковым фактам и, соответственно, на различении слов-дескрипторов (*Deskriptionswörter*) и лозунговых слов (*Schlagwörter*). При этом лингвисты подходят к языку как к гетерогенному явлению, как к сумме речевых практик, т.е. всего того, что говорится и пишется, в том числе и с использованием заимствований. Разумеется, такой подход не означает для лингвистов отказа от заботы о культуре родного языка. Огульная критика англоязычных заимствований есть свидетельство принадлежности к непрофессиональному сообществу, разделяющему установки медийного метадискурса о языке [Spitzmüller, 2005, S. 105].

Не следует, однако, думать, что в рядах лингвистов существует полное единодушие по поводу использования англицизмов и что не ведутся споры о плюсах и минусах этого феномена. С особенной остротой спор разгорелся в 2013 г. после публикации в информационном бюллетене Института немецкого языка «Sprachreport» статьи члена «Союза немецкого языка» Х.Х. Мунске «Что такое языковая лояльность?» [Munske, 2013]. Автор – профессор, специалист в области германской филологии и немецкой диалектологии и член Ученого совета «Союза немецкого языка». Х.Х. Мунске резко критикует профессора А. Буркхардта – председателя «Общества немецкого языка», т.е. общества, всегда стоявшего на позиции открытости в вопросе о взаимовлиянии языков и связанных с этим языковых изменений. Однако открытость не означает для членов этого общества равнодушия или индифферентности. Напротив, подчеркивает А. Буркхардт, «Общество немецкого языка» всегда стремится к научно обоснованной языковой критике, так как только на ее основе могут быть выработаны адекватные рекомендации по культуре речи [Burkhardt, 2013, S. 38]. А. Буркхардт напоминает, что взаимодействие и взаимовлияние языков – естественные процессы языкового развития: ведь закрепились же в немецком языке заимствования из французского, например. *Parfum* «духи», *Portemonnaie* «портмоне» и т.д. Поэтому «Общество немецкого языка» выступает против

применения «полицейских мер по борьбе с иностранными словами» (Fremdwortpolizei) [Burkhardt, 2013, S. 38].

Камнем преткновения в споре Х.Х. Мунске и А. Буркхардта стало понятие языковой лояльности, которое Х.Х. Мунске трактует только как готовность защищать язык от наплыва иностранных заимствований, поскольку язык – это огромная национальная ценность. Не отрицая высокой ценности немецкого языка для немцев, А. Буркхардт все же считает, что языковая лояльность должна проявляться «в другом» (auf anderem Felde) [Ibid., S. 41]: в отказе от излишней готовности немцев к переходу на английский язык в ситуациях международного общения, а также в сфере науки и высшего образования, что нередко происходит даже на тех конференциях, которые проводятся в ФРГ. Последний аспект настолько важен для оценки лингво- и социокультурной ситуации в Германии в целом, что на нем следует остановиться более подробно.

Как с тревогой отмечает мюнхенский исследователь Ральф Моцикат, «на многих семинарах и конференциях можно наблюдать, как снижается у присутствующих готовность участвовать в дискуссии даже в том случае, если они прекрасно владеют английским языком. Это связано с тем, что язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и когнитивную. Наши модели мышления, формирования гипотез, цепочек приводимых аргументов, в том числе и в естественных науках, неотделимы от нашего сознания, которое основано на родном языке (*beruht auf der Muttersprache*). Научные теории всегда используют слова, образы, метафоры, заимствованные из разговорного языка» [Mocikat, 2006 – цит. по: Lüdi, 2013, S. 279]. Но не только конференции проводятся на английском языке: обучение в немецких университетах по многим дисциплинам и отдельным специальностям все чаще переводится на английский язык, поскольку университеты стремятся расширить международные контакты Германии, повысить престиж немецкого образования, привлечь большее количество студентов, так как чем больше студентов обучается в университете, тем большую материальную помощь получает университет от государства.

Эти изменения в университетах связаны с Болонской декларацией и, соответственно, с Болонским процессом, в который активно включились не только университеты в Германии, но книжные и журнальные издательства. Большинство из них вынуждены публиковать материалы, написанные только на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х годов XX в.: процент публикаций

по германистике на английском языке составлял уже тогда 12,8%, т.е. больше, чем публикаций на всех остальных (кроме немецкого) языках вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3%, на итальянском – 1, на русском – 1%, т.е. всего 7,2% [Ammon, 2015, S. 608]. Сейчас эта ситуация еще больше обострилась, поскольку она связана с участием исследователей в научных проектах, финансирование которых основывается на рейтинге англоязычных журналов, в которых соискатели грантов опубликовали свои статьи. Заявки на гранты следует представлять также на английском языке. Исключение представляет Швейцарский национальный фонд (der Schweizerische Nationalfonds, SNF), который разрешает ученым в области гуманитарных наук подавать заявки на грант на любом из официальных языков Швейцарии (немецком, французском, итальянском, ретороманском). Австрийский фонд научных исследований (der Österreichische Fonds zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung, FWF) предписывает подавать заявки на английском языке, так как направляет их на оценку зарубежным экспертам, считая их более объективными [Hirnstein, 2017, S. 53]. Что же касается книжных издательств, то С. Куппер приводит следующие данные: научное издательство «Springer» публикует на английском языке 60% своих изданий, то же самое касается издательств «De Gruyter», «Narr», «Niemeyer», «Winter» [Kupper, 2007, S. 72].

Обращает на себя внимание ситуация с цитированием в научных изданиях: британцы цитируют только британские и американские источники, американские – только американские, игнорируя даже тех своих европейских коллег, которые публикуются на английском языке. Статьи европейских ученых имеют шанс быть прочитанными только в том случае, если они опубликованы в американских журналах. К сожалению, констатирует С. Куппер, существует стереотипный предрассудок, что вся передовая наука говорит по-английски [Ibid., S. 73].

Противостоять этой тенденции пытается рабочая группа, созданная в 2006 г. по инициативе ученых советов по социальным и гуманитарным наукам в различных немецких университетах и изложившая свою концепцию в публикации под названием «Язык науки – пледойе в защиту многоязычия» [Mittelstrass, Trabant, Fröhlicher, 2016]. Авторами этой публикации являются Юрген Миттельштрас (специалист в области философии науки, профессор Боннского и Гамбургского университетов), Юрген Трабант (специалист в области романского языкознания, профессор Университета им. Гумбольдта, Берлин) и Петер Фрёлихер (литерату-

ровед-романист, профессор университета в г. Констанц). Они подчеркивают, что для гуманитарных наук «ававилонское смешение языков» – это не беда, а благо, так как оно обогащает и расширяет исследовательскую базу. Совершенно справедливо задает вопрос Л.М. Айхингер: можно ли, преподавая на иностранном языке, достичь такого же качественного уровня обучения, как если бы процесс проходил на родном языке? [Eichinger, 2005, S. 7]. Ответ на этот вопрос находим в результатах исследований Франка Рёсслера, профессора Гамбургского университета, занимающегося биологическими аспектами когнитивных процессов: вынужденный переход взрослых людей на иностранный язык (в данном случае – на английский) ограничивает их рецептивные возможности: они не все понимают, даже если получили высшее образование на английском языке, например, в американском университете. Непонимание / неполное понимание составляет 10–20% от общего объема сообщаемой научной информации. Освоить английский язык в объеме родного – это иллюзия, полагает Ф. Рёсслер, вывод которого приводит А. Хирнштейн [Hirnstein, 2017]. Еще более существенным Ф. Рёсслер считает то, что «не все языки в равной степени пригодны для общения в специальной научной среде: есть научные произведения, которые могут быть написаны только на немецком языке, другие мыслимы, если созданы на итальянском языке. Философ Мартин Хайдеггер, создавший немало труднопереводимых понятий, считал, например, что для философии более других подходят немецкий и греческий языки», сообщает А. Хирнштейн [Ibid., S. 55].

Решение языковой проблемы в сфере науки и высшего образования Л.М. Айхингер видит в сочетании обучения на родном языке с участием в международных исследованиях, выполняемых на английском языке.

Для «выравнивания» языковой ситуации в немецком высшем образовании «Немецкая служба академических обменов» (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD) приняла в 2010 г. «Меморандум о защите немецкого языка в области науки» [Memorandum... – Электронный ресурс].

Почему же немцы так легко отказываются (отказались) от своего родного языка, в том числе в науке, где они были так сильны в XIX–XX вв., т.е. почему они проявляют такое «лингвокультурное малодушие», по выражению Г. Рёка, мнение которого приводит О. Рёш [Rösch, 2015, S. 22]. Г. Рёк объясняет это тем, что немцы все еще компенсируют свой прежний шовинистический угар чрез-

мерной готовностью к переходу на язык международного общения (см. также Х.Й. Майер о «немецком чувстве национального сми-рения»: [Meyer, 2004, S. 77]). Таким образом, речь идет опять же о языковой лояльности, вернее, о ее отсутствии: она отступает под влиянием чувства исторической вины в сочетании с требованиями реальности. Последнее обстоятельство передается понятием «языковой рыночной стоимости индивида» (der sprachliche Mehrwert des Einzelnen): именно это имеет в виду Л.М. Айхингер, утверждая: «Сегодня умение общаться на английском языке определяет возможность вхождения индивида в научную среду» [Eichinger, 2005, S. 5].

Языковая ситуация, сложившаяся в немецкой академической среде, угрожает исчезновением национальных границ образовательных систем, считает О. Рёш и, чтобы этого не произошло, предлагает дифференцировать понятия «международное общение» и «глобализация». В первом случае речь идет о физической мобильности студентов и преподавателей, о продолжении традиций международного сотрудничества при сохранении национальных систем образования. Во втором происходит управление международным рынком научного знания, осуществляется перевод системы высшего образования на экономические рельсы [Rösch, 2015, S. 22].

Решение этой дилеммы во многом определяется позицией федерального правительства, а оно, по мнению А. Буркхардта, делает слишком мало для того, чтобы укрепить позиции немецкого языка в конкурентной борьбе языков на международной арене (im internationalen Sprachen-Konkurrenzkampf) [Burkhardt, 2013, S. 41]. Особенno это касается тех случаев, когда признание коммуникативной важности немецкого языка является делом принципа и не должно страдать от степени владения английским языком гражданами ФРГ. О такой ситуации пишет Я. Крузе в статье «I do not understand documents of the EU»: «Практические последствия языковой политики в институтах ЕС для немецкого Бундестага – результаты одного квантитативного исследования». Автор описывает ситуацию с обработкой англоязычных документов ЕС, поступающих в Комитет по делам ЕС при Бундестаге ФРГ: 43% этих документов не переводятся на немецкий язык, хотя далеко не все сотрудники указанного Комитета свободно (или достаточно) владеют английским языком. В результате многие входящие документы ЕС не просматриваются / не читаются и содержащаяся в них информация и рекомендации не учитываются при подготовке документов, рассматриваемых Бундестагом, что значительно ограничивает право

немецкого национального парламента на участие в законодательстве Европейского союза (Mitwirkungsrecht an der Rechtsetzung der Europäischen Union), зафиксированное в ст. 20 Лиссабонского соглашения от 9 мая 2008 г. [Kruse, 2013, S. 319]. «Общество немецкого языка» видит свою важную задачу в том, чтобы стимулировать языковую лояльность немцев именно как предпочтение немецкого языка английскому в международной и межкультурной коммуникации, а не просто как сопротивление англоязычным заимствованиям [Burkhard, 2013, S. 41].

А. Буркхардт подчеркивает, что нет разумных причин ни для чрезмерного увлечения англизмами, ни для огульного их осуждения. Нередко они бывают удобны по следующим причинам: 1) отсутствие немецкого слова с соответствующим значением, например, англ. *Airbag* «воздушная подушка»; 2) краткость английского слова, ср., например, англ. *Jet* и нем. *Düsenflugzeug* «реактивный самолет»; 3) семантическая привлекательность заимствования, например, англ. *Open Air Festival* и нем. *Freiluftfestspiel* «фестиваль под открытым небом»; 4) обозначение реалии, например, *Whisky* «виски», *Cricket* «крикет»; 5) употребление англизма в качестве гипонима, например, англ. *Dealer* в значении не «торговец вообще», а «наркоторговец»; 6) необходимость иметь синонимы, например, англ. *Lift* и нем. *Fahrstuhl* «лифт»; 7) удобство использования интернационализмов, например, *Terminal* «терминал (в аэропорту)», *Gate* «выход на посадку», *Home page* «домашняя страница»; 8) привлекательность для определенной сферы коммуникации, например, *Ford. Feel the difference.* «Форд. Почувствуйте разницу»; 9) снятие психологического напряжения при восприятии заимствованного слова, например, англ. *Cancer Center* и нем. *Krebszentrum* «раковый центр». Отмечается также соображения престижности и даже снобизма, обусловливающие использование англизмов.

Позицию А. Буркхардта разделяет его коллега по «Обществу немецкого языка» профессор германистики (Технический университет в Дармштадте) Р. Хoberg, бывший председатель этого общества. «Что такого страшного и неприемлемого в англизмах?» – спрашивает он в своей статье «Англизмы и языковая лояльность» [Hoberg, 2013]. «Почему бы ни подойти к ним как к явлению, обогащающему немецкий язык? Ведь еще великий Гёте видел силу языка не в том, что он отвергает Чужое, а в том, что он его поглощает (*verschlingt*)» [Ibid., S. 2]. Автор называет четыре причины, обычно вызывающие неприязненное отношение к анг-

лизмам, и комментирует их: 1) они затрудняют взаимопонимание – но в этом немецкий язык тоже можно упрекнуть; 2) используя англицизмы, человек просто хочет пустить пыль в глаза (*Angeberei, Imponiergehabe*, «снобизм»); 3) немцы используют англицизмы, которых в английском языке нет (псевдоанглицизмы), например, *Handy* («мобильный телефон». – *Авт.*). «Между тем многим англичанам и американцам так нравится слово *Handy*, что они охотно реимпортировали бы его, чтобы заменить собственно английские слова *mobile phone* и *cell phone*. Однажды мы будем писать это слово как *Händi* и получим новое немецкое слово. То же самое может произойти и с англицизмом *cool* («отличный, крутой». – *Авт.*): когда-нибудь мы будем писать *kuhl* и получим новое немецкое слово, ведь *kuhl* значит совсем не то же самое, что *kühl* («прочладный». – *Авт.*). Никто не заказывает *cooles Bier* («крутое пиво». – *Авт.*), имея в виду холодное пиво, но говорит о молодом человеке *cooler Typ* («отличный парень». – *Авт.*)» [Hoberg, 2013, S. 3].

Характеризуя степень востребованности английского языка в Германии, нельзя не обратиться к языковой ситуации в сфере бизнеса, который должен решить две проблемы: 1) снизить большие расходы на оплату перевода документации и устных переговоров (многоязычие обходится дорого), тем более что перевод не всегда гарантирует отсутствие недоразумений, подчеркивает Ю. Хаусшильд – профессор университета в г. Киль, специалист по экономике и языкам делового общения, о чем сообщается в публикации С. Линденберг ([Lindenberg, 2006]; 2) снять психологическое напряжение сотрудников, прежде всего руководящего состава, из-за их опасения за свою карьеру, так как сегодня их профессиональные знания ценятся меньше, чем знание английского языка. Поэтому на руководящие посты назначаются преимущественно носители английского языка, даже если в профессиональном отношении они уступают немцам, в результате чего обостряется внутренняя обстановка на фирмах. Тем не менее такая известная фирма, как «Фольксваген», переходит на английский язык, что позволит ей приглашать ведущих мировых специалистов в области автомобилестроения. Новые требования к знанию английского языка будут официально введены на «Фольксвагене» в 2021 г., сообщает глава фирмы Матиас Мюллер [Müller, 2016].

Чтобы интенсифицировать обучение сотрудников английскому языку, многие фирмы вводят в качестве обязательного так называемый *Basic-English*, словарь которого составляет 400–800 слов.

По мнению Ю. Хаусшильда, языковая политика в сфере бизнесса адаптируется к обстоятельствам: иногда используется только английский язык (чаще это бывает на фирмах небольших стран, например Норвегии, Дании, Нидерландов). «Они распорощались со своим родным языком», – отмечает Ю. Хаусшильд. Однако, в основном, имеет место двуязычие, как это происходит в «Дойче банк», где международные вопросы обсуждаются на английском языке, а те, которые касаются только Германии, – на немецком. «Сименс» использует в своих филиалах английский и местные языки¹. Т. Штробель, Р. Хоберг и Э. Фогт приводят следующую статистику по немецким средним фирмам: в основном, на них используется только немецкий язык (83–87,6%), сочетание немецкого и английского – гораздо реже (11,3–14,8%) [Strobel, Hoberg, Vogt, 2009, S. 184].

Специфическая ситуация складывается в сфере судопроизводства на процессах по экономическим вопросам, в которых нередко участвуют англоязычные фирмы. В использовании английского языка в таких случаях заинтересовано по финансовым причинам не только государство, но и немецкие адвокаты. Пока такие дела рассматриваются, как правило, в англосаксонских или частных третейских судах [Ammon, 2015, S. 517], но немало немецких юристов выступают за введение в Германии английского языка в судебное производство по экономическим вопросам. На немецком языке предлагается писать только процессуальные документы и приговоры. Основная проблема заключается в том, что далеко не все судьи и другие сотрудники судов в достаточной степени владеют английским языком. Кроме того, в плане понятийного аппарата системы немецкого и англосаксонского права различаются весьма значительно.

Заключение

Как же сложится взаимодействие немецкого и английского языков в Германии будущего, т.е. как будет развиваться языковая ситуация в этой стране в условиях глобализации? Сбудется ли прогноз, согласно которому к концу XXI в. некоторые европейские

¹ Об использовании моделей двуязычия (немецкий и русский языки) и трехъязычия (английский, немецкий и русский) в представительствах немецких фирм в России см.: [Troshina, 2011]. – Прим. авт.

нации, в том числе и немецкая, полностью перейдут на английский язык, чему будет способствовать такой ее проводник, как Интернет? По данным Института общественного мнения в Алленсбахе, в Германии 68% лиц старше 14 лет пользуются им, причем 42% из них – ежедневно [Gesprächskultur 2.0... – Электронный ресурс]. Является ли такая интернет-активность населения (прежде всего молодежи) на фоне активности немецких СМИ, рекламы и крупного бизнеса, заинтересованных в использовании английского языка в Германии, предвестником фундаментальных изменений в коммуникативном укладе общества и, следовательно, всей языковой ситуации? Это в очень большой степени зависит от правильного понимания немцами лояльности своему родному языку. В противном случае будущее немецкого языка нельзя считать обеспеченным, подчеркивает бывший директор Института немецкого языка Г. Штикель в «Меморандуме: Политика в защиту немецкого языка» [Stickel, 2001, S. 9]. Его мнение разделяет У. Аммон, не исключающий, что на английский язык перейдет в Германии коммуникация в области политики, экономики и науки. Немецкий же язык станет языком общения в так называемых F-сферах: в семье (Familie), в кругу друзей (Freundekreis), в сфере досуга (Freizeit) и в сфере фольклора (Folklore) [Ammon, 2015, S. 105; Stickel, 2001].

Список литературы

- Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В.Н. – 2-е репр. изд-е. – М., 1990. – С. 616–617.
- Добренков И.И., Рахманов А.Б. Глобализация // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб., 2006. – С. 163–165.
- Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М., 2015. – С. 122–135.
- Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. – М., 2015 а. – № 2 (24). – С. 77–89.
- Кобенко Ю.В. Языковая ситуация в ФРГ: Американизация и экзоглоссные тенденции. – Томск, 2014. – 360 с.
- Кристал Д. Английский язык как глобальный: пер. с англ. – М., 2001. – 240 с.
- Лаптева Т.Н. Лингвосфера в эпоху глобализации // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб., 2006. – С. 487–488.

- Марусенко М.А.* Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: Языковые последствия глобализации. – М., 2015. – 496 с.
- Мельник Ю.В.* Языковая глобализация // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб., 2006. – С. 1110.
- Одегова О.В.* Глобализация языка и культуры: Специфика и место в системе процессов современности. – Томск, 2017. – 168 с.
- Трошина Н.Н.* Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкоязычной германистике // Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты: Сб. науч. трудов к юбилею Л.И. Гришаевой. – Воронеж, 2014. – С. 414–428.
- Трошина Н.Н., Раренко М.Б.* Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник: Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М., 2005. – С. 131–164.
- Штайнке К.* Глобализация – регионализация и лингвистика: пер. с нем. // Глобализация – этнанизация: Этнокультурные и языковые процессы. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 249–258.
- Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН; отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2015. – 179 с.
- Яценко Л.В.* Языки и культуры в эпоху глобализации // Модернизация культуры: Идеи и парадигмы культурных изменений: Материалы II Межд. науч.-практ. конф. Самара, 22–23 мая 2014. – Самара, 2014. – Ч. 2. – С. 70–78.
- Ammon U.* Die Stellung der Deutschen Sprache in der Welt. – Berlin; München; Boston, 2015. – XVII, 1295 S.
- Burkhardt A.* Die «Anglizismenfrage» aus der Sicht der «GfDS» // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – H. 1/2. – S. 38–42.
- Eichinger L.M.* Das Deutsche – eine europäische Sprache am Beginn des 21. Jahrhunderts // Sprachreport. – Mannheim, 2005. – N 2. – S. 2–8.
- Gesprächskultur 2.0: Wie die digitale Welt unser Kommunikationsverhalten verändert. Axel Springer Marktforschung. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://www.ifd-allensbach.de/uploads/tx_studies/7490_Gespraechskultur.pdf (Дата обращения: 25.06.2019 г.)
- Heinemann G.W.* Reden und Interviews. – Bonn, 1973. – S. 138–150.
- Hirnstein A.* Deutschsprachige Forscher sind benachteiligt, weil das Englische alles verdrängt – total disaster, so sad // Neue Zürcher Zeitung am Sonntag. – Zürich, 2017. – 12. Februar. – S. 55.
- Hoberg R.* Englizismen und Sprachloyalität: Anmerkungen zu einem Beitrag von Horst Haider Munske // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – H. 4. – S. 2–5.
- Kruse J.* I do not understand the EU-Vorlage: Folgen der sprachenpolitischen Praxis in den Institutionen der EU für den deutschen Bundestag – Ergebnisse einer quantitativen Untersuchung // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin; Boston, 2013. – S. 309–323.

- Kupper S.* Anglizismen in deutschen Werbeanzeigen: Eine empirische Studie zur stilistischen und ökonomischen Motivation von Anglizismen. – Frankfurt a. M., 2007. – 442 S.
- Lambsdorf Graf A.* Englisch muss unsere Verwaltungssprache werden. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article135390461/Englisch-muss-unsere-Verwaltungssprache-werden.html> (Дата обращения: 01.07.2019 г.)
- Lindenberg S.* Herausforderung Englisch als Unternehmenssprache. [Электронный ресурс]. – Mode of access: [https://www.dw.com/de/herausforderung-englisch-als-unternehmenssprache/a-1805008_\(Дата обращения: 01.07.2019 г.\)](https://www.dw.com/de/herausforderung-englisch-als-unternehmenssprache/a-1805008_(Дата обращения: 01.07.2019 г.))
- Lüdi G.* Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin; Boston, 2013. – S. 272–292.
- Memorandum zur Förderung des Deutschen als Wissenschaftssprache. [Электронный ресурс]. – Mode of access: https://www.daad.de/de/download/broschueren_netzwerk_deutsch/Memorandum_veroeffentlicht.pdf (Дата обращения: 22.09.2019 г.)
- Meyer H.J.* Global English – a new lingua franca or a new imperial culture? // Globalization and the future of German. – Berlin, 2004. – P. 65–83.
- Mihutiu D.* Dowgeloadet oder gedownloaded – Wie Verben aus dem Englischen eingedeutscht werden (aus «Grammatik in Fragen und Antworten») // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – N 1/2. – S. 49–50.
- Mittelstras Jü., Trabant Jü., Fröhlicher P.* Wissenschaftssprache – ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft. – Stuttgart, 2016. – 60 S.
- Munske H.H.* Was ist Sprachloyalität? // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – N 29. – S. 29–31.
- Müller M.* «Volkswagen» macht Englisch zur Konzernsprache. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/volkswagen-macht-englisch-zur-konzernsprache-a-1125940.html> (Дата обращения: 08.07.2019 г.)
- Phillipson R.* Linguistic imperialism. – Oxford, 1992. – 190 p.
- Polenz P. von.* Fremdwort und Lehnwort sprachgeschichtlich betrachtet // Muttersprache. – Wiesbaden, 1977. – S. 65–80.
- Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind *unsere* Ziele? // Die neue Hochschule. – Bonn, 2015. – H. 1 – S. 18–24.
- Schmitz H.-G.* Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht // Germanistische Studien. – Tbilissi, 2004. – S. 66–81.
- Spitzmüller J.* Metasprachdiskurse: Einstellungen zu Anglizismen und ihre wissenschaftliche Rezeption. – Berlin; N.Y., 2005. – 476 S.
- Steffens D.* Nicht nur Anglizismen... neue Wörter und Wendungen in unserem Wortschatz: IDS-Sprachforum, 21. Mai 2003 // Sprachreport. – Mannheim, 2003. – H. 2. – S. 2–9.
- Stickel G.* Memorandum: Politik für die deutsche Sprache // Sprachreport. – Mannheim, 2001. – H. 3. – S. 8–10.

Strobel Th., Hoberg R., Vogt E. Die Rolle der deutschen Sprache in der mittelständischen Wirtschaft: Eine Trendumfrage // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2009. – H. 6, Jg. 53, Nov.-Dez. – S. 173–186.

Thomas P. Wie fit sind die Deutschen in Englisch? [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.wiwo.de/erfolg/sprachkompetenzen-wie-fit-sind-die-deutschen-in-englisch/7300084.html> (Дата обращения – 22.09.2019 г.)

Troshina N. Betrieblicher Deutschunterricht in Russland // Die deutsche Sprache in Russland: Geschichte, Gegenwart, Zukunftsperspektiven. – München, 2011. – S. 225–233.

Umfrage. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://yougov.de/news/2013/08/09/umfrage-mehrheit-der-deutschen-für-englisch-als-zw/> (Дата обращения: 10.07.2019 г.)

Wahrig Fremdwörterlexikon. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.wissen.de/fremdwort/lightkultur> (Дата обращения: 12.06.2018 г.)

I.E. Коптелова

HUNGARIAN OR HUNGLISH?

Аннотация. Быстрое развитие политики, экономики, технологий привело к тому, что в глобализирующемся мире английский язык принимает на себя роль lingua franca. Английская лексика проникает практически во все языки мира, в том числе и венгерский язык, хотя в случае с ним есть ряд особенностей, что объясняется его принадлежностью к уральской языковой семье. В первую очередь автор дает определение англичизма. В статье рассматриваются этапы заимствований английской лексики венгерским языком, которое началось относительно недавно, в XVII в., и даются объяснения причин такой задержки. Сфера заимствований постепенно расширялась, а с изобретением сначала радио, а затем телевидения и Интернета процесс заимствования рос лавинообразно. Неоднократно в процесс заимствования вмешивалась политика, как внутренняя, так и внешняя. Далее в статье рассматриваются основные тенденции интеграции англичизмов в венгерский язык. Сначала исследуются адаптационные процессы в собственно заимствованиях. Эти процессы рассматриваются с различных сторон: в правописании, фонетике, морфологии и семантике. Затем разбираются и приводятся примеры заимствований в виде калек и полукалок. Поскольку характерной чертой венгерского языка является тенденция к образованию сложных слов, заимствование через калькирование является очень продуктивным. Главный вывод – заимствование должно быть обоснованным, нельзя из-за моды перегружать язык ненужными иностранными словами.

Ключевые слова: заимствования; англичизмы; венгерский язык; орфография и фонетика; морфология.

I.E. Koptelova

HUNGARIAN OR HUNGLISH?

Abstract. The recent rapid development of politics, economics, technologies have led to the English language assuming the role of lingua franca in a globalized world. English vocabulary penetrates almost all languages of the world, including the Hungarian language, although in its case there are a number of specific features, which can be explained by its belonging to the Uralic language family. But first the author gives a definition for an Anglicism. The article then discusses the stages of borrowing English vocabulary by the Hungarian language; it began relatively recently, in the 17th century, and the

causes for such a delay are outlined. The areas of borrowing gradually expanded, and with the invention of radio and then television and the Internet, the process of borrowing turned to be avalanche-like. Time and again, politics, both domestic and international, intervened in the process of borrowing. Further, the article discusses the main trends in the integration of English loan-words into the Hungarian language. First, the article investigates adaptation processes in loan-words. These processes are considered from various angles: spelling, phonetics, morphology and semantics. Then, the paper analyzes examples of calques and semi-calques. Since one of the characteristic features of the Hungarian language is the tendency to form compound words, borrowing via calques is very productive. The main conclusion is that borrowing should be justified, well-grounded; because of the fashion it is impossible to overload the language with unnecessary foreign words. To overload the language with loan-words because of a fashion is senseless and impractical.

Keywords: borrowings or loan-words; Anglicism; the Hungarian language; spelling and phonetics; morphology.

Быстрое развитие общества разных стран в наши дни вызывает значительные изменения в лексике современных языков. Главным источником происходящих изменений является английский язык, наибольшее влияние которого проявляется в деловом общении, средствах массовой информации, социальных сетях, спорте, молодежной культуре. В результате этого языки постоянно пополняются новыми словами и выражениями, которые моментально получают широкое распространение. Но проникновение английского языка в другие этим не ограничивается: заимствуется не только лексика, но и синтаксические конструкции, темп и организация речи, модели построения текстов и их иноязычные форматы (примером этого могут служить образцы интернет-сайтов, форматы изложения новостей, академические презентации). Однако в рамках данной работы основной акцент ставится на изучении тенденций в освоении новой заимствованной лексики.

Политические и экономические причины доминирования английского можно объяснить мощью англоязычных держав: сначала Великобритании, а затем США. Благодаря такому доминированию английский язык обладает высоким социальным престижем и значением, что подчеркивается использованием английского языка в рекламной коммуникации даже в тех странах, где он не является государственным. Информационные причины вытекают из использования английского языка как языка науки, Интернета, социальной коммуникации, международной морской и авиационной навигации и др., а также укрепляют статус английского языка в мире. Определенную роль играют и собственно лингвистические причины [Раренко, 2018, с. 42].

О проблемах заимствования лексики из английского языка как языка-источника (ЯИ) в другие языки-реципиенты (ЯР) писали многие исследователи. Они рассматривали самые разные языки-реципиенты, от русского [Емельянова, Норейко, 2018; Меркулова, 2015], романских [Назаренко, 2018; Назаренко, 2019], шведского [Широких, 2015] до китайского [Эрдниева, Анджаева, Лиджи-Горяева, 2016] и даже суахили [Семенкова, 2012].

Основных причин заимствования иностранной лексики может быть две: объективная (для нового понятия или предмета нет нужного обозначения в принимающем языке) и субъективная (новое слово обладает особой выразительностью, большей точностью или статусностью, по мнению говорящего, по сравнению с родным языком) [Емельянова, Норейко, 2018, с. 8].

Как и во всем мире, пополнение терминологических полей на основе собственной венгерской лексики не успевает за темпами технологического развития, новыми теориями и явлениями в области науки, экономики, бизнеса. Языку не хватает времени, чтобы дать наименование новому явлению или предмету, и он заимствует его название из другого языка, в настоящее время, как правило, из английского. Такие заимствованные слова постепенно интегрируются в язык, подвергаясь или не подвергаясь определенным изменениям. С течением времени они могут утрачивать свою «инострannость», полностью адаптируясь к нормам принимающего языка и более не воспринимаясь как заимствованные, но некоторые так и остаются чужеродными для глаза и слуха носителей языка. Ускорение темпов развития общества, науки, техники, экономики привело к тому, что венгерский язык достиг такой точки, когда не осталось сфер, где не было бы заимствований из английского языка. Применительно к Венгрии такие сферы включают в себя, в первую очередь, технологии и их применение, экономику и связанные с ней науки (управление, маркетинг, финансы), политику и политические институты (в том числе связанные с членством Венгрии в Евросоюзе), спорт, средства массовой информации и т.п. То есть те, которые наиболее тесно связаны с глобализацией.

При этом в английском языке существует большой слой заимствованных слов, имеющих французские (латинские) корни. После того как они претерпели фонетическую, морфологическую и семантическую ассимиляцию, многие из них стали международными словами, но уже как слова английского происхождения. Из-за многосторонней адаптации этих слов на «британской земле»,

даже во французском языке они считаются словами английского происхождения [Чайбок, 1999, с. 2].

В венгерском языке мы сталкиваемся с той же проблемой, что и в других языках, когда решаем, что считать англизмом. Англизм – слово или оборот речи в каком-либо языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [Ожегов, Шведова, 1997]. «Словарь европейских англизмов» определяет англизмы как слова, у которых должно быть что-то английское в их форме (исключая интернациональную лексику, придуманную на неолатино-греческой основе, например, «телефон»). Кроме того, слова должны быть достаточно хорошо известны широкой, образованной, читающей публике и встречаться в прессе, посвященной политике, экономике, науке, спорту, музыке или моде [A Dictionary of European Anglicisms., 2001].

Венгерские исследователи [Farkas, Kniezsa, 2002], учитывая, что английские заимствования в венгерском языке чрезвычайно различаются как морфологической формой и семантическим содержанием, так и принадлежностью к социально-стилистической сфере, предлагают четыре критерия, чтобы определить, какие именно слова относить к англизмам.

1. Происхождение: к англизмам относятся слова широкого диапазона этимологии, как английские (*know-how*), так и заимствования английских слов через другие языки (например, немецкий или французский) или созданные из иностранных элементов (в основном латинских и греческих), которые не существуют в такой форме в языке донора (например, *detektív, kombájn*).

2. Смена класса слова: английские имена собственные или названия бренда или компаний превращаются в имена нарицательные или даже глаголы и пишутся в венгерском языке со строчной буквы: *szendvics, xeroxozik*.

3. Дериваты и идиомы: к ним относятся полукальки, т.е. слова, имеющие в своем составе английский элемент слова (например, *hacker-támadás* ‘hacker attack’). К этой группе также относятся некоторые фразы или идиомы, которые использовались в венгерском языке (например, *goddam* «*God damn*») еще в XIX в.

4. Стиль: данный критерий основан на трех оппозициях, а именно частотность – окказиональность, общепринятый язык – профессиональный жаргон, заимствования – экзотизмы / варваризмы. В последнем случае противопоставляются заимствованные слова, которые полностью или в значительной мере интегрирова-

лись в венгерский язык (например, *gól, klub*), и те, что остались чужими, поскольку означают понятия чужой культуры (например, *lord, bushel*) [Farkas, Kniezsa, 2002, p. 279–280].

В данной работе англицизмами признаются заимствованные из английского языка слова и идиомы без учета этимологии слова-источника.

Целью исследования является обзор заимствований английской лексики венгерским языком. Предметом исследования является совокупность адаптационных изменений лексических единиц заимствований из английского языка, которые в настоящее время используются в венгерском языке. Источники исследования включают в себя словари венгерского языка, национальные корпусы языков, тексты различных СМИ, дискурс веб-форумов.

Лингвистические характеристики венгерского языка, который относится к уральским языкам, затрудняют процесс заимствования. Правила фонетики, морфологии, синтаксиса значительно отличаются от правил английского языка. С другой стороны, использование латинской графики помогает процессу адаптации новых, заимствованных, слов.

В ходе исторического развития на процесс заимствования венгерским языком слов из английского языка (англицизмов) оказывали влияние несколько факторов.

Первый из них – географический фактор, т.е. удаленность Венгрии от Великобритании, к которому в эпоху Просвещения добавился и политический, поскольку одна страна (Венгрия) представляла собой часть католической империи на востоке Европы, а вторая – протестантское государство на западе, выступающее со-перником империи Габсбургов. Два из первых пяти установленных заимствований XVII в. относятся к области политики: *parlament* <*parliament*, *puritan* <*Puritan*; остальные три – *druida* <*druid*, *jacht* <*yacht* и *flannel* – в независимости от их этимологии вошли в венгерский язык через английский.

В XVIII в. количество контактов возросло, но в этот период большую роль играл еще один фактор влияния на заимствования – наличие языка-посредника (венский диалект немецкого языка). Этот же фактор сохранялся и на протяжении XIX в., но к нему добавился французский как язык-посредник, так как после Великой французской революции стало модным нанимать французских гувернанток или гувернеров для детей в семью; вторая волна «моды на все французское» пришла с Наполеоновскими войнами. Во второй половине XVIII в. англицизмы проникают в государственные

учреждения, общественную жизнь, философию, науку, кулинарию, моду (например: *adventista* < *Adventist*; *detektív* < *detective*, *pingvin* < *penguin*; *dzsentri* < *gentry*).

Эпоха реформ (1820–1849) была периодом активного заимствования англизмов, причем процесс их адаптации в венгерском языке проходил быстро. Заимствовались термины: технические, финансовые, спортивные (бокс, скачки), например: *interjú* < *interview*; *infláció* < *inflation*; *tröszt* < *trust*; *futball* < *football*; *flörtöl* < *flirt*. В последующий период и до Первой мировой войны венгерское общество, во-первых, открыло для себя английскую культуру и, во-вторых, начался процесс миграции в Америку. Он начался после подавления революции 1848 г., когда некоторым участникам этих событий пришлось покинуть свою родину, и продолжился с переселением трудовых мигрантов, уезжавших с родины в поисках «лучшей доли», стремясь улучшить свое материальное положение.

Массовая эмиграция носителей венгерского языка в США началась в 1880-х годах, а к 1920-м годам в стране насчитывалось около 400 тыс. иммигрантов, имеющих венгерские корни.

Публикации в газетах и журналах статей политиков в эмиграции и письма на родину трудовых мигрантов добавляли новые слова-понятия в венгерский лексикон. Многие из них были варваризмами, которые сами были заимствованиями в языке колониальной Британской империи (*rádzsa* < *rajah*) или американском английском (*Mohikán* < *Mohican*). К 1920 г. было зафиксировано около 400 новых англизмов, которые встречались в языке большинства социальных групп. Соответственно, они регистрировались во все большем количестве сфер использования, таких как философия и религия, политика, промышленность, наука, медицина, образ жизни, одежда, мода, профессии, транспорт, развлечения, спорт (постепенно расширяясь: скачки, теннис, футбол, хоккей, например: *hendikep* < *handicap*). Вот некоторые примеры заимствований тех лет: *sztrájk* < *strike*; *sztár* < *star*; *dzsem* < *jam*; *dressz* < *dress*; *szmoking* < *smoking*; *tipp* < *tip*.

До Второй мировой войны слова чаще заимствовались из британского варианта английского языка, после Второй мировой войны – из американского (большей частью напрямую, но иногда через британский английский).

В период между двумя мировыми войнами венский диалект немецкого и французский языки перестали выступать в роли языков-посредников. Большинство новых слов напрямую заимствовалось из английского языка. Причиной стало распространение ра-

диовещания. Области заимствования остались прежними, но значительно увеличилось освоение экономических терминов.

Первая попытка после реформы венгерского языка (начало XIX в.) остановить или хотя бы замедлить процесс заимствования иноязычной лексики (не только англизмов) была предпринята в 1920–1930-х годах. С целью «очистить венгерский язык от иностранных терминов» были выпущены несколько словарей, но результаты оказались очень скромными. Лишь в области спортивной терминологии удалось и то частично заменить англизмы венгерскими терминами (*to serve* > *szervál* > *adogat* – подавать [*в теннисе*]), которые окончательно закрепились к 1950-м годам прошлого века [Csapó, 1971, р. 43. – Электронный ресурс].

Период после Второй мировой войны и до середины 1980-х ознаменовался изменением социальной и политической систем. Вместе с изменением политической системы изменилась и лексика. Приток английских слов продолжался, они были в основном интернациональными, но, вероятно, из-за политического влияния заимствовались они в том же значении, что и те же заимствования в русском языке: *aktuális* – актуальный, злободневный; *eszkaláció* – эскалация (например: *Irán: elkerülhető-e az eszkaláció?*). Примерно два десятилетия русский язык был единственным иностранным языком школьной программы, и лишь в 1960-е в школы вернулись другие европейские языки, изучавшиеся в основном как вторые. Области заимствования включали политику, экономику, науку, технологии, социологию и психологию, медицину, искусство, спорт, а к концу периода – музыку, развлечения и молодежную культуру, например: *szvetter* < *sweater*; *sorts* < *shorts*; *szupermarket* < *supermarket*; *detector* < *detector*; *szörfözik* < *surf*; *sznóbord* < *snowboard*; *szkinhed* < *skinhead*.

В 1980-х опять происходит резкое изменение политической, экономической и социальной жизни. Венгрия «открылась» на Запад: возросло количество прямых контактов, увеличился поток туристов в страну и из страны, были упрощены поездки к родственникам за границу, активизировались академические обмены, появились спутниковые телеканалы, видеокассеты, зарубежные рекламные ролики на венгерском телевидении, стали появляться первые совместные предприятия. В конце 1980-х – начале 1990-х страну «захлестнул» иностранный бизнес, причем во всех сферах: промышленность, сельское хозяйство, информационные технологии, банковские услуги, массовые коммуникации, сетевые магазины и т.д. Английский язык стал самым популярным иностранным

языком для изучения в школах. Можно говорить о вливающемся в страну потоке англицизмов, многие из которых довольно быстро ассимилируются в венгерском языке. Много англицизмов закрепляется в профессиональной лексике (например, *goodwill; outsourcing; esernyőalap < umbrella fund; kúszó árfolyam < floating exchange rate*), например: *A kiszervezés vagy outsourcing jogi szempontból azt jelenti, hogy a...*

Как уже упоминалось, до конца Первой мировой войны англицизмы чаще попадали в венгерский язык через письменные тексты, что объясняло относительно узкий круг пользователей (аристократия, интеллигенция, торговцы). С увеличением заимствования специальной терминологии она осваивалась соответствующим профессиональным сообществом, и некоторые термины, хотя и закрепились в венгерском языке, тем не менее не выходят за рамки узкой специализации. После Первой мировой войны с развитием средств массовой информации (сначала радиовещания, затем – телевещания и, наконец, электронных средств) и развитием общества и технологий, с одной стороны, продолжалось заимствование специальной терминологии, с другой стороны, значительно увеличилось количество нетерминологических англицизмов, особенно среди молодежи, где много жаргонных и сленговых заимствований.

Признаками освоения заимствований принято считать: 1) графемно-фонетическую передачу иноязычного слова средствами ЯР; 2) соотнесение его с грамматическими категориями; 3) семантическую самостоятельность слова, формирование определенного лексического значения; 4) регулярное употребление [Крысин, 2004, с. 50]. Последнее также подразумевает способность заимствованного слова образовывать дериваты на базе венгерского языка.

Иноязычные слова заимствуются путем калькирования или же путем заимствования иноязычного слова «в готовом виде».

Для венгерского языка характерны разнообразные способы принятия заимствованных слов, начиная от отсутствия изменений, незначительных изменений формы или значения и заканчивая сложными преобразованиями.

Произношение и орфография

Несмотря на использование языком-источником и языком-реципиентом латинской графики, т.е. букв латинского алфавита, фонемно-графемная передача заимствованного слова проходит в

несколько этапов. Сначала определяется фонемный состав заимствованного слова, затем необходимо найти фонемные соответствия в двух языка, и после этого записать полученное слово с помощью орфографии ЯР. Особенно на втором этапе возможны различные решения, поэтому одним из признаков освоения заимствования считается обретение им постоянного графического облика в письменной речи [Нечаева, 2018, с. 46].

При освоении заимствованных слов его фонетическая и фонематическая структуры претерпевают под влиянием языка-реципиента характерные для него изменения. Если слово взято из письменного источника, оно быстрее адаптируется, если слово заимствовано из устной речи, то сначала оно чаще принимается с английским произношением, которое затем постепенно подстраивается под произносительные нормы венгерского языка. Английские звуки заменяются близкими в произношении венгерскими. Отсутствующие в венгерском языке звуки передаются ближайшими по звучанию звуками, например: [θ] заменяется на [t], как в *Margaret Thatcher* [Θeſſer] > венг. [teſſer] [Farkas, 2002, р. 283]. Английский губной полугласный [w], как правило, заменяется на звонкий губно-зубной фрикативный звук [v], например *hardware* > *hardver*, *W(ater) C(loset)* > *vécé* [Gombos-Szíklainé, Sturcz, 2008, р. 90].

Как и в большинстве финно-угорских языков, в венгерском языке ударение падает на первый слог. Если ударение в английском заимствовании приходится не на начальный слог, то при его адаптации ударение меняет свое место согласно правилам венгерского языка: *re'porter* > *'ríporter*; *de'sign* > *'dizájn*; *dis'count* > *'diszkont*; *re'veolver* > *'revolver*; *pro'ducer* > *'producer*.

Как упоминалось, использование латинской графики облегчает процесс заимствования. Однако в венгерском языке буква передает один звук (диграфы используются для обозначения отдельных согласных звуков), в то время как в английском языке – разные звуки. В венгерском языке есть долгие и краткие гласные звуки (долгота передается графически), поэтому английские диграфы, используемые для передачи долгих гласных (например, *ea/ee*), в венгерском языке заменяются однобуквенным долгим гласным: *leasing* > *lízing*. В венгерском отсутствуют дифтонги, поэтому английские дифтонги заменяются, как правило, на близкий по качеству долгий гласный: *baby* > *bébi*; *laser* > *lézer*; иногда английский дифтонг трансформируется в ближайший по качеству венгерский гласный звук и полугласный [j], например: *nylon* > *nejlon*. Это приводит к появлению в словарях двух графических

вариантов слов, например: *surf / szörf; file / fájl; franchise / frencsáz*. [Gombos-Sziklainé, Sturcz, 2008, p. 89]. Возможен вариант, при котором английская орфография слова частично сохраняется (*aerobics* > *aerobik*), но при произнесении дифтонг переходит в долгий гласный [e:robik]. Слово *manager / menedzser* также встречается в двух вариантах написания.

При освоении заимствованного слова графическое написание некоторых согласных звуков также постепенно подстраивается под венгерскую орфографию: *leasing* > *lízing*; *franchise* > *frencsáz*; *nonsense* > *nonszensz*. Наличие долгих согласных в венгерском языке приводит к тому, что двойные согласные англицизмов сохраняются в венгерской орфографии.

Морфология

Поскольку к заимствованию прибегают, чтобы дать название материальным или нематериальным объектам, существительные среди заимствований составляют более 80%. Названия конкретных, материальных вещей заимствуются гораздо чаще, чем слова, означающие абстрактные понятия.

Заимствованные англицизмы принимают венгерские грамматические маркеры существительных – аффиксы категории числа и падежа: *club* > *klub* > *klub-ok* > *klub-ok-ban*.

Интересно, что некоторые слова, заимствованные через немецкий язык-посредник, закрепились в венгерском (и, кстати, в русском) в форме множественного числа, но в ЯР такая форма рассматривается как единственное число (*cake, cakes* > *kek* > *kek-ek; coke, cokes* > *kok* > *kok-ok*).

Так как в венгерском языке у существительного отсутствует грамматическая категория рода, т.е. в случае, если его надо все же обозначить (речь идет о людях), то к заимствованию, как к любому венгерскому слову в таких случаях, добавляется слово *-nő* (женщина), например: *riporternő*. Слова *szportsman* и *szportslédi* отражают гендерную разницу, существующую в английском языке. При этом следует обратить внимание, что слово *szportslédi* представляет собой псевдозаимствование, так как подобного слова не существует в английском языке (есть слово *sportswoman*).

Не зафиксированы заимствования местоимений. Заимствования среди прилагательных встречаются редко. Возможно, это объясняется тем, что прилагательные редко представляют новые

идеи. Примерами заимствований являются: *diszkrét, positív, kompatibilis, up-to-date, tipp-topp*. Некоторые заимствованные прилагательные используются только как часть составного именного склоняемого (*tipp-topp*), другие выступают как определения, но все качественные прилагательные образуют сравнительные и превосходные формы по правилам венгерского языка: *kompatibilis – kompatibilis-a/ebb – leg-kompatibilis-a/ebb; up-to-date – up-to-date-abb – leg-up-to-date-abb*. Причем второй пример – яркий образец конфликта графически неадаптированного слова и правил сингармонизма, присущего агглютинативным языкам [Minya, 2005. – Электронный ресурс]. Правила венгерского языка применяются при образовании прилагательных от заимствованных существительных с добавлением аффикса *-s*: *pizsamás (A csíkos pizsamás fiú)* или аффикса *-i* (при образовании прилагательных от имен собственных), например: *nemzetközi New York-i média; Közgazdasági értelemben a thatcheri politika velejét a monetarizmus jelentette*.

Практически нет заимствований среди собственно наречий. Сам венгерский язык образует наречия от заимствованных прилагательных при помощи словообразовательных морфем *-án/én* и *-ul/ül* (*diszkrétén, unfairül*) или с добавлением наречия *módon* (каким-либо образом): *tipp-topp módon*.

В спортивной лексике – волейболе и теннисе – встречается наречие *out* [Bánhidi, 1971, p. 163]. Наречие *fifti-fifti* используется атрибутивно: *A nemek aránya a brit X-ben fifti-fifti alapon oszlik meg* – Британская [группа] X-фактор по гендерному признаку делится пятьдесят на пятьдесят.

Заимствование глаголов подчиняется четкому правилу. Во-первых, заимствований непосредственно глаголов немного (*to trim, to feed, to bleed, to save, to babysit*); большинство «англизированных» глаголов в венгерском языке образованы от ранее заимствованных существительных (*hockey, loser, dance, Google, business, chat*). Но и те и другие обязательно добавляют глагольные аффиксы *-zik, -ik, -l*, например: *trimmel, fidol, blídal, szével, békítssel, hokizik, lúzerkedik, denszel, guglizik, bizniszel, csetel*.

Mészáros Lőrinc ásványvízzel bizniszel – Лёринц Месарош занимается торговыми операциями с минеральной водой.

«**Meggugliznád** nekem, hogy hogyan készül a savanyú bikalábszár?» – Не могла бы ты мне загуглить, как готовить маринованную говяжью голяшку?

В глаголах, которые попали в венгерский язык через немецкий как язык-посредник, встречается суффикс *-ír*: *fixiroz/fiksíroz*.

Порой глаголы образуются от заимствованных английских отглагольных существительных с суффиксом *-ing* (*training, shopping*) с добавлением аффиксов *-z*, *-l* (*tréningez, shoppingol*), так как сам английский глагол никогда не заимствовался. Аганс обра-зуется от венгерской формы глагола с добавлением аффикса *-ó/-ő*, который регулярно используется с этой целью с венгерскими сло-вами (*tréningező, shoppingoló, bokszoló*).

Последнее время существует и также активно используется группа аббревиатур, сохраняющая вид и форму языка-источника: *AIDS-beteg, HIV-fertőzés; GPS-berendezés; USP = unique selling position 'egyedi értékesítési pozíció'; ATL = above the line 'vonal feletti'; CPC = cost per click 'egy kattintás költsége az online marketingben'; ADN = Any Day Now 'most bármikor'*. Например: *Felhívtam az ict-t [ájszítí] – Я уже вызвал ай-тишника (ITC – information and communications technology, т.е. сотрудника соответствующего отдела)*.

Суть калькирования как способа пополнения лексического состава языка какой-либо области знания – использование средств языка-реципиента при переводе терминов и, таким образом, создание в нем нового термина. Заимствованные путем калькирования термины-кальки (от. франц. *calque* ‘копия, подражание’) сохраня-ют мотивированность значения.

В зависимости от того, структура какого языкового элемента копируется, кальки делятся на словообразовательные, фразеологи-ческие и семантические.

При словообразовательном калькировании воспроизводится морфологическая структура слова: *hétvége = hét + vége* < *weekend* – конец недели, выходные; *felhőkarcoló = felhő + karcoló* < *skyscraper* – небоскреб (досл. туческреб); *középcsatár = közép + csatár* < *centre-forward* – центрофорвард, центральный нападающий (в футболе); *értékcsökkenés = érték+csökkenés* < *depreciation* – снижение стоимо-сти, амортизация.

Фразеологические кальки – это пословный перевод фразео-логизма или сложного слова: *fogyaszói elkötelezettség* < *consumer engagement* – активная позиция потребителей; «*dobozon kívüli gondolkodás* < *think outside the box* – нестандартно мыслить; *pénzt csinál* < *make money* – делать деньги.

Часто встречаются полукальки – заимствования, наполовину прямые, наполовину перевод (слово или выражения). Из англий-ского языка заимствуется словосочетание, которое при освоении его венгерским языком превращается в сложное слово, один корень которого остается английским, а второй заменяется венгер-

ским словом: *hacker-támadás* <*hacker attack* – атака хакеров, *non-stop-nonsleep patika* <*non-stop-nonsleep pharmacy* – круглосуточная аптека, *online piactér* <*online market square* – торговая интернет-площадка, *egérpad* <*mouse pad* – коврик для мышки (компьютерной); *spamforgalom* <*spam movement* – спам-трафик. Как правило, орфография англоязычного элемента адаптируется к нормам венгерского правописания: *kibertámadás* <*cyber attack* – кибератака, *lízingcég* <*leasing company* – лизинговая компания и *szoftveripar* <*software industry* – предприятия промышленности программной продукции [Országh, 1977].

Иногда результат такого творчества получается своеобразным. Так, например, слово *baconszalonna* (*bacon*+*szalonna*) означает постную копченую грудинку, при этом слово *szalonna* по-венгерски означает «копченая грудинка, бекон», т.е. получается *bacon bacon* «бекон бекон». Слово *boxeralsó* (*boxer*+*alsó*) означает *boxer shorts*, т.е. трусы-боксерки, семейные трусы. Первый корень – английское заимствование, а второй корень – *alsó* – часть венгерского слова *alsónadrág* – трусы, которое само является сложным словом (*alsó*+*nadrág* – досл. нижние брюки / штаны).

Семантика

В заимствованиях обычно сохраняется первоначальное значение слова или значение сужается.

При заимствовании моносемичных слов (состоящих из одного или нескольких слогов) их значение в венгерском языке, как правило, сохраняется. К таким словам относятся, в первую очередь, термины (*agnosztik*, *profitmaximalizálás*), но также и разговорные слова, такие как *sznob*, *szolárium*, *trend*.

В случае полисемичных слов заимствуется одно значение: *boy* – ‘*messenger*’ – посыльный, *gól* – ‘*goal in football*’ – гол в футболе, *lift* – ‘*elevator*’ – подъемник.

В венгерском языке иногда существуют два слова – венгерское и англицизм, но обозначают они при этом немного разные понятия за счет либо сужения значения заимствования, либо за счет его расширения. Так, для слова «звезда» (звезда на небе) венгр использует имеющее древние финно-угорские корни слово *csillag*, а вот для обозначения известного музыкального или иного исполнителя – *sztár*, которое было заимствовано еще в конце XIX в. Какое слово употребить, когда вы говорите о «коллекции», зависит от ее

характера: если мы говорим о модной одежде, то скажем *téli divatkollekció* (зимняя модная коллекция), а если речь о хобби-коллекционировании, то, например, *bélyeggyűjtemény* (коллекция марок). Английское заимствование *media* употребляется, когда говорят обо всех средствах массовой информации, а слово *sajtó* (пресса) – исконно угорское слово – обозначает только печатные СМИ.

Примером расширения значения может служить английское слово *shawl*, обозначающее «шаль, большой платок», которое в венгерском языке превратилось в *sál* и означает любой шарф.

Как упоминалось, обычно слово заимствуется с одним значением, но, например, слово *szerviz* имеет два значения. Это объясняется историей его заимствования. Слово латинского происхождения первый раз попало в венгерский язык из французского через немецкий язык-посредник еще в середине XVIII в. со значением «сервис, набор посуды». В конце 1940-х слово *szerviz* было повторно заимствовано, но теперь из английского языка (который сам его когда-то заимствовал из французского) со значением «мастерская ремонта, автомастерская» и дало производное слово *szervizelés* – техническое обслуживание. В случае первого заимствования в венгерском языке, согласно общим правилам, образовался глагол *szervíroz* – сервировать стол, подавать (на стол), а вот для глагола со значением «обслуживать» используется глагол *szolgál*, позаимствованный у соседей-славян еще в XI–XII вв., а существительное *szolgálat* означает «обслуживание».

Венгерский язык старается предложить свои слова для названия тех или иных предметов и явлений [Minya, 2011]. Иногда параллельно в языке существуют два слова, например: *képernyő* – *screen* – экран; *xerox* – *fénymásoló* – копировальный аппарат; *computer* – *számítógép* – компьютер; *up-to-date* – *korszerű* – современный; *számítógép* – *computer* – компьютер; *világháló* – *internet* – Интернет.

Некоторые венгерские слова не смогли заменить собой англицизмы и были ими вытеснены, например: *marketing* > *piacelemzés* – маркетинг; *goodwill* > *vevőkör* – нематериальные элементы фирмы; *brainstorming* > *agyvihar* – мозговой штурм; *mountain bike* > *hegyi bringa* – горный велосипед. Постепенно сдают свои позиции такие слова, как *képernyő* – *monitor* – дисплей (компьютера), *világháló* – *internet* – интернет.

Безусловно, наиболее готовая к принятию и ассимиляции англицизмов социальная группа – молодежь, наименее – сельские пенсионеры. У молодежи сформировался определенный сленг, в

котором англицизмы играют важную роль. Они активно используют их для новых словообразований, например: *bébisinter* – уничижительное наименование «нянька», явно отсылающее к английскому заимствованию *bébisitter*, но с заменой второго английского корня на венгерское слово *sinter* – *живодер*.

Следует отметить, что многие венгры не приветствуют бездумного заполнения языка англицизмами. Появилось даже жаргонное словечко *jajdeangol* («нуэтожеанглийский»), которое используют по отношению к говорящему, вставляющему в свою речь к месту и не к месту англицизмы.

Из изложенного выше следует сделать вывод, что заимствования позволяют передавать новую информацию более точно, обеспечивать передаваемым смыслам современное звучание. Главным выводом проведенного обзора является понимание того, что процесс заимствования и освоения новой лексики следует оценивать позитивно. Важно, чтобы заимствование было оправданным, т.е. сообщало новую информацию, передавало особый смысловой или стилистический оттенок. Однако мода на чрезмерное употребление англицизмов в молодежном сленге должна остаться всего лишь модой, которая когда-нибудь обязательно изменится.

Развитие цивилизации и глобализация диктуют свои правила: новые товары, технологии, средства связи, изменение образа жизни людей – все это вызывает появление новых слов и переход их из одного языка в другой. В современной «глобальной деревне» заимствования неизбежны, но нельзя забывать, что, по словам К.Д. Ушинского, пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. Предпочтительней использовать родное слово – русское, венгерское, немецкое или китайское – для названия предмета или явления, чем заимствованное. Хочется надеяться, что засилье англицизмов в настоящее время – явление временное: нужные заимствования останутся, а шелуха отпадет.

Список литературы

- Емельянова Н.А., Норейко Л.Н. Англицизмы в современном русском языке // *Studia Russica*. – Будапешт, 2018. – С. XXVI, 7–14.
- Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. – М., 2004. – 884 с.
- Меркулова Э.Н. «“Ай спик фром май харт”, или А был ли Runqlish?» // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – № 3 (53). – С. 42–49.

- Назаренко А.И.* Добро пожаловать в «Итанглию»! // *Назаренко А.И.* New World. New Language. New Thinking: Сб. материалов конференции. – М., 2018. – С. 359–367.
- Назаренко А.И.* Язык аргентинских СМИ: Англицизмы явные и скрытые // *Назаренко А.И.* New World. New Language. New Thinking: Сб. материалов конференции. – М., 2019. – С. 560–568.
- Нечаева И.В.* Новые иноязычные заимствования в русском языке и их письменное освоение // *Studia Russica*. – Будапешт, 2018. – С. XXVI, 45–50.
- Раренко М.Б.* Глобальный язык: Язык примирения или язык порабощения? // Человек: образ и сущность. – М., 2018. – № 1/2 (32/33). – С. 31–47.
- Семенкова Л.А.* Способы образования неологизмов в языке сухили (на базе английской лексики) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – М., 2012. – № 2. – С. 89–93.
- Чайбок Ильдико.* Английские заимствования в русском и венгерском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.1999. – М., 1999. – 209 с.
- Широких В.М.* Место английских заимствований в шведском языке // Вестник педагогического опыта. – Глазов, 2015. – № 35. – С. 22–23.
- Эрдниева Е.А., Анджасаева О.А., Лиджи-Горяева М.С.* Английские заимствования в китайском языке // Филологический аспект. – Н. Новгород, 2016. – № 11. – С. 91–96.
- Bakos Ferenc.* Idegen szavak és kifejezések kézszótára. – Budapest, 1994. – 849 p.
- Bánhidi Zoltán.* A magyar sportnyelv története és jelene. – Budapest, 1971. – 324 p.
- Csapó József.* English Sporting Terminology in Hungarian: a Study of the Processes of Assimilation and Rejection. Angol Filológiai Tanulmányok // Hungarian Studies in English. – Debrecen, 1971. – Vol. 5. – P. 5–50. [Электронный ресурс]. – Mode of access: URL: <https://www.jstor.org/stable/41273669> (Дата обращения: 19.05.2019 г.)
- Farkas J., Kniezsa V.* Hungarian in English in Europe // English in Europe / Manfred Görlach (ed.). – Oxford, 2002. – P. 277–289.
- Gombos-Sziklainé Zs., Sturcz Z.* Hungarian: Trends and Determinants of English Borrowing in a Market Economy Newcomer // Globally Speaking. Motives for Adopting English Vocabulary in Other languages / J. Rosenhouse, Rotem Kowner (ed.). – Clevedon, 2008. – P. 82–97.
- Kontra M.* Hasznos nyelvészeti // Magyar Nyelv-105. – Budapest, 2009. – P. 78–85.
- Minya K.* Rendszerváltás-normaváltás. A Magyar nyelvművelés története, elvei és vitái 1989-től napjainkig. Segédkönyvek a nyelvészeti tanulmányozásához XLV. – Budapest, 2005. [Электронный ресурс]. – Mode of access: http://www.e-nyelv.hu/enyelv/php?page=publication_elem.php~id=19 (Дата обращения: 04.06.2019 г.)
- Minya K.* Változó szókincsünk. A neologizmusok több szempontú vizsgálata. Segédkönyvek a nyelvészeti tanulmányozásához 118. – Budapest, 2011. – 155 p.
- Országh L.* Angol eredetű elemek a magyar szókészletben. Nyelvtudományi Értekezések 93. – Budapest, 1977. – 176 p.

Источники

- Национальный корпус венгерского языка.* [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://mnsz.nytud.hu> (Дата обращения: 04.06.2019 г.)
- Национальный корпус русского языка.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 04.06.2019 г.)
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (Дата обращения: 19.05.2019 г.)
- Языковые контакты:* Краткий словарь / отв. ред. Панькин В.М., Филиппов А.В. – М., 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://language_contacts.academic.ru/ (Дата обращения: 19.05.2019 г.)
- A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages* / Görlach M. (ed.). – Oxford, 2001. – 378 p.
- Etimológiai szótár.* Magyar szavak és toldalékok eredete / Zaicz G. (ed.). – Budapest, 2006. – 867 p.
- HOGY'MONDÓM – online szlengszótár.* [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://hogymondom.hu/idorendben.php?pdt> (Дата обращения: 19.05.2019 г.)
- Löbl Krisztina.* Újabb Angol Jövevényszavak a Magyarban. – Budapest, 2003. – 120 p.
- Magyar-orosz szótár* / Gáldi L., Uszonyi P. (eds.). – Budapest, 2000. – 947 p.
- Minya K.* Új szavak I. Nyelvünk 1250 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal. Az ékesszólás kiskönyvtára sorozat. – Budapest, 2007. – 179 p.
- Minya K.* Új szavak II. Nyelvünk 800 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal. Az ékesszólás kiskönyvtára sorozat. 32. – Budapest, 2014. – 141 p.

Е.В. Коренева
АНГЛИЦИЗМЫ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы бытования английских заимствований в языке испанской прессы, в частности в газетах «*El País*», «*El Mundo*», *ABC*, а также популярных спортивных изданий «*Marca*» и «*As*». Большая часть представленных лексических единиц относится к сфере новых технологий и спорта. Рассматриваются степени ассимиляции англизмов и их возможные испанские эквиваленты. Также проанализированы особенности использования английских заимствований в авторской колонке «*Opinión*» Артуро Переса-Реверте, журналиста, писателя и члена Королевской испанской Академии языка.

Ключевые слова: испанский язык; заимствование; англизм; публицистический стиль.

E.V. Koreneva
ENGLISH LOAN WORDS IN THE CONTEMPORARY SPANISH PRESS

Abstract. The article focuses on everyday loan words in the Spanish press, particularly in the newspapers «*El País*», «*El Mundo*», *ABC*, as well as popular sports editions «*Marca*» and «*As*». The largest part of the borrowed lexical units refers to the area of new technology and sports. The degree of assimilation of the English loan words and their possible equivalents are considered. Another point of analysis is particular features of the English loan words in the «*Opinión*» column of Arturo Pérez-Reverte, the journalist, writer and member of the Royal Spanish Academy of Language.

Keywords: the Spanish language; English loan words; journalistic style.

Англизмами принято называть английские слова, которые используются в разных сферах испанского языка, в частности в языке средств массовой информации. В настоящее время количество таких слов, ассимилированных и неассимилированных, по-

стоянно растет. Достаточно распространены тексты, в которых соседствуют английские и испанские слова.

Английский язык стал в настоящее время для миллионов испаноговорящих вторым или третьим языком. Испания и Латинская Америка испытывают большое влияние англосаксонского мира: англизмы входят в испанский язык через культуру, моду, обычай, технологии, экономику и т.д. В настоящее время большая часть заимствований, которые включаются в испанский язык, происходит из американского английского. Активное заимствование и взаимообогащение языков является естественным процессом, в котором СМИ и пресса играют важную роль. В настоящее время отмечается много английских слов, которые появились в языке в последние 10–15 лет, но не были включены в словари испанского языка.

По мнению пурристов, присутствие иностранных слов в определенном языке нарушает его «чистоту», т.е., анализируя пополнение испанского языка англизмами или любыми другими заимствованиями, нужно задуматься о будущем языка, о языковой идентичности. Поэтому функционирование английских слов в испанском языке постоянно находится в сфере внимания Королевской испанской академии (Real Academia Española).

Королевская испанская академия языка с момента своего основания в 1713 г. и до сих пор принимает решение об интеграции слов из иностранных языков и адаптации их графики и морфологии к нормам испанского языка, о фиксации заимствований в словарях испанского языка. Основным критерием принятия иностранного слова всегда считалась степень необходимости его включения в испанский язык. Академия допускает только высокочастотные в употреблении иностранные слова, которые не имеют эквивалента в испанском языке (или же самого понятия) и не могут быть выражены никаким существующим в испанском языке словом. Кроме того, академия установила ряд правил написания иностранных слов, уже зафиксированных в Словаре академии. Так, в современных испанских газетных текстах можно встретить слова *printer, rating, coffee break, self service, mall, showroom, sale*:

Los empresarios y las agencias de **rating** temen que la falta de acuerdo para la investidura frene las reformas estructurales. La incertidumbre redujo a cero las salidas a Bolsa hasta junio (El Mundo, M. Hernández, 02.07.2019).

Королевская испанская академия языка рекомендует, чтобы предпочтительно использовались испанские эквиваленты иностранных слов. В частности, вместо ранее указанных слов можно

использовать следующие испанские термины: *impresora (printer)*, *valoración (rating)*, *pausa de café (coffee break)*, *autoservicio (self service)*, *centro comercial (mall)*, *sala de exposiciones (showroom)*, *rebajas (sale)*. Если это необходимо, можно использовать оба термина (английский и испанский) или же выделить английское слово курсивом. Разумеется, что в газетных текстах невозможно избежать употребления англицизмов, которые всегда воспринимаются как нечто новое и модное.

По правилам, установленным Королевской академией для оформления газетных текстов, курсивом пишутся те заимствованные слова, которые используются в испанском языке в своей первоначальной форме (так, как были заимствованы), без адаптации к звуковым и грамматическим нормам испанского языка (например, слово *show*). Те же слова, которые уже адаптировались полностью или частично к нормам испанского языка, стали «своими» для большинства говорящих, пишутся обычным шрифтом (например, слово *fútbol*).

Итак, если английское слово не переводится, не используется калька, то Королевской академии требует выделить его курсивом (*letra itálica*) в газетном тексте. Де-факто же английские слова в газетах либо выделяются курсивом, либо пишутся в кавычках или же пишутся обычными строчными буквами без какой-либо дифференциации с другими словами текста. Этот третий способ можно увидеть также в случае, когда англицизм встречается несколько раз в одном и том же тексте. В первый раз он написан курсивом или в кавычках, а во второй или в третий раз он появляется без какой-либо маркировки, потому что автор текста предполагает, что читатель уже знает этот термин.

Для рассмотрения в рамках данной статьи были выбраны газетные тексты (в их электронной версии) с 2009 по июнь 2019 г. из самых читаемых газет Испании, которые знает большинство людей в испаноязычном мире, – *«El País»*, *«El Mundo»*, *ABC*, а также популярные спортивные издания – *«Marca»* и *«As»*. Найденные в этих текстах заимствования из английского языка позволяют, думается, уточнить значение термина «англицизм» применительно к современному испанскому языку, с учетом позиции Королевской академии, представить наиболее частотные сферы употребления англицизмов в испанских газетах. На примере этих лексических единиц можно рассмотреть различные модели и степени ассимиляции английских слов в языке-преемнике и проанализировать

орфографические трансформации англицизмов, их варианты, существующие в современном испанском языке.

Известно, что каждое заимствованное слово обычно проходит три этапа, чтобы полностью интегрироваться в новый язык. На первом этапе слово не изменяется, оно лишь «цитируется». На втором этапе заимствование подвергается четырем видам ассимиляции: фонетической и графической ассимиляции, морфологической ассимиляции и семантической ассимиляции. В данной статье не рассматриваются заимствования из английского языка, которые появились в испанском ранее 1950-х годов и уже хорошо ассимилировались (например, *bar*, *fútbol*).

По мнению испанских лингвистов (Ласаро Карретера, Медины Лопеса и др.) [Lazaro Carreter, 2003; Medina López, 2004], что подтверждается и нашими исследованиями, наибольшее число англицизмов в современном испанском газетном дискурсе принадлежит двум областям – сфере высоких технологий и спорту. Мы рассмотрели также англицизмы из социальной жизни и культуры, которые присутствуют в особом жанре журналистики – авторской колонке, на примере колонки известного журналиста, писателя и академика Артуро Переса-Реверте.

Что касается технических терминов английского языка, то их появление связано прежде всего с крупными достижениями в этой области Соединенных Штатов Америки. В этой стране были изобретены первый компьютер и сеть Интернет, поэтому логично, что большинство связанных с этой областью терминов происходит из американского английского. Новые заимствования появляются сначала в специализированных журналах, а затем и в прессе. По данным Медины Лопеса [Medina López, 2004, р. 9], английский язык проникает в испанский мир и через крупные рекламные кампании. Таким образом, англицизмы из мира высоких технологий очень быстро вошли в лексикон и неспециалистов, и испанцы привыкли их использовать. В качестве примера можно привести следующие термины: *login*, *checking*, *file*, *chip*, *fax*, *Windows*, *Word* и т.д.

Новые (английские) слова, попадая в испанское языковое окружение, по-разному приспосабливаются к этим условиям. Неассимилированные англицизмы (*anglicismos crudos*, или *xenismos*, по испанской терминологии) – слова, которые сохраняют свою фонетическую и грамматическую форму, не изменяются в соответствии с правилами испанского языка, они как бы цитируются. На втором этапе ассимиляции новое слово переходит от варваризма (*extranjerismo* – иностранного слова) к заимствованию (*préstamo*),

хотя многие носители языка-рецептора пока еще его не воспринимают как свое. По словам Гомеса Капуза [Gómez Capuz, 2010, p. 15], второй этап является самым важным. Англицизм подвергается различным видам адаптации, чтобы быть удобным для принимающего языка, путем фонетической, орфографической, семантической и морфологической ассилияции.

Для испанского языка характерны более регулируемые отношения между фонетикой и орфографией. Поэтому все англицизмы с этой точки зрения можно разбить на три группы: неассимилированные слова, частично ассилированные слова и полностью ассилированные слова. Новые комбинации звуков, которые пришли из английского в испанский, требуют отражения в написании. Испаноговорящие или имитируют английский звук, или не произносят его, т.е. произносят слово на испанский манер.

Испанский язык является более полнозвучным (стремится к полнозвучию) по сравнению с английским, поэтому при заимствовании англицизма добавляется начальное *e*- (*standard* > *estándar*, *scanner* > *escáner*) и конечное *-e* к существительным, оканчивающимся на согласный (*film* > *filme*).

Графическая ассилияция подстраивается под фонетические нормы, так как в испанском языке практически нет разницы между написанием и произношением, в отличие от английского. В английском достаточно много двойных согласных, которые в испанском упрощаются: *-nn-* (*tennis* > *tenis*, *scanner* > *escáner*), *-ll-* (*dollar* > *dólar*), Конечные *-x*, *-t* и *-p* сохраняются (*fax*, *jet*, *set*, *videoclip*).

При этом новые термины, которые появляются и активно используются, имеют много различных вариантов написания. Ведь большинство терминов, связанных с цифровой коммуникацией (*twitter*, *WhatsApp*), нуждается в адаптации к испанским нормам. Неоправданное «нагромождение» англицизмов в авторских журналистских текстах может привести к комическому эффекту, например: *Vasos para bebedores de whisky, un cascanueces para recuperar los frutos secos enteros, tiritas para fans del bacon y calcomanías para renovar la cocina en el revuelto de trastos de mayo* (M. Escudero «Revuelto de trastos». *El comidista. El País*. 05.03.2016).

Кроме того, социальные сети полны языковых (речевых и грамматических) ошибок, способных вызвать раздражение у людей, заботящихся о красоте и правильности национального языка. Чтобы избежать массового повторения и распространения неправильных форм, испанские лингвисты работают в нескольких на-

правлениях. Во-первых, некоторые термины цифрового общения уже вошли в 23-е издание Толкового словаря испанского языка [Real Academia Española. Diccionario... – Электронный ресурс]. Но, конечно, академический словарь не может успеть отразить все новые формы, появляющиеся в сетевой коммуникации. Ежедневную работу в сети Интернет ведет Fundéu (La Fundación del español urgente), где эксперты отвечают онлайн на вопросы пользователей по поводу правильного употребления новых слов и форм, стараются разрешить все сомнения, дают авторитетный комментарий. Газеты, в частности их электронный формат, являются проводниками нормативного написания и верного употребления заимствований. Ответом на многие вопросы может служить и представленная академией новая книга по стилю испанского языка («Libro de estilo de la lengua española») – лингвистическое руководство, которое ориентировано в первую очередь на цифровую коммуникацию и переписку в Интернете [Real Academia Española.., 2018. – Электронный ресурс].

Так, часто встречающийся в прессе термин *WhatsApp* до недавнего времени имел много вариантов написания в испанском языке (*whatsapp*, *wasap*, *guasap*). Fundéu предложил *wasap* в качестве испанализированного названия, объяснил значение существительного *wasap* («бесплатное сообщение, отправленное приложением обмена мгновенными сообщениями WhatsApp»), а также его производного (уже по моделям испанского языка) глагола *wasapear* («обмениваться сообщениями в WhatsApp»), и заявил, что эти формы являются подходящими адаптациями, соответствующими критериям испанской орфографии. Также традиционно в испанском языке для передачи буквосочетания *wh*- использовалось сочетание *gu-* (*whisky* – *guísqui*), поэтому также могут быть допустимы варианты *guasap*, множественные *guasaps* и инфинитив *guasapear*. Однако при этом, возможно, нарушаются правила бренда (марки), ведь название должно быть узнаваемо. То же происходит и с приложением *Twitter*, для обозначения которого в испаноязычных сетях появились формы *tuit*, *tuitero (-ra)*, *tuitear* и *retuitear*: *Un miembro de la ANC publica un tuit burlándose del comandante muerto en Murcia* (ABC, 27.07.2019).

В Руководстве по стилю даны и грамматические формы спряжения глаголов (*retuitear*), рекомендуемые формы множественного числа (*tuits*, *wasaps*), сочетаемость (*escribir un tuit* – написать в Твиттере). В настоящее время слово *tuit* и его производные уже включены в 23-е издание Академического словаря.

Другой случай английского технического термина, который активно осваивается испанским языком, – слово *puzzle* (пазл). Эта лексема вызывает трудности в написании у испаноговорящих, она не зафиксирована в Академическом словаре, испанский синоним этого слова – *rompecabezas* (головоломка). В газетах же этот англизм используется чаще в метафорическом значении, например, *puzzle poselectoral* (послевыборный пазл = расклад политических сил после выборов): «*Pasaron las elecciones y una primera conclusión tras la resolución del puzzle poselectoral es que el adoquín de la Plaza Mayor no sólo resulta bastante quebradizo sino que es muy resbaladizo*» («*El Mundo, Internacional*», 12.05.19); «*Se abre un complicado puzzle postelectoral*» («*ABC*», 11.06.2011).

Говоря об орфографии, можно добавить, что некоторые англизмы сохраняют дефис (например, *e-mail*) и употребляются наряду с испанским синонимом (*correo electrónico* – электронная почта). Ряд терминов сохраняют написание с заглавной буквы, без обязательного для газетных статей курсива при оформлении заимствований (Internet, Twitter).

Как можно заметить, англизмы, относящиеся к сфере высоких технологий, успешно ассимилируются не только фонетически, но и на других уровнях испанского языка. Очень важным этапом является морфологическая ассимиляция, т.е. приспособление английских слов к грамматическим категориям испанского языка. В испанском языке, как известно, два рода существительных, мужской и женский, большинство англизмов, обозначающих неодушевленные предметы, «приписываются» к мужскому роду. Во многих случаях у таких слов уже есть аналоги в испанском языке, в основном это слова мужского рода (*el póster – el cartel, el spot – el anuncio*). Иногда мужской род приписывается и тем англизмам, синонимы которых в испанском языке – женского рода (*el film – la película, el pin – la insignia, chapa*). По данным Гомеса Капуза [Gómez Capuz, 2009, p. 313], только 13% англизмов – слова женского рода в испанском языке. Что же касается адаптации англизмов по категории числа, то нужно заметить, что в испанском языке множественное число существительных обычно образуется с помощью добавления конечного *-s*, если слово заканчивается на гласный, и *-es*, если слово оканчивается на согласный. Под эти правила подстраиваются и заимствованные слова, хотя какое-то время существуют параллельные (дублетные) формы (*estándares / estàndars, filmes / films, eslóganes / eslògans*). В менее адаптированных словах добавляется *-s* (*fans, pins, clips*,

*hits, pósters) либо дело ограничивается постановкой артикля множественного числа (*los test, los compact disc / los discos compactos*).*

Третий этап ассимиляции происходит, когда иностранное слово полностью адаптируется ко всем нормам принимающего языка, начинается формирование производных, например формирование от английских слов с помощью испанских префиксов и по моделям испанского языка (*estandarizar* > *standard*). Высокую степень адаптации показывают глаголы из английского языка, которые образуют производные в испанском языке с типичным суффиксом I спряжения *-ar*, типа *cliquear* (в русском языке – «клика́ть») наряду с глагольным выражением *hacer clic* («делать клик»). От английского *chat* был образован испанский глагол *chatear* I спряжения, который стал употребляться не только в разговорной речи, но и на страницах газет. Не так давно он стал частью рекламного слогана в рамках кампании по безопасности дорожного движения. И в газетах, и на дорожных плакатах появился лозунг: «*Si bebes, no conduzas!*» («Если выпил – не садись за руль!»), а недавно придумали его продолжение: «*Si conduces, no chatees!*» («А если ведешь машину – не пиши в чат!»).

Иногда в авторских статьях англизмы буквально «нагромождаются» друг на друга, причем без обязательно требуемого в таких случаях выделения курсивом. Молодые журналисты пытаются таким образом привлечь внимание, сделать свои статьи более современными и «модными» и получить больше комментариев и откликов, как, например, в следующем фрагменте: «*Hacerse bien un selfie es todo un arte, y de hecho, saber posar seduciendo a la cámara ha ayudado a la popularidad de algunas celebrities de instagram*» («*Cómo tomar el selfie* perfecto. Me paso el dia comprando. *El País*, 26.03.2019).

Конечно, существуют специальные термины, рожденные новыми технологиями, которые невозможно перевести, они стали общеупотребительными, и нет другого выбора, кроме как использовать их. Но необходимо преодолеть распространение в публицистической речи и в коммуникативной цифровой среде несовершенного сленга, запутанного сочетания технического английского и испанского языков. Верно и то, что во многих случаях официально закрепленные формы отстают от потребностей пользователей. Но позиция авторитетных испанских изданий заключается в том, чтобы, будучи уже установленными, эти формы воспринимались как единственно правильные.

Второй наиболее частотной по употреблению англизмов в газетных текстах является сфера спорта. Эта область заимствований из английского является традиционной, так как многие слова перешли в испанский язык еще в XIX – начале XX в. Так, известный испанский лингвист Фернандо Ласаро Карретер отмечает, что «особенно много заимствований из английского можно встретить в спортивной прессе и в статьях, посвященных миру спорта» [Lazaro Carreter, 2003]. Спортивный язык в целом (и не только испанский) характеризуется большим количеством англизмов (например, *derbi*, *fan*, *gol*, *penalti*, *water polo*). Несмотря на продолжающуюся борьбу Королевской академии против волны английских, как язык, так и спорт быстро развиваются, а спортивная журналистика очень экспрессивна, и зачастую намерение лингвистов «очистить» язык заканчивается безуспешно. Таким образом, этот представительный орган испанского языка был вынужден разрешить употребление определенных спортивных англизмов, которые имеют одинаковую форму в испанском и английском языках или же очень похожи в фонетике и написании в английском и испанском (*goal*>*gol*, *baseball*>*béisbol*, *slalom*>*eslalom*).

Чтобы ограничить мощное проникновение английских слов в язык спорта, лингвисты рекомендуют искать испанские слова, заменяющие иностранные. Чтобы найти наиболее подходящие испанские слова, необходимо четко определить понятия, а затем предложить лексические единицы, которые бы наиболее адекватно их выражали. После того как слово найдено или создано, оно при помощи журналистов может распространяться в языке. При этом англизмы не воспринимаются как нечто негативное, поскольку они представляют собой способ расширения спортивного лексикона, они всегда воспринимаются как нечто модное и современное.

Возможно, распространение английских спортивных терминов связано еще и с тем, что тренеры, журналисты и сами спортсмены, которые отвечают за передачу спортивной информации, считают более престижным таким образом пополнять свой словарный запас и демонстрировать свой опыт и знания в этой теме. Любители спорта и болельщики, конечно, сразу же начинают его копировать и включать в свою речь, хотя во многих случаях они не знают правильного значения того или иного термина.

Критерии для классификации англизмов в языке спорта были предложены лингвистами Крисом Праттом [Pratt, 1980] и Эмилио Лоренсо [Lorenzo, 1996], которые в своей методологии отталкиваются от степени ассимиляции (*anglicismos crudos* или

asimilados) заимствований, с одной стороны, а с другой – делят их на односложные или многосложные (*univerbales* или *multiverbales*). В результате исследований авторы приводят данные о том, что примерно половина англицизмов в сфере спортивной прессы – это неадаптированные англицизмы, состоящие из одного слова, они не изменили свою графическую структуру при переходе в испанский язык. Соответственно, другая половина английских заимствований уже полностью или частично ассимилировалась к испанскому языку и употребляется в измененном виде, иногда есть варианты, некоторые термины состоят из двух и более слов.

Нами была проанализирована и позиция Королевской академии по части принятия или непринятия англицизма, исходя из данных Академического словаря (23-е издание), из которой следует, что 31% терминов принят академией, а 68% – не приняты. Большинство из англицизмов, зафиксированных в словаре, адаптированы к требованиям испанской орфографии (*líder, debut*). А те слова, которые сохраняют английское написание (*play off, strike, inning*), не приняты и не включены в словарь.

В фонетической и орфографической адаптации спортивных терминов мы видим общие тенденции приспособления английских слов к испанскому языку, о которых уже говорилось выше. Так, группы английских гласных и согласных упрощаются и передают произношение на испанском: *-oo-* *football* > *fútbol*, *-ee-* *meeting* > *mitin*, *-ll-* *volleyball* > *voley*; *u* переходит в *i* (*penalty* > *penalti*). Английские диграфы в большинстве случаев сохраняются: *-sh-* (*flash, show*), *-ck-* (*cricket*). Распространенное в английском окончание на *-ing* чаще упрощается, но иногда и сохраняется в испанском (*doping*).

При фонетической ассимиляции английского слова, по правилам испанской орфографии, в некоторых случаях требуется постановка ударения. Так, например, Мартинес де Соуса указывает на необходимость постановки графического ударения даже в частично ассимилированных словах (*cámping*) и в тех, которые одинаково пишутся по-английски и по-испански, но произносятся в новом языке по-другому (*córner, póker*) [Martínez de Sousa, 2004, p. 16].

Многие заимствованные спортивные термины в испанском языке «обросли» производными, что говорит о высокой степени их адаптации. Многие авторы, например [Riquelme, 1998 и др.], говорят в таких случаях о гибридных производных (blended derivative – смешанное производное, т.е. испанский суффикс добавляется к коренной морфеме английского языка, например, *roquero*,

liderazgo, rankeado/rankeado). В таких случаях мы видим грамматическую (и орфографическую) адаптацию, смешение языков (*mestizaje*): *box – boxear* (бокс – боксировать), *gol – golazo, golear; goleador* (гол – супер-гол, забивать, забивающий голы): *Esta cara es única por lo que hizo: el **golazo** del Inter que va a dar la vuelta a Europa (As, 26.08.2019).*

Происходит и формирование гибридных соединений из английского и испанского слова: *top-diez, manager de carretera, tenis de mesa*. В таких сочетаниях может наблюдаться и изменение грамматической категории, английский термин может использоваться в качестве прилагательного: *cifras récord, empresa líder, efecto boomerang*.

Язык спортивной журналистики очень эмоционален и метафоричен. Поэтому количество значений слова в языке-доноре и языке-рецепторе тоже редко остается одинаковым. Так, например, термин *flash* имеет в английском языке много значений, связанных с глаголами, которые теряются в испанском. Тем не менее в испанском языке это слово приобретает некоторые новые значения как существительное. В испанском языке этот термин имеет десять значений. Некоторые, похожие на английские значения, например, тип памяти (в компьютере и т.п.) и вспышка света. Новое значение, которое появилось в испанском языке, относится к допингу и наркотическому состоянию: чувство сильной эйфории после инъекции или приема препарата. Другой пример – это термин *penalti*, который в английском языке имеет значения, связанные со спортом или с наказанием. Но в испанской разговорной речи этот термин уже метафоризируется и включается во фразеологические сочетания, например, *casarse por penalti* («жениться по пенальти») означает жениться из-за того, что женщина забеременела.

В заключение рассмотрим особенности употребления англизмов в активно развивающемся жанре современной журналистики – авторской колонке. Так, известный испанский писатель и академик Артуро Перес-Реверте ведет свою колонку в газете *«El País»* под названием *«Patente de corso»* («Каперское свидетельство»). В колонке сочетается публицистический и ярко выраженный авторский литературно-художественный стиль. Его статьи посвящены актуальным вопросам культуры, национальной идентичности, воспитанию хорошего вкуса, историческому прошлому страны, испанскому языку. А. Перес-Реверте старается сделать свой язык современным, близким к языку большинства образованных читателей, с другой стороны, он, как академик, заботится о

правильности и чистоте языка, о корректном использовании лексических единиц, в том числе англизмов. Так, названия соцсетей, с помощью которых писатель общается с читателями, популярных приложений, конечно, встречаются в его колонке (пишутся с большой буквы): No me había dado cuenta hasta que hace unos días, mientras lamentaba las incorrecciones ortográficas de una cuenta oficial en **Twitter** de un ministerio, leí un mensaje que acababan de enviarme y que me causó el efecto de un rayo (Pérez-Reverte A. Ahora le toca a la lengua española. 25.06.2018).

Адаптированные англизмы, прежде всего из области культуры, досуга, популярных и общедоступных развлечений, у Переса-Реверте часто приобретают оценочный характер, иронический или негативный: Jugando con la incultura, la falta de ganas de aprender y la demagogía de fácil calado, no pocos **trileros** del cuento chino se apuntan a esa moda, denigrando por activa o pasiva cualquier referencia de autoridad lingüística (Pérez-Reverte A. La Europa que estamos matando. 04.12.2017). В этом примере используется слово *thriller* (триллер). Испаноговорящие произносят этот термин [zríler] в соответствии с английским, они имитируют оригинальный звук, хотя при написании начальная группа согласных *th-* упрощается. В данном случае Перес-Реверте использует уже испанское производное с суффиксом деятеля (*trilero*) с иронической или даже негативной коннотацией («тот, кто рассказывает разные ужастики»).

В статьях, посвященных массовой культуре, автор выражает, в том числе с помощью введения в текст англизмов, обеспокоенность поголовным следованием веяниям моды, которое разрушает действительно важные культурные доминанты испанского общества: Nada puede sobrevivir, porque es imposible, a diez o veinte mil turistas arrojados de golpe por cruceros y viajes baratos -sueña mejor **low cost**-, en un solo fin de semana sobre ciudades como Roma, Florencia, París, Madrid o Barcelona (Pérez-Reverte A. Turistas de idiotez. 20.05.2017).

Многие статьи авторской колонки Переса-Реверте посвящены литературе, поэтому появляются модные англизмы, связанные с этой сферой культуры: Hay pocos placeres urbanos en una ciudad como Madrid comparables a entrar en su librería una tarde gris de frío y aguacero, y allí, entre los estantes y las pilas de volúmenes sobre el mostrador, entre clásicos y **bestsellers**, charlar sobre libros y autores al calor de la estufa mientras la lluvia cae al otro lado del escaparate (Pérez-Reverte A. Mi amigo el librero. 09.08.2009).

В этом фрагменте мы видим английский термин, причем во множественном числе (*bestsellers*), который соседствует со «старинными» испанскими словами (например, *estufa* – печка): так уютная обстановка традиционного мадридского книжного магазинчика нарушается «вторжением» новых технологий и новых правил торговли.

Англицизмы появляются и в названиях статей Реверте прежде всего, конечно, чтобы привлечь внимание, но в сочетании с разговорными испанскими словами (*chaval*) они часто принимают оценочную окраску и создают комический эффект: *Qué te parece la performance, chaval* (Pérez-Reverte A. *Burbujas de vacío y otras performances*. 15.01.2012).

Таким образом, Артуро Перес-Реверте не избегает употребления актуальных англицизмов, старается приблизить свой стиль к языку большинства образованных читателей, интересующихся важными сторонами жизни испанского общества. С другой стороны, писатель и академик показывает неуместное порой увлечение новыми терминами, прививает читателям вкус к правильному употреблению лексики национального языка в противовес слепому следованию моде.

Итак, новые англицизмы, появляющиеся на страницах испанской прессы, – это прежде всего названия новых понятий, продуктов, произведенных чаще всего в США. Области, наиболее затронутые этими терминами, – это новые технологии, информатика, а также спорт и культура. Есть также и другие сферы, в которых встречается много англицизмов, например экономика и мода, но они не становятся настолько частотными и распространенными среди говорящих на испанском, как названные ранее области. У испанских авторов на сегодняшний день нет единого понимания того, что считать англицизмом, нет и единой классификации заимствований из английского, как и разработанной теории об адаптации английских слов в испанском языке. Те классификации, которые предлагаются и использовались в данной статье, уже достаточно устарели и требуют доработки. Авторы, которые занимаются англицизмами, имеют несколько позиций. Одни придерживаются пурристической позиции, рассматривая англицизмы как элемент, который пагубно влияет на испанский язык, другие же авторы считают, что англицизмы разнообразят и обогащают испанский язык.

Согласно нашим наблюдениям, современные англицизмы хорошо адаптируются в испанском языке, прежде всего это каса-

ется существительных и глаголов, которые образуют новые производные по испанским словообразовательным моделям. В газетных текстах можно увидеть англицизмы разной степени ассимиляции к испанскому языку, варианты написания (например, формы множественного числа). Большинство заимствований имеют одно значение в испанском языке, но есть тенденция к метафоризации и образованию новых (переносных) значений. В этом смысле более эмоционален язык спорта. Есть виды спорта, в журналистском обсуждении которых больше англицизмов (футбол, теннис), и, наоборот, есть виды спорта, в статьях о которых используется мало английских слов (фехтование, мотокросс).

В целом авторитетные испанские газеты придерживаются нейтрального стиля, следуя указаниям академии и руководствам по стилю, стремятся быть проводниками правильного употребления заимствований. Известные испанские авторы в своих колонках показывают примеры корректного употребления англицизмов и борются с неуместным увлечением иностранными словами. Несмотря на активную разъяснительную работу, в большинстве случаев современные заимствования из английского не принимаются Королевской испанской академией (не включены пока в словарь), эта институция придерживается довольно пурристической позиции в отношении принятия иностранных слов, однако не может препятствовать их реальному распространению не только в СМИ, но и в испанском языке в целом.

Список литературы

- Gómez Capuz J.* La inmigración lexica. – Madrid: Arco Libros S.A., 2010. – 80 p.
- Gómez Capuz J.* La asimilación gramatical de los anglicismos en un corpus de español coloquial (II): formación del plural de los sustantivos y asimilación de adjetivos y verbos. – Madrid: Arco Libros S.A., 2009. – P. 312–314.
- Lazaro Carreter F.* El nuevo dardo en la palabra. – Barcelona: Círculo de Lectores, 2003. – 250 p.
- Lorenzo E.* Anglicismos hispánicos. – Madrid: Gredos, 1996. – 710 p.
- Martínez de Sousa J.* Ortografía y ortotipografía del español actual. – Gijón: Ediciones Trea, S.L., 2004. – 512 p.
- Medina López J.* El anglicismo en el español actual. – Madrid: Arco Libros, S.A., 2004. – 96 p.
- Pratt Ch.* El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. – Madrid: Gredos, 1980. – 276 p.

- Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.rae.es (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- Real Academia Española. Libro de estilo de la lengua española. 2018. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.rae.es (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- Riquelme J.* Los anglicismos. Anglismos y anglicismos: huéspedes de la lengua. – Alicante: Ayuntamiento de Torrevieja, 1998. – 117 p.
- Vivanco Cervero V.* El español de la ciencia y la tecnología. – Madrid: Arco Libros, S.A., 2006. – 294 p.
- Источники
- ABC*. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.abc.es> (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- As*. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.as.com> (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- Marca*. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.marca.com (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- El Mundo*. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.elmundo.es (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- El País*. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.elpais.com (Дата обращения: 29.08.2019 г.)
- Pérez-Reverte A.* Patente de corso. [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://arturoperez-reverte.blogspot.com> (Дата обращения: 29.08.2019 г.)

О.С. Крюкова

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛИЦИЗМАХ НА -ИНГ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические группы англизмов на -инг в русском языке: группа финансовых, экономических и бизнес-терминов, группа названий и терминов видов спорта и развлечений спортивного типа, группа интернет- и компьютерных терминов, а также слова, обозначающие различные процессы. К последней подгруппе примыкает ряд технических и других (медицинских, биологических) терминов. Среди англизмов на -инг есть термины искусства, косметологии, а также социальных наук, биологии и географии. Многие термины известны лишь узким специалистам, но есть и достаточно часто употребляющиеся. Словообразовательный потенциал у слов на -инг различный. Дериваты от заимствованных слов на -инг свидетельствуют о витальности этих англизмов в русском языке. Слова на -инг входят также в состав композитов английского происхождения. Многие слова на -инг, принадлежащие к лексико-семантической группе «спорт», недостаточно знакомы неспортсменам, степень их лексического освоения и частотности употребления зависит от популярности того или иного вида спорта, включения его в разряд олимпийских видов спорта и т.п. Другая терминологическая лексика (термины финансов, бизнеса, менеджмента, естественных и социальных наук, искусства) находится на периферии языка именно в силу своей терминологичности. Степень лексической освоенности слов на -инг коррелирует с ограниченностью их употребления: общеупотребительные слова на -инг скорее исключение, чем правило, хотя суффикс -инг значительно увеличил свою продуктивность в русском языке в начале XXI в. и стал использоваться при словообразовании от незаимствованных корней и основ.

Ключевые слова: англизмы; заимствования из английского языка; словообразовательная активность; русский язык; английский язык; словарь заимствований.

O.S. Kryukova
ANGLICISMS IN -ING IN RUSSIAN

Abstract. The article deals with lexical and semantic groups of anglicisms in the Russian language: a group of financial, economic and business terms, a group of names and terms of sports and entertainment of sports type, a group of Internet and computer terms, as

well as words denoting various processes. To the last subgroup a number of technical and other (medical, biological) terms adjoin. Among the -ing anglicisms there are terms of art, cosmetology, as well as social sciences, biology, and geography. Many terms are known only to narrow specialists, but there are some that are quite often used. The word-formation potential of -ing words is different. Derivatives from -ing borrowed words testify to the vitality of these anglicisms in Russian language. The -ing words are also part of composites of the English origin. Many -ing words that belong to the lexico-semantic group «sports», are not familiar to non-athletes, the degree of their lexical development and frequency of use depend on the popularity of a particular sport, its inclusion in the category of Olympic sports, etc. Other terminology vocabulary (terms of finance, business, management, natural and social sciences, art) is on the periphery of the language precisely because of its terminology nature. The degree of lexical development of -ing words correlates with the limitations of their use: basic vocabulary -ing words are more the exception rather than the rule, although the suffix -ing has significantly increased its productivity in the Russian language in the XXI century and is used in the original word formation from roots and stems.

Keywords: anglicisms; borrowings from English; word-formation activity; Russian language; English language; dictionary of borrowing.

Слова, оканчивающиеся на -инг, обладают ярко выраженным фонетическим признаком англизмов в русском языке. Некоторые из них имеют давнюю историю, как, например, слово «пудинг», которое «как кулинарный термин в русском языке известно с конца XVIII в.» [Черных, 1994 б, с. 81], или же слово «митинг», которое встречалось еще в письмах Герцена начала 1850-х годов [Черных, 1994 а, с. 535], но большая их часть относится к заимствованиям конца XX – начала XXI в.: «В конце XX – начале XXI веков заметным явлением в области заимствования из английского языка стала активизировавшаяся самостоятельность английского аффикса -инг, что связано с большим количеством заимствований с этой морфемой» [Дьяков, 2013, с. 182]. А.И. Дьяков и Е.В. Скворецкая насчитывают более 1500 единиц англизмов на -инг [Дьяков, Скворецкая, 2013, с. 182].

Среди сравнительно недавно заимствованных слов на -инг выделяется группа финансовых, экономических и бизнес-терминов (демпинг, лизинг, аутсорсинг, краудфандинг), группа названий и терминов видов спорта и развлечений спортивного типа (аквабилдинг¹,

¹ Аквабилдинг (англ. aqua building – aqua вода + building строительство); спорт. Система упражнений в воде, направленная на укрепление организма. Здесь и далее словарные статьи приводятся по «Словарю англизмов» [Дьяков, 2019]. – *Прим. авт.*

акроскиинг¹, боулинг, дайвинг, кёрлинг, сёрфинг), группа интернет- и компьютерных терминов, а также слова, обозначающие различные процессы (анбоксинг², буллинг, троллинг, слайдинг). К последней подгруппе примыкает ряд технических и других (медицинских, биологических) терминов³. А.И. Дьяков и Е.В. Скворецкая выделяют также обиходные слова, а также наименования противоправных действий: «Это давно известные слова из обиходно-бытовой сферы (шугаринг, фейслифтинг, тримминг, петтинг и другие... наименования правонарушений (фишинг, киберсквотинг, шоплифтинг)» [Дьяков, Скворецкая, 2013, с. 182]. На наш взгляд, среди указанных обиходно-бытовых слов также присутствуют термины, а наименования правонарушений в компьютерной сфере примыкают к компьютерной терминологии (фишинг, см. ниже).

«Словарь англизмов» А.И. Дьякова [Дьяков, 2019. – Электронный ресурс], насчитывающий около 20 000 словарных статей и являющийся расширенной версией «Словаря английских заимствований русского языка» того же автора [Дьяков, 2010], дает достаточно представительную картину «-инговых заимствований». Так, количество «-инговых» слов с начальной А, которых исторически больше, чем слов, начинающихся на другие буквы алфавита, согласно этому словарю, составляет 56 заимствований. Помимо указанных выше тематических групп среди этих англизмов есть термины искусства (армсвинг⁴, арт-квилтинг⁵), косметологии (аромапилинг), а также социальных наук (апшифтинг⁶), биологии

¹ Акроскиинг (англ. acroskiing – асто (batics) акробатика + skiing катание на лыжах); спорт. Вид фристайла, лыжный балет. – *Прим. авт.*

² Анбоксинг (англ. unboxing распаковывание). редк. общ. Процесс распаковывания подарков, покупок, который снимается на видео или фотографируется и выставляется в Интернет. – *Прим. авт.*

³ Ср.: Баклинг (англ. buckling – to buckle изгибаться); мед. Врожденный порок, характеризующийся удлинением, извивостью и перегибами дуги аорты при патологическом строении стенки. То же, что кинкинг. – *Прим. авт.*

⁴ Армсвинг (англ. armswing – arm рука + swing взмах; резкое колебание); муз. Энергичное движение руками в крампе, используется, чтобы показать силу и власть. Значение этого и других терминов приводится по: [Дьяков, 2019. – Электронный ресурс]. – *Прим. авт.*

⁵ Арт-Квилтинг (англ. art quilting – art искусство + quilting изготовление стеганых изделий, подшивка, стежка); иск. Разновидность художественных ремесел, то же, что квилт и пэчворк. – *Прим. авт.*

⁶ Апшифтинг (англ. upshifting смещение вверх); част. соц. Радикальный отказ от своей работы, статуса и положения с целью жить в свое удовольствие, разумеренной и спокойной жизнью. Расценивается как положительная динамика

(ауткроссинг¹, аутбридинг²) и географии (апвеллинг³). Многие термины известны лишь узким специалистам, но есть и достаточно часто употребляющиеся (психологический термин «аутотренинг»).

Словообразовательный потенциал, т.е. способность «создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям» [Дьяков, 2012, с. 252], у слов на -инг различный. В «Словаре англизмов» приводятся прилагательные, образованные от существительных на -инг, хотя составитель констатирует, что вопрос о том, являются ли производные слова заимствованными, является спорным. Во всяком случае, слово «англизмы» в названии словаря, на наш взгляд, является более широким по своему значению, чем выражение «слова, заимствованные из английского языка». Дериваты от заимствованных слов свидетельствуют о витальности англизмов в русском языке: «Деривационная интеграция английских слов является показателем высокой степени их ассимилированности: русскоязычный человек принимает их в качестве равноправных лексем, образуя от них русские дериваты и используя их в речи...» [Дьяков, 2012, с. 252]. В то же время словообразовательная активность заимствованных из английского языка существительных на -инг в русском языке ограничена в основном образованием соответствующих прилагательных, что свидетельствует о невысокой степени их «деривационной активности» [Дьяков, 2012, с. 256].

Слова на -инг входят также в состав композитов английского происхождения: «Ныряние в глубину на задержке дыхания – фри-дайвинг – это определенный взгляд на мир, исходящий из ощущения единства и неразрывной связи всего со всем – океана жизни и океана внутри нас» (Евгений Сахно. *Homo delphinus* // «Пятое измерение», 2002).

изменения профессиональной и личной жизни. Апшифтинговый. Он делал все для реализации своих апшифтинговых планов. – *Прим. авт.*

¹ Ауткроссинг (англ. outcrossing случайное скрещивание); част. биол. Скрещивание неродственных между собой особей, к которому прибегают, когда нужно ввести какую-либо специфическую характеристику от другой линии, или для исправления недостатка, проникшего в линию и части физических или психических характеристик. – *Прим. авт.*

² Аутбридинг (англ. out breeding – out вне + breeding разведение); част. биол. вет. Скрещивание особей, не состоящих в непосредственном родстве. Аутбридинговый. – *Прим. авт.*

³ Апвеллинг (англ. upwelling – up вверх + to well хлынуть); част. геогр. Подъем вод из глубины водоема к поверхности; вызывается устойчиво дующими ветрами, которые сгоняют поверхностные воды в сторону открытого моря, а взамен на поверхность поднимаются воды нижележащих слоев. Апвеллинговый. Апвеллинговые зоны. – *Прим. авт.*

«Фри-дайвинг (free diving) – ныряние без акваланга на задержке дыхания» [Национальный корпус., 2019. – Электронный ресурс].

Наиболее многочисленную группу англизмов на -инг в русском языке составляет социально-экономическая терминология, это преимущественно экономические, финансовые, бизнес- и управленические термины. Если учесть, что -инг маркирует английское происхождение слова, то в ряде случаев происходит избыточное маркирование. Термин менеджмента, «контроллинг», в некоторых случаях замещает давнее заимствование из французского или голландского «контроль» [Черных, 1994 а, с. 424], ср.: «Одновременно распределение ресурсов на отдельные продукты статистики, как и контроллинг затрат и результатов, до сих пор не рассматриваются ни одним из опрошенных нами комитетов» (Основы и инструментарий официальной статистики, ориентированной на пользователя // Вопросы статистики, 2004.06.24) [Национальный корпус., 2019. – Электронный ресурс].

Еще одним примером гипермаркирования является использование суффикса -инг для словообразования с исходно незаимствованным производным словом: «откатинг», которое «(калька с англ. cut – разрезать, делить, распределять) номинирует инструмент распределения финансовых потоков предприятия / организации, который позволяет снизить риски и повысить эффективность лоббируемых решений. Например: “Как говорят гуру в области корпоративного управления, ‘откатинг – это волшебный ключ ко всем дверям’ ”» [Дьяков, Скворецкая, 2013, с. 185].

Зафиксировано также гипермаркирование у слов на -инг, которые не являются экономическими терминами, ср.: «крышелазинг» [Дьяков, Скворецкая, 2013, с. 181], «зацепинг».

Другую группу англизмов на -инг в русском языке составляют названия и терминология новых видов спорта (блейдраннинг¹, миксфайтинг², сейлбординг³) и развлечений спортивного

¹ Блейдраннинг (англ. blade running – blade лезвие, остриё + running бег); спорт. Разновидность парашютного спорта – прыжки с небольшой высоты с длинным пролетом над землей. – *Прим. авт.*

² Миксфайтинг (англ. mix fighting – mix смешанный + fighting борьба); част. спорт. Бой без правил, где спортсмены демонстрируют технико-тактические действия в стойке, партере с ударами, болевыми и удушающими в полный контакт в ринге. Допускается проведение на квадратной площадке, состоящей из матов либо татами 6×6 м с защитной зоной 10×10 (толщина 4 см). Чемпионат России по миксфайтингу. – *Прим. авт.*

³ Сейлбординг (англ. sail boarding – sail парус + boarding катание на доске); част. спорт. Другое название виндсёрфинга – ходьба под парусом на маленькой

типа, например карточных игр (бамхантинг¹, блаффкатчинг²). Эта постоянно пополняющаяся группа включает многочисленные композиты (микс-файтинг, фри-дайвинг).

К числу англицизмов на -инг принадлежат также компьютерные термины и термины информатики, в том числе и профессиональные жаргонизмы, которые в самом английском языке были образованы с помощью метафорического переноса, причем в этих словах возможно изменение орфографического облика в рамках английского, но не русского языка: «...мы сталкиваемся и с изменением орфографического облика некоторых слов в их новом значении, полученном посредством метафорического переноса, например: • fishing (ср. рус. 'рыбалка') → phishing (ср. рус. фишинг, т.е. 'заманивание пользователей на фальшивые сайты'), • farming (ср. рус. сельское хозяйство / занятие сельским хозяйством) → pharming (ср. рус. фарминг, т.е. 'автоматическое перенаправление пользователей на фальшивые сайты')» [Осетрова, Егорова, 2017, с. 13].

Известны случаи использования слов на -инг в арготическом дискурсе, где давно освоенные русским языком слова подвергаются семантическому переосмыслинию: «Обычно смокинг воспринимается как атрибут жизни состоятельных английских джентльменов, но в арго на основании иронического переноса лексема смокинг получила значение 'одежда заключенного'» [Андреев, 2013, с. 364].

Слова на -инг находятся на разных стадиях освоения заимствований русским языком. Наиболее освоены (фонетически, графически, грамматически и лексически) давние заимствования типа пудинг, смокинг, митинг. Многие слова на -инг, принадлежащие к лексико-семантической группе «спорт», недостаточно знакомы неспортивным, степень их лексического освоения и частотности употребления зависит от популярности того или иного вида спорта, включения его в разряд олимпийских видов спорта и т.п. Другая терминологическая лексика (термины финансов, бизнеса, ме-

доске для сёрфинга – аналогично парусной лодке, где гик надо держать руками, а мачта крепится к палубе при помощи шарнира, и контроль за направлением движения осуществляется наклоном или поворотом паруса, а не руля. – *Прим. авт.*

¹ Бамхантинг (англ. bamhunting – bum ничтожный человек + hunting охота); редк. игр. Карточный термин, подразумевающий выборочную игру только со слабыми противниками. – *Прим. авт.*

² Блаффкатчинг (англ. bluff catching – bluff блеф + catching ловля); редк. игр. Покерный прием, применяемый в том случае, когда игрок ожидает от соперника с худшей рукой блефа или вэлью-бэта (ставки на ценность). – *Прим. авт.*

неджмента, естественных и социальных наук, искусства) находятся на периферии языка именно в силу своей терминологичности. Таким образом, степень лексической освоенности слов на -инг коррелирует с ограниченностью их употребления: общеупотребительные слова на -инг скорее исключение, чем правило, хотя суффикс -инг значительно увеличил свою продуктивность в русском языке в начале XXI в. и стал активно использоваться при словообразовании от незаимствованных корней и основ. С точки зрения культуры речи окказионализмы на -инг, образованные на русской почве, являются элементом языковой игры, их закрепление в языке вызывает сомнения.

Список литературы

- Андреев В.Н. Словообразовательные и семантические изменения заимствований из английского языка в русском субстандарте (на материале арго) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 5–1. – С. 364–366.
- Дьяков А.И. Словарь английских заимствований русского языка. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2010. – 588 с.
- Дьяков А.И. Словарь англицизмов. – Новосибирск, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anglicismdictionary.ru/> (Дата обращения: 08.07.2019 г.)
- Дьяков А.И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 4 (5). – С. 252–256.
- Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 180–186.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 08.07.2019 г.)
- Осетрова О.И., Егорова Э.В. Англицизмы интернет-коммуникации: Учебно-методическое пособие для студентов направления «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». – Ульяновск: УлГУ, 2017. – 60 с.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1994 а. – Т. 1. – 623 с.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1994 б. – Т. 2. – 560 с.

Н.П. Пешкова

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

(На материале городского текста Уфы)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования, в том числе и экспериментального, английского языка в лингвистическом ландшафте Уфы, полиглассической столицы Республики Башкортостан. Изучаются языковые средства и способы представления лингвистического ландшафта на английском языке, а также присущие ему функции. Текст города исследуется как с позиции его авторов, картина мира которых представлена в языковом пейзаже Уфы, так и с позиции адресатов. Осуществляется анализ экспериментальных данных, отражающих восприятие лингвистического ландшафта на английском языке уфимцами разных возрастных групп. Присутствие английского языка способствует выявлению культурных и социальных ценностей, присущих представителям разных поколений жителей Уфы и, соответственно, особенностей их (представителей) языкового сознания.

Автор приходит к выводу о том, что одна из особенностей вербального сознания университетской (студенческой и аспирантской) группы молодежного социума полиглассического города состоит в стремлении не забывать и использовать родные языки, башкирский и русский, в повседневной жизни; в отношении носителей башкирского языка к русскому как второму родному языку, о чем свидетельствуют не только результаты данного исследования, но и работы других региональных исследователей; наконец, в лояльном отношении к «чужому» английскому языку как инструменту познания мира, лежащего за пределами своего региона и страны.

Ключевые слова: английский язык; лингвистический ландшафт; текст города; языковое сознание; картина мира; культурные ценности.

N.P. Peshkova

THE ENGLISH LANGUAGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE

OF THE MODERN RUSSIAN CITY

(based on the material of the Ufa city text)

Abstract. The paper considers the results of the investigation, including the experimental one, of the English language in the linguistic landscape of Ufa, the polyglottal capital of the Republic Bashkortostan. The language means and ways of present-

ing the linguistic landscape in the English language and besides the linguistic landscape functions are studied in the article. The city text is investigated both from the view point of its authors and its addressees. The analysis of the experimental data reflecting the perception of the linguistic landscape presented in the English language by Ufa citizens belonging to different age groups is carried out. The presence of the English language reveals cultural and social values typical to the representatives of different generations of Ufa citizens and some peculiarities of their language consciousness.

The author comes to the conclusion that one of the specific features of the verbal consciousness of the university group (including students and post-graduates) belonging to the youth community of the poly-ethnic city consists in their willingness to remember and to use the native languages, Bashkir and Russian, in everyday life; in the attitude of the Bashkir language bearers to the Russian language as to the second native one, which is also witnessed by the studies undertaken by other regional researchers; at last, in their loyalty to the «alien» English language as to the instrument of getting knowledge about the world extending beyond their region and their country.

Keywords: English language; linguistic landscape; city text; verbal consciousness; world vision; culture values.

Лингвистический ландшафт Уфы, столицы полиглоссического региона Республики Башкортостан, является объектом изучения ряда наших предшествующих экспериментальных исследований [Пешкова, 2016], [Пешкова, 2017а], [Пешкова, 2017б]. Напомним, что термин «лингвистический ландшафт» («linguistic landscape») в современных научных трудах имеет двоякое толкование. Под лингвистическим ландшафтом в широком смысле понимаются способы изучения существования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города. В узком смысле лингвистический ландшафт может использоваться как синоним словосочетания «городской текст», или «текст города», «языковой пейзаж». Принято считать, что он выполняет две основные функции – информативную и символическую.

Одно из известных определений понятия лингвистического ландшафта в этом смысле гласит, что это «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек-названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях... которые выполняют две основных функции: информативную и символическую» [Landry, Bourhis, 1997, p. 25].

«Linguistic landscape» как метод изучения жизни языка в городском пространстве предлагает нам общие модели, включающие универсальные компоненты, такие как автор и адресат городского текста, тенденции в изменения форм его презентации на используемых языках, порядок следования этих языков и фрагментов

информации и специфика перевода информации с одного языка на другой. Очевидно, что названные инвариантные компоненты будут реализованы в различных вариантах в зависимости от реальных условий конкретного города, региона и страны.

Если обратиться к интерпретации известной трехкомпонентной модели лингвистического ландшафта Иерусалима Б. Спольски и Р. Купера [Spolsky, Cooper, 1991], используемый авторами термин «условия» автора и адресата, а также «условия» значимости или ценности языкового знака, может получить достаточно широкое наполнение – от национальной политики регионального правительства до разнообразного спектра социокультурных условий, присущих региону, а также коллективной и индивидуальной специфики бытового сознания членов полистнического социума.

Нельзя не вспомнить оценку метода «лингвистический ландшафт», предлагаемую в одной из работ А.В. Кирилиной. По ее мнению, обсуждаемый метод обеспечивает возможность изучения языковой, социолингвистической и социологической ситуации в целом, а также «смены моральных установок» и «зон вторжения и распространения других языков», помогает выявить «индикаторы изменения картины мира» [Кирилина, 2013, с. 164].

Как мы отмечали ранее, этнокультурная уникальность Республики Башкортостан обусловлена сосуществованием и взаимодействием более 130 языков и культур, при этом в лингвистическом ландшафте, или тексте города, изначально использовались два языка, русский и башкирский, имеющие статус государственных языков. С началом постсоветского периода, точнее с середины 90-х, на отдельных (единичных) городских вывесках, названиях кафе, ресторанов, салонов красоты, в городской рекламе появляется третий язык – английский.

Позднее, в период подготовки Уфы к проведению в июле 2015 г. саммитов ШОС и БРИКС, все (без исключения) вывески с названиями улиц в культурно-историческом центре города дополняются третьим языком – английским. И после этого, по нашим наблюдениям, использование английского языка в языковом пространстве города увеличивается еще больше.

Английский язык в разных формах своего присутствия в городском пространстве и в разных функциях и составляет предмет нашего научного интереса в настоящем исследовании как один из компонентов лингвистического ландшафта Уфы, обуславливающих во многом специфику текста города.

Как известно, исследователи объясняют присутствие английского языка в лингвистическом ландшафте городов различных стран, в том числе и многих российских городов, всеобщей тенденцией глобализации. Широкое использование английского языка в городском тексте, как правило, имеет под собой определенное практическое основание.

Утверждение о том, что чем дальше от столичных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, тем меньше латиницы (а значит, и английского) в городском пространстве [Протасова, 2015, с. 98], сегодня не вполне справедливо. Мы бы сформулировали это иначе. Распространение английского начинается с возрастанием активности города в той или иной сфере деятельности – экономической, политической, культурной, этому же способствует развитие индустрии туризма. Во всех этих случаях удаленность регионального города от столиц значения не имеет. Трудно не согласиться с утверждением о том, что лингвистический ландшафт города отражает «не только специфику использования языков, но и открытость города, его экономическую активность и стиль жизни» [Лю Лифэнь, 2017, с. 184].

Проявление этих тенденций и демонстрирует распространение английского в Уфе, столице Республики Башкортостан.

Таким образом, мы бы назвали два фактора, обусловливающих появление и распространение английского языка в лингвистическом ландшафте нашего города. Первый фактор – это объективные изменения, происходящие в его экономической и политической жизни, и второй, по нашему мнению, связан с модными трендами и тенденциями в культурной и светской жизни городского социума. И здесь, видимо, можно увидеть дополнительные функции лингвистического ландшафта, кроме названных выше информативной и символической, а именно функции привлечения внимания адресата и его развлечения. О «моде на определенные языки, в том числе и в определенных сферах», пишет в своем исследовании и Е.Ю. Протасова, именно мода, по ее мнению, во многом определяет подвижность «языкового пейзажа» [Протасова, 2015, с. 94].

Англицизмы как продукт факторов первого типа присутствуют в названиях центральных улиц, исторических памятников, объектов, имеющих культурно-историческое значение, а также объектов, обеспечивающих комфортное пребывание в городе зарубежных туристов, т.е. гостиниц, кафе, ресторанов, супермаркетов и т.п.

При этом используемые на вывесках с английским языком такие приемы, как игра слов, контаминация, метафора, прецедентность, присущие названиям ресторанов и кафе, салонов красоты, парикмахерских, частных языковых школ и различных клубов, свидетельствуют не только об изобретательности и искушенности авторов подобных текстов, но и об их склонности следовать тенденциям современной моды.

Нельзя отрицать, что и то и другое формирует лингвистический ландшафт города, создает его языковую атмосферу и, безусловно, воздействует на вербальное сознание его обитателей.

Поскольку предметом настоящего исследования являются как особенности использования английского языка в лингвистическом ландшафте Уфы, так и особенности его восприятия уфимцами, материалом для нашего изучения служат вывески с названиями улиц, кафе и ресторанов, салонов и парикмахерских, языковых школ и клубов, расположенных и в историческом центре города, и, отчасти, за пределами центра.

Что касается английского варианта названий улиц Уфы, они не отличаются от подобных названий в других городах России, предлагая жителям и гостям нашего города либо традиционный перевод русских и зарубежных имен, либо их транслитерацию. Примерами такого подхода служат следующие варианты названий улиц: *Lenin Street (St), Karl Marx Street, Pushkin Street, Zaki Validi St* и т.п.

Стандартными являются и таблички на объектах культурно-исторического наследия, где английский перевод следует за текстами на русском и башкирском языках, адекватно передавая их содержание. И в первом, и во втором случаях английский текст наряду с русским и башкирским выполняет информационную функцию.

Намного большее разнообразие демонстрируют вывески других городских объектов, текст которых, представленный с использованием только английского языка или в сочетании его с русским и башкирским языками, может выполнять наряду с информативной символическую и развлекательную, или игровую, функции, и прежде всего функцию привлечения внимания адресата.

Приведем некоторые примеры из жизни английского языка, присутствующего на вывесках Уфы, расположив их в порядке убывания частотности. Иными словами, начнем с городских объектов, на вывесках которых английский язык используется наиболее часто.

Кафе и рестораны: *Wine Story, Compass Pub, Halal, Garden Grill and Bar, Hefner Sport Bar, Gastro Gallery, Noisy Bar and*

Kitchen, Music Hall, Jagger Bar, Mc Highlander, Rossinsky, Sherlock Holmes, BlackStarBurger, Chat House, CoffeeBook, BeerBerry; Brewkva (Pub), The Boruč (Café Рус Кухняы), Высома (Café).

Кальянные: *Solo, Gagarin (lounge room), Тяга, VGosti, Мята Lounge.*

Школы английского языка: *Hello, Family, Language Link, Modern Lingual, Just Speak Ufa, London, High Street Language School, Crown English Club, Esquire. The School of English, OK, Galaxy, Helen Coron.*

Названия гостиниц: *Hilton Garden Inn Ufa, Holiday Inn Ufa, Ural Tau, Azimuth Hotel, WikiHostel.*

Парикмахерские, салоны красоты: *Old Boy, Big Bro Barber-shop, Hooligans Barbershop, Lash Room, Beauty Salon.*

Магазины, супермаркеты: *Art Gallery (Gallery Window), Coss Collection, QP Store (магазины одежды), Churchill (табачный магазин).*

Клубы: *Hook All Place – Club, Kill 2 Rabbits, JiMi Bluescafe, Drive bar.*

Туристические агентства: *Happy Travel, Coral Travel.*

Медицинские клиники: *Helio City, Mega.*

Из приведенных примеров можно видеть, что в английском тексте лингвистического ландшафта Уфы авторы используют известные языковые средства, среди них:

метафора – *Hook All Place* (клуб), *Mc Highlander* (ресторан шотландской кухни);

прецедентные имена (+ метафора) – *Sherlock Holmes* (стейк-кафе), *Gagarin* (кальянная), *Churchill* (табачный магазин);

имена собственные – *Rossinsky* (ресторан, названный по имени богатой и знатной дворянской семьи в дореволюционной Уфе), *Helen Coron* (частная школа английского языка);

контаминация – *Brewkva (Pub), The Boruč – Café Рус Кухняы* (сочетание не только двух, но и трех языков);

транслитерация (+контаминация) – *VGosti, Тяга* (кальянные);

игровые сочетания слов – *Hooligans Barbershop, Big Bro Barbershop* (популярные в городе мужские парикмахерские) *etc.*

При всем разнообразии английских названий на вывесках городских объектов Уфы, таких как кафе и рестораны, гостиницы и магазины, салоны и клубы, можно утверждать, что используемые в них языковые средства и приемы достаточно хорошо известны, если не сказать традиционны для презентации городского текста. Приведенные выше примеры также демонстрируют, что их

функции заключаются в том, чтобы не просто информировать адресата о наличии в городе того или иного объекта, но привлечь его внимание, заинтересовать, развлечь еще до того, как он выберет тот или иной объект и захочет его посетить.

Можно предположить, что в приведенных примерах лингвистического ландшафта Уфы, представленного на английском языке, отражаются социально-культурные приоритеты и ценности авторов городского текста, современная картина мира определенных отдельных групп городского социума Уфы. Мы разделяем мнение о том, что лингвистический ландшафт и как метод, и как совокупный материал для исследования способствует выявлению и изучению особенностей картины мира городского социума, его коллективного верbalного сознания.

Однако, для того чтобы получить более полное представление, необходимо провести исследование лингвистического ландшафта не только с позиции его Автора, но и с позиции его Адресата. Иными словами, изучить лингвистический ландшафт и как продукт, порожденный автором, и как процесс восприятия адресата в динамике.

Как справедливо отмечает Л.Л. Федорова, понятие ландшафта всегда подразумевает позицию наблюдателя, который движется в пространстве среди природных объектов [Федорова, 2014, с. 70]. То же самое можно сказать и о лингвистическом ландшафте, о «городском пейзаже». И в этой связи для нас представляет больший интерес адресат лингвистического ландшафта – жители города, принадлежащие разным поколениям.

Как отмечалось ранее, мы осуществили экспериментальное исследование восприятия лингвистического ландшафта жителями Уфы. Подчеркнем, что из материалов довольно обширной экспериментальной базы в настоящем исследовании интерес для нас представляет та их часть, которая включает реакции реципиентов только на присутствие английского языка в тексте города. Напомним лишь кратко суть проведенного эксперимента, поскольку подробно он описывался в предшествующих работах [Пешкова, 2016; Пешкова, 2017а; Пешкова, 2017 б].

Эксперимент состоял из трех этапов. Первый этап включал блиц-опрос, в ходе которого его участники, студенты, магистранты и аспиранты Башкирского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет, а также преподаватели и технические сотрудники университета более широкого возрастного диапазона – от 25 до 65 лет, ответили на вопросы о том, обращают ли они

внимание на «городской текст» и знаком ли им термин «лингвистический ландшафт». По результатам этого опроса можно было выделить две основные группы испытуемых-реципиентов. Первую группу, составляющую, без учета параметра возраста, около 60% респондентов, можно охарактеризовать как группу прагматиков, индифферентных к языковому пейзажу, использующих его в рациональных целях. Их типичными ответами стали: «*смотрю по необходимости*», «*не обращаю внимания*», «*кидет фоном*». Вторую группу составили неравнодушные и любопытные обитатели Уфы, достигающие 40% от общего числа респондентов. Они утверждали: «*читаю названия улиц (ресторанов, офисов и т.п.) из любопытства*», «*иногда читаю названия новых улиц*», «*смотрю названия улиц, так как не все улицы знаю*», «*всегда читаю рекламу*».

В отношении восприятия только английского языка в городском языковом пространстве две выявленные группы сохраняют актуальность, но имеют свою специфику. Здесь можно говорить в целом о трех группах реципиентов – равнодушных к присутствию английского языка в тексте города, неравнодушных, настроенных позитивно, и неравнодушных, настроенных негативно.

Второй основной этап эксперимента заключался в просмотре короткого видеофильма, состоящего из десяти кадров-изображений различных вывесок, и пятнадцати фотографий, отображающих языковой ландшафт Уфы, с последующим анонимным письменным комментированием увиденного. При этом участники эксперимента выбирали изображения и фотографии, вызывающие у них желание прокомментировать и оценить увиденное в любой форме письменного высказывания.

На третьем этапе участники эксперимента по желанию могли в письменной форме высказать свои рекомендации по совершенствованию языкового ландшафта города, а также должны были ответить на вопросы, чтобы оценить содержание и форму лингвистического ландшафта Уфы.

Анализ реакций реципиентов на присутствие английского языка в городских вывесках, а также их ответов и пожеланий относительно способов его использования в языковом пространстве города позволяет нам прийти к следующим выводам.

Сравнительный анализ материала по выделенным выше группам испытуемых указывает на существование некоторого баланса между количеством реципиентов, равнодушных к англизмам в «языковом пейзаже» города, и количество тех адресатов, у кого сам факт присутствия английского языка вызывает симпа-

тию или антипатию. Нельзя не отметить, что в молодежной группе преобладают неравнодушные и позитивно настроенные адресаты (около 80%). В группе возрастных адресатов при равном соотношении равнодушных и заинтересованных реципиентов, среди последних доминируют противники использования иностранных языков вообще и английского в частности в лингвистическом ландшафте Уфы, в процентном соотношении их доля составляет около 70%.

Участники возрастной группы проявляют меньше терпимости к «чужому» языку, допуская, что не испытывают никакой потребности в использовании английского языка потому, что не владеют ни одним иностранным языком; при этом носители башкирского языка зачастую одновременно признаются и в том, что родным башкирским пользуются только в устном разговорном варианте, а письменным литературным башкирским языком владеют плохо или не владеют вообще. Определяющими отношение испытуемых данной группы к английскому языку выступают такие реакции, как:

«Зачем чужой язык навязывают?!»

«Почему я должен читать это на английском? У нас есть свой язык. Даже два языка!»

«Что это за Brewkva? Мусор какой-то!»

«Я родной башкирский плоховато знаю, а тут мне английский!»

«Для информации хватит русского, им владеет все население».

Часть испытуемых возрастной группы (2–3%) полагают, что для жизни и ориентации в городе достаточно русского языка, потому что им владеют все жители Уфы, рассматривая при этом английский язык как «ненужную игрушку».

Напротив, как мы уже отмечали ранее на основе анализа реакций испытуемых молодежной группы, содержащих оценки и оценочные мнения относительно английского языка в лингвистическом ландшафте Уфы, представители данной группы городского социума интерпретируют его присутствие как своего рода причастность к внешнему миру за пределами страны, как подтверждение их намерения быть частью большого мира и нежелания замкнуться в пространстве только своего региона. Среди реакций, определяющих отношение к английскому языку испытуемых молодежной группы и представляющих интерес с точки зрения выявления особенностей их верbalного сознания, мы бы выделили следующие.

«Прикольно! The Boruč (Café Rus Кухняны) – мне нравится!»

«Кто такой был Rossinsky? Раньше не замечал, теперь посмотрю. Нет, правда, иногда это стимулирует что-то узнать».

«Это что? Черчилль? Не знала, как это имя пишется».

«Идешь по центру, читаешь. Английские слова. Практика, хоть какая-то. Пригодится».

«Думаю, это полезно иностранцам, любым, они все знают английский. Их в городе теперь немало».

«Я не против английского в нашем городе. Я – принципиально За!» «Конечно, я за английский – после родных языков».

«Вообще Уфа – европейский город. Значит, нужен английский».

«Английский, башкирский, русский. Чем больше языков человек знает, тем лучшие, полезней для жизни, работы, да и отдыха».

Как можно видеть, наш экспериментальный материал позволяет нам не согласиться с опасениями, выражаемыми некоторыми исследователями относительно угрозы, которую несет английский другим языкам [Лю Лифэнь, 2017]. Позитивное отношение к присутствию английского языка, выражаемое представителями молодежной группы испытуемых, уживается со стремлением знать и использовать родной язык. Так, молодежная группа участников эксперимента – носителей башкирского языка проявляет неплохое знание родного языка наряду со знанием русского языка, демонстрируя это путем критического анализа перевода русских названий улиц на башкирский язык, о чем мы упоминали ранее [Пешкова, 2016].

Можно предположить, что в этом и заключается одна из особенностей верbalного сознания университетской (студенческой и аспирантской) группы молодежного социума нашего политечнического города – в стремлении не забывать и использовать родные языки, русский и башкирский, в повседневной жизни, в отношении носителей башкирского языка к русскому как второму родному языку, о чем свидетельствуют не только результаты наших экспериментов, но и работы других региональных исследователей [Салихова, 2012, с. 347]; наконец, в лояльном отношении к «чужому» английскому языку как инструменту познания мира, лежащего за пределами своего региона и страны.

Список литературы

- Кирилина А.В.* Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – Тверь, 2013. – № 24, вып. 5. – С. 159–167.
- Лю Лифэнь.* Русский компонент лингвистического ландшафта города Санья: Современное состояние // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2017. – № 6 (66). – С. 184–190.
- Пешкова Н.П.* Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиглантическом социуме // Вопросы психолингвистики. – М., 2016. – № 3 (29). – С. 229–240.
- Пешкова Н.П.* Зоны потенциального конфликта в лингвистическом ландшафте полиглантического города // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – М., 2017 а. – № 4. – С. 16–23.
- Пешкова Н.П.* Лингвистический ландшафт полиглантического города: Особенности вербального воздействия // Вопросы психолингвистики. – М., 2017 б. – № 3 (33). – С. 108–122.
- Протасова Е.Ю.* Вариативность лингвистического ландшафта России // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск, 2015. – № 1. – С. 91–102.
- Салихова Э.А.* Специфика этноязыкового сознания современных башкир // Жизнь языка в культуре и социуме-3: Материалы международной конференции. – М., 2012. – С. 345–349.
- Федорова Л.Л.* Языковой ландшафт: Город и толпа // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия История, филология. – Новосибирск, 2014. – Т. 13, вып. 6: Журналистика. – С. 70–80.
- Landry R., Bourhis R.Y.* Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16(1). – P. 24–49.
- Spolsky B., Cooper R.L.* The Languages of Jerusalem. – Oxford, 1991. – 166 p.

4. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни

ГЛОБАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ: НОВАЯ ФОРМА ДИГЛОССИИ?

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы соотношения в современных научных публикациях работ, написанных на так называемом «глобальном» языке, т.е. на тех вариантах английского языка, которые принято объединять под общим названием International English, когда он не является родным языком автора, и на других языках. Отмечается, что начиная со второй половины XX в. можно говорить о тенденции его экспансии, результатом которой является сокращение использования национальных языков в данной сфере, включая и такие распространенные, как немецкий или французский. Для России названный процесс приобрел актуальность несколько позднее – на рубеже прошлого и нынешнего века. С одной стороны, распад Советского Союза обусловил резкое сокращение (а в некоторых случаях и практически полное прекращение) применения русского языка в качестве общего средства научного общения в бывших советских республиках; с другой – в связи с лозунгом о необходимости «вхождения в мировое научное сообщество» наблюдается стремление использовать английский и в научных работах русских ученых, основной аудиторией которых нередко является русскоязычная. В связи с этим указывается, что подобное положение позволяет рассматривать соотношение английского и национальных языков в области науки как диглоссийное, поскольку именно для диглоссии наиболее характерным признаком часто считается деление идиомов на «престижные» и «непрестижные» средства коммуникации. Не отрицая объективной потребности наличия общего языка научного общения, авторы вместе с тем считают, что указанный процесс может иметь не только положительные последствия, особенно по отношению к гуманитарным и общественным наукам.

Ключевые слова: глобальный; национальный; английский язык; русский язык; диглоссия; научный; публикация.

GLOBAL AND NATIONAL LANGUAGES IN SCIENTIFIC PUBLICATIONS:
TO BE REGARDED AS A NEW FORM OF DIGLOSSIA?

Abstract. The present paper deals with the problem of a proportion between scientific publications in the «global» language (i.e. different variants of the so-called International English, which is not a mother tongue of the authors who use it) and national languages. It is mentioned that its wide expansion can be observed in the second part of the 20th century. The result is the diminishing of scientific works in other idioms, even including such popular ones as German and French. The said tendency became especially important for Russia a little later, at the end of the last and the beginning of the present century. On the one hand, the disintegration of the Soviet Union resulted in the reduction (and, in some cases, practically in the termination) of using Russian as the scientific *lingua franca* in former Soviet republics; on the other hand, the slogan about the necessity to enter the «global scientific community» could also stimulate the use of English by Russian authors, even when their products were actually destined for the Russian-speaking audience. The article postulates that the described situation may be defined to some degree as a special form of diglossia because a specific feature of the latter is often characterized as the segregation of idioms by «prestigious» and «non-prestigious» means of communication. The authors do not deny the necessity of the common language in scientific intercourse; at the same time, the said process may not have got only positive consequences, especially in humanities and social sciences.

Keywords: global; national; English; Russian; diglossia; scientific; publication.

Термин *диглоссия* принадлежит к числу наиболее распространенных понятий социолингвистики, однако трактуется он в различных исследованиях, вышедших в свет после появления в конце 50-х годов XIX в. классической работы Ч. Фергюсона, неодинаково. Американский ученый усматривал в диглоссии ситуацию, при которой имеет место употребление некоторыми представителями одной и той же речевой общности двух или более разновидностей одного языка в зависимости от условий общения («two or more varieties of the same language are used by the some speakers under different conditions» [Ferguson, 1959, p. 325]; русский перевод названной работы см. в: [Фергюсон, 2012]). В специальной литературе можно найти и более широкое определение, согласно которому диглоссия представляет собой «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [Виноградов, 1990, с. 136]. Указанное расхождение отражается, в частности, и на квалификации конкретных фактов. Так, по мнению И.Б. Мечковской, «русско-французское двуязычие дворянской аристократии в России конца XVIII – первых десятилетий XIX в., как и сосуществование латыни и народных языков в средневеко-

вой Европе, – это не диглоссные ситуации» [Мечковская, 2000, с. 109]. Согласно В.А. Виноградову, дело обстоит иным образом: «Компонентами диглоссии могут быть разные языки (напр., французский и русский в дворянском об-ве России XVIII в.), разные формы существования одного языка (лит. язык – диалект, напр., классич. араб. язык и местные араб. диалекты в странах Магриба), разные стили языка (напр., книжный – разговорный в теории трех “штилей” М.В. Ломоносова)» [Виноградов, 1990, с. 136].

Поскольку предлагаемая статья не ставит своей целью исследование теоретических проблем, связанных с понятием диглоссии, мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе. Отметим только, что независимо от конкретного содержания, вкладываемого теми или иными авторами в данный термин, в любом случае он обладает таким специфическим признаком, как *неравноправное отношение* к составляющим его компонентам. Ч. Фергюсон в этой связи использует понятие престижа, выделяя его в отдельный подраздел (Prestige) и подчеркивая: «In all the defining languages the speakers regard II as superior to I in a number of respects» [Ferguson, 1959, р. 329]. И.Б. Мечковская акцентирует внимание на том обстоятельстве, что «для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, похожая на взаимоотношения “высокого” и “обыходного” стилей; при этом ситуации и сферы их употребления достаточно строго разграничены» [Мечковская, 2000, с. 109]. У В.А. Виноградова говорится о том, что диглоссия «предполагает обязательную сознательную оценку говорящими своих идиомов по шкале “высокий – низкий” (“торжественный – обыденный”)» [Виноградов, 1990, с. 136].

Это обстоятельство позволяет применить – с некоторыми оговорками – понятие диглоссии к такой области, как функциональное распределение идиомов, на которых осуществляется научный дискурс. И, в первую очередь, речь здесь идет о том, насколько названное распределение между своим (т.е. национальным) языком исследователя и тем средством коммуникации, который в тот или иной период рассматривается как имеющее международный характер, определяется указанным фактором. Поскольку в настоящее время в качестве такого средства рассматривается почти исключительно английский язык, дальнейшее изложение будет посвящено именно ему.

Отметим, что понятие «научной диглоссийности» в том смысле, в каком оно используется в предлагаемой статье, не распространяется на те ситуации, когда английский является либо родным языком автора научной работы, либо языком страны, гра-

жданином которой он является. В этом случае английский выступает не только как наднациональное средство коммуникации, но и как национальный язык создателя текста. О каком-либо отказе от своего в пользу международного речь здесь не идет.

Иначе обстоит дело с теми, кому «не повезло» принадлежать к англоязычному миру и для кого в большинстве случаев такой компонент диглоссии, как «надэтнический (экзоглоссный) характер престижного языка» [Мечковская, 2000, с. 109], действительно актуален прежде всего в том смысле, что обращение к нему подразумевает в соответствующей области если не отказ, то ограничение пользования своим. В этом отношении нам представляется весьма любопытной появившаяся десять лет назад в одном из интернет-журналов и неоднократно воспроизводившаяся на различных сайтах статья, автор которой не просто призывал к использованию при ознакомлении зарубежных коллег с результатами своих трудов «глобального языка современной науки» (что вообще-то никем особенно отрицается), но и предложил свою схему такого рода функционального распределения, диглоссийный характер которой – с точки зрения значимости и престижности каждого языка, на котором публикация осуществляется, – весьма заметен: «На мой взгляд на русском языке должны публиковаться (1) диссертации, (2) учебники и учебные пособия, включая учебные определители, (3) монографии, если результаты, включенные в них, опубликованы или планируется опубликовать на английском. Что касается научных статей, то на русском можно публиковать обзорные статьи – (1) сводки, обобщающие результаты работы по тому или иному проекту, и (2) ретроспективные обзоры-компиляции по той или иной проблематике» [Островский, 2009, с. 184]. К этому присоединяются также нередко встречающиеся высказывания типа: «Язык напрямую влияет и на авторитетность самого научного издания», откуда следует вывод: «90 процентов российских научных журналов можно было бы и не издавать» [цит. по: Яшина, 2009].

Насколько такое прямолинейное применение шкалы «высокий – низкий» по отношению к характеру публикаций на русском языке (вряд ли можно сомневаться в том, что перечисленные сферы, где допускается применение русского языка, явно оцениваются в плане научной значимости по второму компоненту шкалы теми, кому принадлежат подобные высказывания) приемлемо в моральном аспекте. Это отдельный вопрос, заслуживающий спе-

циального рассмотрения (отчасти он будет затронут ниже). Однако у него есть и другие стороны, требующие объективного анализа.

Обратимся к истории. Конечно, о «глобальном» языке до второй половины XX в. речи идти не могло, но с момента своего появления европейская наука обладала научным *lingua franca* в лице латыни. Не будучи родной ни для кого, латынь имела несомненное преимущество в плане отсутствия такого фактора, как ущемление национального самосознания, поскольку являлась в равной степени чужой (или, с другой стороны, как бы «своей») для всех причастных к сфере науки лиц. Вопрос о степени генетического родства – более близкого с романскими языками, более отдаленного – с германскими или совсем не имеющего его, как, например, с венгерским, роли не играл. Вряд ли причину того, что латынь утратила функцию языка науки, приходится искать в ее «устарелости» и «неприспособленности» для выражения терминов и понятий, необходимых для обеспечения прогресса различных областей знания: они, в абсолютном большинстве, имеют как раз латинское происхождение. Более того, пример иврита показывает, что функционирование любой сферы деятельности в современном мире возможно на языке, ставшем «мертвым» задолго до латыни и – если говорить именно о научной области – представленном в ней вплоть до своего возрождения в середине XX в. в гораздо меньшей степени.

Процесс отказа от общенаучного коммуникативного средства в пользу национальных принял наибольший размах именно в тот период, который характеризовался обостренным отношением к формированию и развитию национального самосознания, с одной стороны, и связанным с этим стремлением постигнуть «дух языка» в неразрывной связи с «духом народа» и выявить его роль не только как средство *выражения*, но и как средство *формирования* мысли, в том числе и научной, – с другой. Иными словами, осознание значимости национальной самобытности в духовной сфере неизбежно должно было распространиться и на ту ее часть, которая относится к постижению окружающей действительности, а это, в свою очередь, требовало и *национальной научной традиции на национальном языке*. В работе Л. Ольшки (начало XX в.) эта тенденция была подробно рассмотрена. Автор с сожалением замечает, что «естественные науки, оперирующие символами и формулами, обычно рассматривают слово в <...> пассивной роли и не интересуются постоянными связями, существующими между понятием и его выражением», но далее уточняет, что «если физик

или математик, вообще, не считают язык необходимым предварительным условием своего мышления, то все же и с их точки зрения язык является средством уточнения оттенков мысли <...> от свойств этого орудия зависит совершенство всякого приобретенного познания <...> мыслители и изобретатели творчески определяющие воздействовали на его развитие и уточнение, поскольку богатство современного им народного и литературного языка, составлявшего также их достояние, представляло таинственное и постоянно воздействующее на мышление стимул и средство адекватности выражения идей» [Ольшки, 1933, с. 4].

Связь приведенного рассуждения с идеями В. фон Гумбольдта весьма заметна. Примечательно, что за приведенными словами следует цитата из труда Александра фон Гумбольдта, занимавшегося теми самыми естественными науками, что и процитированные выше пропагандисты глобальной англизации: «Мысль и речь находятся издревле во внутреннем взаимодействии <...> Поэтому слово есть нечто большее, нежели только символ и форма, и его таинственное влияние наиболее оказывается там, где оно вытекает из свободного народного духа и *произрастает на родной почве*» [Ольшки, 1933, с. 5] (курсив наш. – Авт.). Приведенные словаозвучны современному высказыванию Ю.Н. Кауалова, подчеркивавшему, что именно «родной язык является самым совершенным инструментом» [Кауалов, 2007, с. 261].

Фактически теоретическое признание того, что любое творчество, включая научное, лучше всего «произрастает на родной почве», не означало реального равноправия в данной сфере конкретных языков – причем даже отнюдь не малочисленных или не имеющих своей научной традиции. Бок о бок с ним могло соседствовать молчаливое, – а иногда и открыто провозглашаемое и напоминающее нынешние глобалистские лозунги – утверждение о том, что интернациональный характер науки предполагает применение в ней такого языка, который будет понятен за национальными пределами. После латыни на эту роль с переменных успехом претендовали французский и немецкий, которые в XX столетии вынуждены были уступить свои позиции английскому.

Ситуация с немецким, пожалуй, в этом плане наиболее характерна. Иногда даже говорят о том, что «история XX в. – это не столько история головокружительного взлета английского, сколько история упадка немецкого как главного языка научной коммуникации» [Столярчук, 2014. – Электронный ресурс].

Несколько лет назад радиостанция «Немецкая волна» посвятила этому вопросу специальную передачу (на русском языке!), в которой, в частности, отмечалось: «Претенденты на кандидатскую степень в берлинском институте Charite должны предъявить 30 публикационных баллов. Их можно заработать, выпустив либо 55 статей в немецкоязычных изданиях, либо четыре статьи – в англоязычных, – пишет газета *Süddeutsche Zeitung*. – Угадайте, где публикуются ученые?» [Бах, Биркеншток, Польская, 2011. – Электронный ресурс]. Схожие сетования можно найти и у других авторов: «В естественных науках, в математике, в науке о жизненных формах биологии, в экономической науке – во всех этих дисциплинах почти ничего теперь не публикуется на немецком языке. Все говорится, читается и пишется по-английски. Конгрессы, проходящие на немецкой земле, проводятся, естественно, на английском языке. Поэтому вопрос о переводчике вызывает при этом очень большое удивление <...> Однако немецкий язык давно уже исчез или находится в процессе исчезновения не только в названных дисциплинах; в гуманитарных науках также отмечается утрата немецким языком своих позиций» [Витцтум, 2013. – Электронный ресурс]. То есть можно констатировать, что немецкий фактически оказался элементом диглоссийной ситуации, причем как раз в роли «менее престижного» компонента, разделив судьбу других национальных языков в научной сфере.

Не лишено интереса то обстоятельство, что «научная диглоссийность» в той форме, в какой она в настоящее время представлена в нашей стране, – отступление перед английским языком в публикационной сфере при сохранении применения русского языка в устной научной коммуникации – представлялась создателям упомянутой передачи более предпочтительной, чем положение в Германии: «Количество научных публикаций на русском также уменьшается, но ученые в России по-прежнему общаются между собой на родном языке. В этом основное отличие: в немецких университетах все чаще слышна английская речь – на лекциях, семинарах, среди студентов и научных сотрудников. Почти 600 специальностей в вузах Германии частично или полностью преподаются на английском языке. До абсурда ситуация доходит, когда ученые в Германии проводят конференции или читают лекции на посредственном или скверном английском, даже когда вся аудитория говорит на немецком» [Бах, Биркеншток, Польская, 2011. – Электронный ресурс].

О том, к каким любопытным результатам может привести стремление «вписаться» в англоязычный научный дискурс, свидетельствует эпизод, рассказанный одним из наших немецких коллег. «Однажды вместе с пятью философами он участвовал в обсуждении Гегеля. Поскольку один из них был американцем, то немцы говорили на английском. «Так продолжалось до того момента, пока американец не попросил нас перейти на немецкий. Он сказал, что ему будет более понятен Гегель на родном для немецкого философа языке»» [Витцтум, 2013. – Электронный ресурс].

Вернемся теперь к более важной для нас ситуации с русским языком. «Научная диглоссийность» проявлялась по отношению к нему двояким образом – как в роли менее, так и более значимого языка научного творчества.

Первое имело место постольку, поскольку речь шла о деятельности, обращенной вовне, т.е. с расчетом на зарубежное признание. Об этом подробно писал Л.В. Щерба, говоря о судьбе идей выдающихся представителей отечественного языкознания: «В старой России было три замечательных лингвиста-теоретика: А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов и И.А. Бодуэн де Куртенэ <...> Они были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но не были вождями мировой науки о языке. Причины этого глубокие и сложные <...> Внешняя причина лежит, конечно, в языке, на котором они все писали: *rossica non leguntur*. Один из видных лингвистов <...> сказал мне тридцать пять лет тому назад на прощанье, после того как я целый год у него занимался одним редким языком: “Желаю Вам стать знаменитым специалистом по этому языку; только не пишите по-русски – все равно не буду читать”» [Щерба, 1963, с. 89–90].

Сам Л.В. Щерба к этой рекомендации не прислушался и свою докторскую диссертацию о восточнонлузицком наречии опубликовал и защищал на русском языке. Примечателен тот факт, что в данном случае речь шла о работе по славянскому языкознанию, где возможность знакомиться с трудами на русском языке, казалось бы, должна рассматриваться как непременная профессиональная компетенция специалиста. Однако сказанные молодому (тогда) исследователю из России слова отнюдь не были чем-то случайным, о чем наглядно свидетельствует эпизод, имевший место в начале XX в. на съезде славистов, происходившем в столице Российской империи в 1903 г., когда возник вопрос о рабочих языках этого мероприятия. Хорват по происхождению И.В. Ягич «выступил с предложением допустить для докладов на пленарных заседаниях только один русский язык», а крупнейший отечествен-

ный русист А.А. Шахматов «предложил разрешить в общих собраниях съезда выступления других ученых на их родных языках, поскольку славянские языки представляют для них практические трудности» (напомним, что речь идет о профессиональных славистах, и предлагаем вообразить, насколько мыслима ситуация, когда на встрече профессиональных германистов кто-то стал бы ссылаться на «практические трудности» в использовании английского или немецкого). Дело закончилось компромиссом: «Принятое постановление гласило, что языком делопроизводства будет русский, а на пленарных и секционных заседаниях допускаются доклады и выступления на всех славянских языках, а также на французском, английском, немецком и итальянском языках» (т.е. по существу, каждый мог выступать на своем) [Лаптева, 2012, с. 19].

Еще более оригинальная ситуация возникла при обсуждении вопроса о том, на каком языке надлежит издавать проектируемую «Энциклопедию славянской филологии». Немецкий участник Л.К. Гётц, который, ссылаясь на желание, «чтобы не только славянский, но и весь западный ученый мир познакомился с состоянием славянской науки и культуры», и подчеркивая, «что лишь немногие из западноевропейских ученых знают русский язык, – <...> предложил как “общеупотребительный научный язык” сперва латинский, а когда он был отклонен собранием, как другой в ученом мире “общеупотребительный” – немецкий» [Лаптева, 2012, с. 20]. Не беремся судить, насколько серьезно выглядело в начале прошлого века первое предложение, но нетрудно предугадать, какую познавательную ценность это многотомное издание представляло бы в случае его реализации в наши дни, когда на латыни фактически перестали писать и читать вообще, а о ситуации с немецким наглядно свидетельствуют приведенные выше фрагменты.

Однако приведенные примеры вряд ли способны изменить позицию тех, кто разделяет лозунг о необходимости не просто использовать в определенных случаях «международный язык науки», но и в идеале вообще отказаться от русского, т.е. фактически перейти от диглоссийности к монолингвальности. Продолжим в этой связи рассуждения одного из таких авторов: «НАУКА – ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНА! Чувство национального приоритета можно разделять или не разделять. Я – не разделяю! <...>. Научное сотрудничество стократ продуктивней гонки за первенством! <...>

Английский язык ввиду своей доступности, информативности и лаконичности в последние 50 лет стал языком международного общения. Ранее эту роль выполняла латынь, некоторое время – не-

мецкий, теперь же – язык Шекспира. Публиковать свои статьи на английском – в настоящее время единственный способ довести ваши данные и соображения до сведения широкого научного сообщества. В нынешних условиях – это не блахъ, а необходимость <...>.

Так что, спросите вы, вообще не публиковать статьи на русском? На это нет однозначного ответа. С одной стороны, во всем мире все меньшее количество публикаций выходит на “национальных” языках. И если мы отбросим старый лозунг, что, мол, “заграница нам не указ!”, то постепенная коррекция этого дисбаланса в российских научных изданиях – лишь дело времени. На этом фоне и к всеобщей выгоде интеграция российской науки в науку мировую в значительной степени облегчится. Кроме этого, постепенно отомрет русский канцелярский “научный” язык – один из самых мощных тормозов российской науки <...> Доставшийся нам от немцев “научный” канцелярит оказался неимоверно живучим» [Островский, 2009, с. 179. – Электронный ресурс].

Нетрудно заметить, что автор несколько лукавит – ответ на поставленный им вопрос дается однозначный. Если же принять во внимание, что «доставшимся от немцев научным канцеляритом» именуется тот самый подъязык русской науки, который создавался (действительно, не без немецко-латинского влияния) начиная с XVIII в. трудами М.В. Ломоносова и его продолжателей, то утверждения типа: «И если российская научная интелигенция конца XIX – начала XX века, хранившая и безупречно владевшая настоящим, живым русским языком, оставила блестящие образцы того, как следует им пользоваться при написании научных работ, то в советский период неуклюжий, искусственный, заштампованный язык науки ожил вновь» [Островский, 2009, с. 181. – Электронный ресурс], – трудно квалифицировать иначе, как неуважение к почти столетнему периоду отечественной научной традиции.

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание попытка оперировать квазилингвистическим аргументом относительно «доступности, информативности и лаконичности» английского языка, чем, по мысли автора, «русский канцелярский “научный” язык» не обладает. Опять-таки позволим в этой связи процитировать одного из наших немецких коллег: «То, что английский язык легко выучить – заблуждение, – утверждает Клаус Райхерт (Klaus Reichert), известный англист и переводчик. Профессиональный английский настолько сложен, что среди немецких ученых им владеют считаные единицы, подчеркивает он. Это отражается на содержательности научных трудов» [Бах, Биркен-

шток, Польская, 2011. – Электронный ресурс]. Нелишне в данном случае обратиться и к высказыванию одного из наиболее известных современных британских языковедов Д. Кристала. Говоря о том, что распространение английского языка часто склонны объяснять указанием «на более простую, чем у других языков, грамматику, небольшое количество флексий, отсутствие необходимости запоминать различия между мужским, женским и средним родом, т.е. что он проще для изучения», автор, будучи профессиональным лингвистом, замечает: «Подобные доводы несостоятельны. Ведь в прошлом основным международным языком был латинский, несмотря на наличие у него многочисленных флексий и грамматических родов. Французский также был и остается таким языком, хотя его существительные могут быть мужского и женского рода. В разное время и в различных местах эту роль играли и играют такие высокофлективные языки, как греческий, испанский и русский. Следовательно, критерий простоты изучения языка здесь не подходит. У всех народов мира дети учатся говорить примерно в одном и том же возрасте независимо от сложности грамматики родных языков» [Кристал, 2001, с. 22–23].

Теперь несколько слов о другой стороне рассматриваемого вопроса. В ситуации «научной диглоссии» русский язык – когда речь шла о ситуации внутри страны (будь то Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация) – выступал по отношению к другим представленным в ней идиомам в роли более престижного компонента по отношению к языкам национальных республик, поскольку публикации за рубежом, хотя и имели место, но были в ряде случаев затруднены, а сделать свои труды достоянием научного сообщества в СССР, в основном, можно было именно на русском. Разумеется, при официальном провозглашении принципа «гармоничного и равноправного расцвета всех языков советских народов» данное обстоятельство не всегда акцентировалось, однако если брать область научных исследований, то в п. 83 принятого 29 декабря 1975 г. «Постановления о Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» было сказано: «Защита диссертации при согласии членов совета и оппонентов может проводиться на родном языке соискателя. Все документы по присуждению ученых степеней: диссертации, авторефераты, документы личного дела, стенограммы заседаний советов и т.п. – представляются в ВАК СССР на русском языке.

Если основные положения диссертации опубликованы на других языках народов СССР или иностранных языках, к диссертации в виде приложений должны быть приобщены соответствующие переводы на русский язык, удостоверенные советом, в котором проводилась защита» [Постановление.., 1975. – Электронный ресурс].

Отметим, что названный пункт вызвал неоднозначную реакцию в некоторых республиках, входивших в состав СССР, поскольку в нем усматривали фактическое ограничение использования национальных языков в научной сфере и своего рода принудительное стимулирование перехода на русский. К концу советской эпохи в связи с происходившими в стране процессами данное требование претерпело существенное изменение, и в принятом на рубеже 80–90-х годов нормативном документе находим уже следующую формулировку (п. 44): «Документы по присуждению ученых степеней, перечень которых устанавливается ВАКом СССР, представляются в ВАК СССР на русском языке. Если основные положения диссертации, написанной не на русском языке, опубликованы на других языках народов СССР или иностранных языках, то в необходимых случаях по запросу ВАКа СССР специализированный совет должен представить эти положения диссертации на русском языке» [Постановление.., 1989. – Электронный ресурс].

После распада СССР ситуация коренным образом изменилась. Русский язык был либо вообще исключен из данной сферы, где установилась, если можно так выразиться, «национально-глобальная диглоссия», либо сохранился в качестве третьего компонента, однако значительно уступающего по своему престижу английскому. Если предположить, что рекомендации ревнителей англизации науки реализуются в полной мере, то придется говорить уже не о диглоссии, а о моноглоссии, что можно будет охарактеризовать как языковой сдвиг в коммуникации в научной сфере.

Не касаясь того, как подобная перспектива повлияет на положение дел в точных и естественных науках (хотя, если вспомнить, какие усилия были предприняты отечественными учеными для создания русского научного языка и какие результаты были достигнуты в этом непростом деле, отказ от него выглядит своего рода лингвокультурным варварством), остановимся на непосредственно близких нам областях.

Во-первых, в гуманитарной сфере важно не только *что*, но и *как* написано, и «усредненный» чужой язык может отрицательно оказаться на качестве самой работы. Здесь более чем где-либо представляется справедливым замечание уже неоднократно цитировавшихся нами немецких авторов: «Переходя на английский, деятели науки надеются привлечь иностранных коллег и расширить свою аудиторию, но, пользуясь кальками с немецкого языка, лишь обезображивают свои работы» [Бах, Биркеншток, Польская, 2011. – Электронный ресурс].

Во-вторых, интернационализм науки – понятие относительное. Если математические формулы действительно можно считать таковыми, то исследование особенностей языка, исторических событий, мировоззренческих проблем трудно представить себе вне связи с национальной почвой, на которой они существуют.

В-третьих, необходимость публиковаться на чужом языке и в подавляющем большинстве случаев в *чужих изданиях* вынуждает отечественных ученых приспосабливаться к существующим в них требованиям, причем не только формальным. Мы намеренно не касались подобных экстранаучных моментов, но их наличие, особенно в период обострения отношений с западным миром, очевидно – опять-таки, в первую очередь, в сфере гуманитарного знания. Здесь складывается парадоксальная ситуация – вопреки поговорке, что платит тот, кто заказывает музыку, нередко приходится платить самим авторам, причем немалые по меркам российских исследователей суммы.

Полагаем, что приведенные соображения позволяют предположить, что поспешная интернационализация / глобализация российской науки в языковом отношении может принести не только блага вхождения в мировое научное сообщество, но и неоднозначные последствия, о которых не стоит забывать. И в этой связи представляется вполне оправданной точка зрения, согласно которой «увеличение публикаций на английском языке должно идти параллельно с улучшением качества публикаций на русском. Не стоит забывать, что язык – это не только средство коммуникации, но и отражение культуры и мировосприятия народа. Обеднение родного языка в угоду коммуникации с иноязычным контингентом может привести и к обеднению собственной культуры. В результате, понимать нас, возможно, и станут лучше, но вот ценить будут меньше» [Яшина, 2009. – Электронный ресурс].

Считаем целесообразным добавить, что, на наш взгляд, речь должна идти не только о повышении качества работ на националь-

ном языке (данное требование, кстати, распространяется и на англоязычные публикации, ибо само по себе использование глобального языка вряд ли таковое гарантирует), но и о повышении их престижа – особенно в области гуманитарных и общественных наук. Иными словами, крайне желательной представляется ситуация не научной диглоссии, а научного билингвизма. Он, как отмечалось выше, был характерен для отечественной научной мысли уже в эпоху ее формирования – достаточно вспомнить латинские труды М.В. Ломоносова – и успешно функционировал во все периоды, когда перед ним не возникали преграды экстрапаучного характера. Адресуясь к зарубежным коллегам на принятом в их среде средстве коммуникации, между собой ее представители использовали, прежде всего в гуманитарных областях, именно русский, и сама постановка вопроса о том, нужно ли писать научные труды *обязательно* на русском языке, показалась бы корифеям отечественной науки, мягко говоря, несколько странной.

Список литературы

- Бах А., Биркеншток К., Польская К.* Немецкий язык в науке: Золушка, мечтающая снова стать принцессой // DW 17.11.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15536118,00.html> (Дата обращения: 05.04.2019 г.)
- Виноградов В.А.* Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136.
- Виттгум Т.* Почему немецкий исчезает как язык науки? // Иносми.ру. Die Welt 29.01.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20130129/205209243.html> (Дата обращения: 19.05.2018 г.)
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 261 с.
- Кристал Д.* Английский язык как глобальный. – М.: Весь мир, 2001. – 240 с.
- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.
- Мечковская И.Б.* Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
- Ольшики Л.* История научной литературы на новых языках. – М.; Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933. – Т. 1: Литература техники и прикладных наук от Средних веков до эпохи Возрождения. – XXV+303 с.
- Островский А.Н.* Зачем и как публиковать научные статьи в иностранных журналах? // Химия и химики: Электронный журнал. – 2009. – № 2. – С. 178–199. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chemistry-chemists.com/N2_2009/

178-199.pdf (Дата обращения: 04.04.2019 г.); <http://www.sci-lib.net/index.php?showtopic=7048> (Дата обращения: 24.09.2019 г.)

Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1975 г. № 1067 о Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8776.htm (Дата обращения: 06.04.2019 г.)

Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186. Вопросы аттестации научных и научно-педагогических кадров // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16122.htm (Дата обращения: 07.04.2019 г.)

Стоит ли писать по-русски? // Филолингвия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filolinguia.com/publ/stoit_li_pisat_po_russki/215-1-0-5402 (Дата обращения: 04.04.2019 г.)

Столярчук А. Как английский стал языком науки вместо немецкого // Научная Россия. – 2014. – 21.11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/pochemu-anglijskij-stal-jazykom-nauki> (Дата обращения: 05.04.2019 г.)

Щерба Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 89–93.

Фергюсон Ч. Диглоссия // Социолингвистика и социология языка: [пер. с англ.] / отв. редактор Н.Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 43–62.

Яшина Г.А. Стоит ли писать по-русски? // Капитал страны. – 2009. – 19.11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/175308> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)

Ferguson Ch.A. Diglossia // Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. – 1959. – Vol. 15. – P. 325–340.

Н.Н. Германова

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ И СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЛИНГВА ФРАНКА ИЛИ ЯЗЫК-АГРЕССОР?

Аннотация. В статье сопоставляются различные точки зрения на неоднозначные последствия распространения английского языка в европейской системе образования и науке. Автор приводит статистические данные, свидетельствующие о доминировании английского языка в образовательном пространстве и в результате так называемого «эффекта домино» также вытесняющего другие мажоритарные языки из сферы науки. Показано, что наряду с формированием общеевропейского образовательного пространства, что является положительным моментом, доминирование английского языка сокращает функциональный потенциал европейских языков. В статье рассматриваются различные подходы европейских политиков и лингвистов к решению этой проблемы. В частности, в рамках лингвистической теории стремление оправдать диктат английского языка подталкивает ряд лингвистов к пересмотру самого понятия «утрата сферы употребления языка». Для обоснования такой позиции приводятся три типа аргументов. Во-первых, ряд авторов предлагают пересмотреть понятие «сфера употребления языка», предложенное Дж. Фишманом. В самой постановке вопроса о борьбе языков усматривают эссециализм и реификацию понятия «язык». Во-вторых, предлагается расширить границы образовательной и научной сфер употребления языка за счет включения в них маргинальных типов дискурсов, таких как составление учебного расписания или обсуждение научных проблем непрофессионалами. В-третьих, подчеркивается характерное для образовательного и научного дискурсов переключение кодов, которое не позволяет говорить о полном диктате английского языка в этих сферах. В статье также затрагивается проблема евроанглийского языка как языкового идиома с неопределенным на настоящий момент лингвистическим статусом. Как показано в статье, оценка этого идиома существенно варьирует: в то время как одни авторы видят в нем всего лишь интеръязык, формирующийся из-за недостаточного владения иностранным языком, другие признают в нем новый вариант английского языка, даже превосходящий в плане эффективности английский носителей языка.

Ключевые слова: английский язык; языковая политика; утрата сферы употребления языка; язык преподавания; лингва франка.

N.N. Guermanova
THE ENGLISH LANGUAGE IN EUROPEAN EDUCATION AND SCIENCE:
LINGUA FRANCA OR AN AGGRESSOR?

Abstract. The author compares conflicting points of view on the consequences of the expansion of the English language in European education and science. Statistics demonstrating the dominance of English in European educational space and, as a result of the so called domino effect, in the scientific domain, are given. It follows that alongside with the formation of the all-European educational space, which is a positive achievement, the dominance of English reduces the functional potential of European languages. The article covers different approaches of both politicians and linguists to this problem. In particular, in linguistics the desire to justify the dominance of English makes certain linguists reconsider the notion of 'domain loss'. To support this approach three types of arguments are given. Firstly, some linguists suggest reconsidering the concept of 'domain' as it was formulated by Joshua Fishman. The authors discussing the problem of competition among languages are criticized for essentialism and reification of the notion of language. Secondly, there are those who propose to broaden the notions of the educational and scientific domains, so that they would cover marginal types of discourses, such as, for example, the arrangement of the students' timetable or the discussion of academic topics by laymen. Thirdly, code-switching, typical of educational and academic discourses, which does not allow to speak of the absolute dominance of English in these domains, is emphasized. The author also raises the issue of Euro-English as an idiom whose linguistic status still remains uncertain. As it is shown in the article, the treatment of this idiom varies significantly: while some linguists consider it to be merely an interlanguage which appears as a result of the imperfect knowledge of the language, others see it as a new variant of the English language, which even surpasses in its effectiveness the English of native speakers.

Keywords: English language; language policy; domain loss; English medium instruction; lingua franca.

В последние десятилетия важнейшим фактором, определяющим языковую палитру мира, является глобализация. Хотя, как указывают лингвисты, последствия глобализации весьма неоднозначны [Алпатов, 2004; Graddol, 2006], ее наиболее очевидным результатом является распространение английского языка, который в настоящее время оказывает влияние не только на миноритарные, но и на коммуникативно мощные языки, в том числе и на те, которые, по Де Сваану, получили название «суперцентральных» (французский, немецкий, испанский) [De Swaan, 2013]¹. Под давлением английского языка коммуникативный потенциал этих национальных языков сокращает-

¹ По Де Сваану, суперцентральные языки противопоставлены гиперцентральному английскому языку и центральным языкам, таким как шведский, датский, каталанский и т.п. – *Прим. авт.*

ся, что в перспективе может привести к потере целых сфер использования языка, прежде всего научной и образовательной.

Английский язык присутствует в европейской системе образования на разных этапах обучения, начиная с детского сада и заканчивая университетом, и в разных «обличиях». В современной Европе английский язык является не только наиболее широко изучаемым иностранным языком, но и языком преподавания (*English Medium Instruction*, сокращенно *EMI*). Кроме того, он совмещает функции иностранного языка и языка преподавания в так называемом *Content and language integrated learning* (сокращенно *CLIL*), в рамках которого язык и учебный предмет изучаются одновременно. Существуют также курсы английского языка для академических целей, курсы английского языка для специальных целей и т.п. Присутствие английского языка в системе образования можно представить в виде континуума, на противоположных концах которого находится преподавание английского как иностранного языка (акцент на изучении языка) и использование английского языка как языка преподавания (акцент на учебном предмете) [Macaro, 2018].

Распространение английского языка уже привело к сокращению преподавания других иностранных европейских языков. В 2016 г. в Европе процент учащихся средней школы, изучающих английский язык, достиг 94%. Вторым по популярности иностранным языком для этой категории учащихся является французский, который изучают 23% европейских школьников; на третьем месте находится немецкий язык [Lanvers, Hultgren, 2018]. Возраст, с которого начинается изучение английского языка, постоянно снижается.

Исследователи приводят такие цифры: в 2001 г. на уровне бакалавриата и магистратуры на английском языке читалось 725 курсов, в 2007 г. – 2389 курсов, в 2014 г. – более 8000 курсов (в основу положено исследование 6673 учебных заведений из 28 стран, в которых английский не является официальным языком). В настоящее время 88% учебных заведений Европы требуют от студентов определенного уровня владения английским языком как условие для зачисления [Macaro, 2018].

На университетском уровне распространение английского языка поддерживается принятым в Европе курсом на интернационализацию высшего образования. Интернационализация образования имеет очевидные плюсы для принимающей стороны: она способствует привлечению иностранных учащихся, увеличивает мобильность студентов, улучшает репутацию учебного заведения как внутри страны, так и за ее пределами.

На первый взгляд, интернационализация европейского образования соответствует языковой политике Европы, ориентиром которой остается провозглашенный в 2003 г. принцип: гражданин ЕС должен знать родной язык плюс два иностранных языка [Promoting language learning... – Электронный ресурс]. Однако на деле она привела не к диверсификации языков преподавания, но к укреплению позиций английского языка.

Так, в 1987 г. с целью активизации международной мобильности студентов была принята программа «Эразмус», которая предполагала изучение студентами языков тех стран, где находились выбранные ими для прохождения обучения университеты. Действительно, поначалу (1980-е и 1990-е годы) часть курсов читалась на языке принимающей стороны, однако в настоящее время ситуация радикальным образом изменилась, и большинство курсов, вне зависимости от места обучения, преподаются на английском языке.

На усиление мобильности европейских студентов за счет создания единого общеевропейского образовательного пространства была нацелена и принятая в 1999 г. Болонская декларация. Однако характерно, что все конференции, форумы, рабочие столы в рамках Болонского процесса проводятся на английском языке, что способствует закреплению английского языка в роли европейского лингва франка.

Наиболее активно идут по этому пути североевропейские и центральноевропейские страны, где уровень владения английским языком весьма высок; на юге Европы использование английского языка в университетском образовании распространено в несколько меньшей степени.

Особая ситуация сложилась во Франции, языковая политика которой направлена на поддержку французского языка как залога национальной идентичности. О значимости этой проблематики для французского законодательства говорят такие цифры: в течение XX в. во Франции было принято около 40 законодательных актов, направленных на поддержку французского языка [Blattès, 2018, р. 16]. Наиболее известным из них остается принятый в 1994 г. Закон об употреблении французского языка, более известный как закон Тубона¹, закреплявший статус французского языка во всех общественно значимых сферах коммуникации, в том числе в сфере образования и науки.

¹ Он назван по имени активного сторонника этого закона – министра культуры Франции Жака Тубона. – *Прим. авт.*

Еще до принятия этого закона у него появились противники как в англоязычных странах, так и в самой Франции. Последним удалось добиться определенных уступок, расширив права английского языка в системе французского образования с целью привлечения студентов из-за рубежа, прежде всего из таких стремительно развивающихся стран, как Китай, Индия, Южная Корея.

Это положение было закреплено во второй статье Закона Фиоразо¹ 2013 г., согласно которой в высших учебных заведениях Франции допускается преподавание на иностранных языках в рамках совместных программ с зарубежными университетами. При обсуждении законопроекта в парламенте его сторонники аргументировали свою позицию как ссылками на необходимость устранения языкового барьера для зарубежных студентов, так и надеждами на то, что рост числа иностранных студентов будет способствовать продвижению французской культуры в мире: пройдя обучение во Франции, студенты-иностранцы могут стать у себя на родине «послами французской культуры» [Blattès, 2018]. Хотя против Закона Фиоразо резко выступили Французская академия и ряд политиков², опасающихся, что он в конечном счете приведет к пересмотру всей многовековой языковой политики Франции и подрыву основ французской идентичности, законопроект был, хотя и с существенными поправками, принят французским парламентом.

Доминирующая позиция английского языка в образовательной системе Европы вызывает дискуссии и за пределами Франции. Мнения политиков, лингвистов и самих участников образовательного процесса расходятся.

Многие принимают сложившееся положение вещей как данность и делают акцент на практической пользе использования английского языка в качестве лингва franca. В академических кругах муссируется вопрос о возможности использовать английский язык как средство для поддержки многоязычия (знакомство с английским может стимулировать интерес к другим иностранным языкам); подчеркивается польза от его изучения для развития когнитивных способностей детей и подростков [Lanvers, 2018]. Исследования показывают, что, по крайней мере в некоторых регионах, сами учащиеся и их родители оценивают практику преподавания английского язы-

¹ Женевьев Фиоразо – министр культуры Франции в 2012–2014 гг. – *Прим. авт.*

² Положение об отмене статей закона Фиоразо, «которые позволяют ограничить преподавание на французском в университетах», содержится, к примеру, в предвыборной программе Марин Ле Пен. – *Прим. авт.*

ка как учебного предмета и практику преподавания на английском языке вполне положительно [Lanvers, 2018].

К английскому языку достаточно позитивно относятся носители языков, которые, по классификации Де Сваана, называются «центральными» (финский, каталанский и т.п.): они видят в английском языке возможность избежать диктата чужого языка, более близкого к ним в историческом и географическом планах, отношения с которым отягощены негативным историческим опытом (для каталанского языка – это диктат испанского, для финского – диктат шведского языка).

Другие авторы, напротив, описывают укрепление позиций английского языка в образовательной сфере в драматических терминах как маргинализацию национальных языков Европы, в результате которой между английским языком и местными языками складываются диглоссные отношения. Это, как полагают критики, грозит этносам потерей национальной идентичности и идет вразрез с политикой ЕС, направленной на диверсификацию языковой политики Европы.

Аргументы против доминирования английского языка в образовательной сфере варьируют от опасений, которые носят частный характер, до проблем глобального масштаба. К соображениям частного характера относится, например, утверждение, что студенты, обучавшиеся на английском языке, могут в дальнейшем иметь проблемы в своей практической деятельности (например, врач, знакомый исключительно с англоязычной терминологией, может испытывать затруднения при общении с пациентами, говорящими на местном диалекте).

Весьма серьезным является вопрос о том, в какой мере использование иностранного языка затрудняет глубокое усвоение изучаемого предмета. В то время как некоторые предметы – международная экономика, журналистика, изучение Интернета и бизнеса – сочетаются с преподаванием на английском языке достаточно гармонично, успешное преподавание на английском языке других дисциплин (например, химии, философии, геологии) представляется более проблематичным [Macaro, 2018].

Еще более глобальной проблемой является перспектива утраты европейскими языками, даже теми, которые, по Де Сваану, относятся к суперцентральным, некоторых функций и сфер употребления. Лингвисты говорят о возможном «эффекте домино», вытеснение языка из одной общественно значимой сферы может повлечь за собой свертывание его функций и в других сферах. Насколько обширными и далеко идущими могут быть последствия «эффекта домино» еще предстоит выяснить, но очевидно, что до-

минирование английского языка в образовательной сфере влечет за собой и его доминирование в языке науки: молодые ученые, получив образование на английском языке, знакомые преимущественно с англоязычной научной литературой и терминологией, по завершении обучения продолжают публиковать результаты своих научных исследований на английском языке.

О свертывании функционального потенциала национальных языков в сфере науки свидетельствуют такие цифры: к 2005 г. доля публикаций на английском языке в сфере естественных наук перевалила за 90%, а в гуманитарных науках – за 80% [Ammon, 2010]. Многие авторитетные научные издательства, даже расположенные в неанглоязычных странах, принимают к публикации только тексты на английском языке. Ситуация усугубляется тем, что именно на публикации на английском языке ориентированы научометрические базы, что также мотивирует ученых публиковать свои работы на английском языке.

Дискуссия о месте национальных языков в сферах образования и науки особенно оживленно ведется в Скандинавских странах, преимущественно в Норвегии, Швеции и Дании, где присутствие английского языка в науке, бизнесе и образовании весьма ощутимо [Montgomery, 2013, р. 123]. В Скандинавских странах проблема потери языком сфер употребления активно обсуждается политиками, деятелями образования и журналистами; оборот *domain loss* (потеря сферы употребления), неизменно употребляемый в алармистском контексте, стал привычным на страницах СМИ.

Эта проблема была осознана и на правительственном уровне. В 2006 г. министерства образования Дании, Норвегии и Швеции опубликовали совместную декларацию, определяющую принципы языковой политики в этих странах (*The Declaration on a Nordic Language Policy*). Эта декларация развивает и углубляет положения, ранее заложенные в так называемой *Nordic Language Convention*¹ (1981), акцентируя необходимость параллельного употребления английского языка и национальных языков в сфере образования и в научных исследованиях с целью развития государственного и индивидуального многоязычия.

Однако парадоксальным образом не все лингвисты разделяют озабоченность доминированием английского языка, которое может

¹ *Nordic Language Convention* была призвана гарантировать возможность получения образования на родных языках учащихся в любой из подписавших эту конвенцию стран (Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия, Швеция). – Прим. авт.

угрожать будущему национальных языков. Ряд западных лингвистов предпринимают попытки представить ситуацию, сложившуюся в образовательной и научной сферах, в более привлекательном свете, пересмотрев само понятие сферы употребления языка (*domain of use*), предложенное еще Дж. Фишманом [Fishman, 1971; Fishman, 1972], или даже отказавшись от него [Haberland, 2005]. Они утверждают, что метафора *domain loss* является результатом реификации и неверного истолкования термин *domain*. По мнению Х. Хаберланда, Дж. Фишман эмпирически выводил понятие *domain* из анализа речевой деятельности говорящих (ср. предложенное Дж. Фишманом определение *domain* как «кластера социальных ситуаций, ограниченных общим набором поведенческих правил» [Fishman, 1971, р. 599])¹. Следовательно, рассуждает лингвист, сферы употребления – это не более чем аналитический инструмент лингвиста, они не существуют априори и не закреплены за языком; поэтому говорить об их *утрате* нельзя. Некоторые авторы полагают, что сама постановка вопроса о борьбе языков на мировой арене методологически неверна: они видят в таком подходе эссенциализм, утверждая, что в рассуждениях о вытеснении одного языка другим языки выступают как реифицированные сущности, существующие вне зависимости от человека [Disinventing and Reconstituting Languages, 2007]. Однако, даже если согласиться с этими рассуждениями (весьма, на наш взгляд, спорными), неоспоримым остается тот факт, что многие национальные языки все реже употребляются в разнообразных типах дискурса, связанных с передачей научной информации, и предлагаемый отказ от термина *domain* и оборота *domain loss* никак не влияет на суть дела.

Противники концепции *domain loss* также подчеркивают, что сфера употребления языка не является монолитной и включает в себя разнообразные дискурсы, в рамках которых могут использоваться разные языки. Так, например, учебная и научная сферы включают в себя не только научные публикации и лекции студентам, но и коммуникацию на профессиональные темы между коллегами на рабочем месте и вне его, обсуждение организационных вопросов (распределение нагрузки или расписания и т.п.), популя-

¹ Таким образом, определение сферы употребления языка, предложенное Дж. Фишманом, существенно отличается от определения, принятого в отечественной лингвистике, где на первый план выходит внеродовая деятельность (область внеродовой деятельности, характеризующаяся однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых единиц и правил их сочетания друг с другом). – *Прим. авт.*

ризаторскую деятельность и другие виды дискурса, осуществляемые на местном языке.

Основанием для отказа от терминов *domain of use* и *domain loss* может также явиться усиливающийся билингвизм в образовательной и научной сферах [Challenging the Monolingual Mindset, 2014]. Ряд лингвистов указывают, что термин *domain* не подходит для описания ситуации, когда говорящие регулярно прибегают к переключению кодов, поскольку в этом случае определить доминирующий язык представляется затруднительным. К тому же, отмечают они, выбор языка определяется не только сферой употребления, но и многими другими факторами, релевантность которых была отмечена в социолингвистике.

Хотя эта линия аргументации представляется более обоснованной, чем полный отказ от понятия *domain of use*, следует учесть, что и с учетом разнообразия научных и образовательных дискурсов на долю национальных языков нередко остаются маргинальные типы коммуникации, которые лежат на стыке научно-образовательной деятельности и других видов коммуникации (выступление перед непрофессионалами, краткая аннотация на национальном языке к работе, выполненной на английском языке, решение организационных вопросов, обсуждение научных проблем в неофициальной обстановке и т.п.).

Что же касается билингвизма и переключения кодов, то, как показывают исследования миноритарных языков, подобная практика оказывается, как правило, временным явлением, которое подготавливает грядущий языковой сдвиг. Хотя имеющиеся данные позволяют некоторым лингвистам говорить о достижении определенного баланса между английским языком и национальными языками в сфере науки [Montgomery, 2013, р. 125], вопрос о том, насколько устойчивым окажется этот баланс, остается открытым.

Проблема глобализации языка науки имеет еще одну сторону, выходящую за пределы лингвистики. Речь идет о том, пагубным или благотворным является использование в научных исследованиях одного языка для самой науки. В связи с этим С.Л. Монтгомери формулирует следующие вопросы, требующие дальнейшего исследования:

- если английский язык окончательно закрепится в определенных областях научных исследований, повлечет ли это за собой «эффект домино» в других научных направлениях;

- следует ли рассматривать проблему глобализации языка науки в рамках отдельных языковых культур, т.е. как лингвисти-

ческую по своей природе проблему, или мы имеем дело с процессом глобализации самой науки;

– приведет ли использование разных языков в научной сфере в многоязычной стране к большей свободе или к фрагментаризации научных исследований;

– в какой мере в истории науки (Древний Египет, Греция, Индия, Китай, исламский мир и т.д.) научный прогресс зависел от существования лингва франка;

– будет ли диверсификация языков науки гарантировать многообразие научной мысли, научных методов, подходов, т.е. больший диапазон творческой мысли? [Montgomery, 2013, р. 125].

Очевидно, что эти вопросы представляют несомненный интерес, однако ответы на них следует искать прежде всего за пределами лингвистики – в истории и социологии науки. Хотелось бы, однако, отметить, что, по крайней мере в истории лингвистики, формирование в XX в. национальных лингвистических школ и традиций способствовало расширению научной проблематики и явилось залогом плодотворного трансфера научных понятий и концепций.

Распространение английского языка в европейской науке и образовании имеет и собственно лингвистический аспект: это вопрос о том, какой именно английский язык используется в европейских учреждениях. Как показывают исследования последних лет, это чаще всего отнюдь не классический английский, но некоторое новое языковое образование, получившее название «евроанглийский язык». Как полагают ряд исследователей, европейцы не просто усваивают неродной для них английский язык, но творчески перерабатывают его, приспособливая для своих нужд. В последнее время евроанглийский привлек внимание целого ряда исследователей [Modiano, 2009; Seidlhofer, 2013; Motschenbacher, 2013 и др.].

Некоторые лингвисты даже обнаруживают в евроанглийском достоинства, которых лишен «настоящий» английский язык. Так, для евроанглийского характерен отказ от некоторых тонкостей английской грамматики (например, унификация расчлененных вопросов, опускание артиклей и глагольного окончания 3-го лица и т.п.). Исходя из этого, Б. Зайдльхофер утверждает, что с точки зрения pragматического удобства евроанглийский даже оставляет позади другие разновидности английского, включая британский и американский варианты, так как более полно реализует тенденцию к экономии усилий и упрощает обработку информации [Seidlhofer, 2013, р. 146].

Таким образом, как ни парадоксально, но расширение позиций английского языка в культурной жизни Европы может иметь

негативные последствия для англоязычных стран: роль стандартного английского как языкового эталона и роль носителя языка (*native speaker*) в качестве образца для подражания начинают падать. Уже отмечено падение интереса к получению образования в британских университетах. Глобальный английский – «это не тот английский, который мы знаем и который в прошлом преподавали в качестве иностранного языка. Это новое явление, и если даже оно представляет собой своего рода триумф, для носителей языка это отнюдь не повод для торжества» [Graddol, 2006, р. 11].

Впрочем, у концепции евроанглийского языка как новой полноценной разновидности английского есть и противники, которые видят в нем не новую норму, а всего лишь «интеръязык», формирующийся у учащихся из-за недостаточного овладения иностранным языком. Так, по мнению С. Моллин, евроанглийский не следует рассматривать как новый вариант английского языка: он не используется во всех сферах коммуникации, не демонстрирует последовательных отклонений от грамматического ядра английского языка и не прошел процесс эндонормативной институционализации [Mollin, 2006].

Открытым остается и вопрос, является ли евроанглийский единым наднациональным образованием, свидетельствующим о формировании единой общеевропейской идентичности, или он распадается на отдельные этнические разновидности (*German English, Italian English* и т.п.), являясь мультикультурным по своей природе явлением.

Таким образом, расширение употребления английского языка в сфере образования и науки порождает множество проблем, от социальных, образовательных, профессиональных до собственно лингвистических, ответ на которые пока остается открытым.

Список литературы

- Аллатов М.В. Глобализация и развитие языков // Вопр. филологии. – М., 2004. – № 2 (17). – С. 23–27.
- Ammon U. World languages: Trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – P. 101–122.
- Blattès M. Policy development for English-medium instruction in French universities // European Journal of Language policy. – Liverpool, 2018. – Vol. 10 (1). – P. 13–38.
- Challenging the Monolingual Mindset / J. Hajek, Y. Slaughter (eds.). – Bristol; New York; Ontario: Multilingual Matters, 2014. – 272 p.

- De Swaan A.* Words of the World: The Global Language System. – Cambridge: Polity, 2013. – 272 p.
- Disinventing and Reconstituting Languages / S. Makoni, A. Pennycook (eds.).* – Multilingual Matters, 2007. – 249 p.
- Fishman J.* The relationship between micro- and macrosociolinguistics in the study of who speaks what language to whom and when // Bilingualism in the Barrio. – Bloomington; Indiana: Indiana University; The Hague: Mouton, 1971. – P. 583–604.
- Fishman J.* Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics // Directions in sociolinguistics. The ethnography of speaking. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – P. 407–434.
- Graddol D.* English next. – London: British Council, 2006. – 128 p.
- Haberland H.* Domains and domain loss // The Consequences of Mobility. – Roskilde: Roskilde Universitet, 2005. – P. 227–237.
- Lanvers U.* Public debates of the Englishization of education in Germany: a critical discourse analysis // European Journal of Language policy. – Liverpool, 2018. – Vol. 10 (1). – P. 39–76.
- Lanvers U., Hultgren A.K.* The Englishization of European education: Foreword // European Journal of Language policy. – Liverpool, 2018. – Vol. 10 (1). – P. 1–12.
- Macaro E.* English Medium Instruction. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 344 p.
- Modiano M.* Inclusive / exclusive? English as a lingua franca in the European Union // World Englishes. – 2009. – N 28 (2). – P. 208–223.
- Mollin S.* Euro-English: Assessing Variety Status. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. – 230 p.
- Montgomery S.L.* Does Science Need a Global Language?: English and the Future of Research. – Chicago: University of Chicago Press, 2013. – 240 p.
- Motschenbacher H.* New Perspectives on English as a European Lingua Franca. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. – 249 p.
- Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: An action plan 2004–06. [Электронный ресурс]. – Mode of access: http://www.saaic.sk/eu-label/doc/2004-06_en.pdf (Дата обращения: 09.07.2019 г.)
- Seidlhofer B.* Understanding English as a Lingua Franca: A Complete Introduction to the Theoretical Nature and Practical Implications of English used as a Lingua Franca. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 240 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бхатти Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет».

Научные интересы: вопросы формирования региональных вариантов английского языка (пакистанский английский), психолингвистика, сравнительно-сопоставительное языкознание.

nataliebhatti@hotmail.com

Валиулина Татьяна Андреевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета.

Научные интересы: лингвистическая историография, канадская лингвистика, социолингвистика.

tatiana.valiulina@gmail.com

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет».

Научные интересы: социолингвистика, психолингвистика, теория перевода.

irinaiv-v@yandex.ru

Германова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета.

Научные интересы: языковая политика, нормирование английского языка, история лингвистических учений.

nata-germanova@yandex.ru

Ковш Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет».

Научные интересы: лингвистика текста, идиоматика, лексикология.

fakul-ling@mgou.ru

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД России.

Научные интересы: когнитивные метафоры в профессиональной терминологии, ритуализированная риторика, социолингвистическое развитие венгерского ирредентизма.

ms.koptelova@list.ru

Коренева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Научные интересы: романская филология, лексикология и лексикография, проблемы перевода, общая лингвистика, преподавание русского языка и русской литературы.

arco2001@mail.ru

Крюкова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств

Федерального государственного образовательного учреждения Высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Научные интересы: имагология, славистика, язык и общество.
florin2002@yandex.ru

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института прикладной русистики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Научные интересы: языковая политика.
mamikhail@yandex.ru

Марусенко Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института прикладной русистики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Научные интересы: языковая политика, современный русский язык, грамматика.

nmm.spb@gmail.com

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Научные интересы: психолингвистика, социолингвистика, психолингвистика текста, лингвистика текста, этнопсихолингвистика.

peshkovanp@rambler.ru

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Федерального государственного образовательного учреждения Высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Научные интересы: варианты английского языка, культурно-языковые контакты, социолингвистика, переводоведение, лексикография.

proshinazoya@yandex.ru

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкоznания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Научные интересы: перевод и переводоведение, стилистика, лингвистика текста, социолингвистика, лингвокультурология.

rarencos@rambler.ru

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка для социальных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Научные интересы: контактная вариантология английского языка, языковой контакт, билингвизм, глобализация английского языка, взаимодействие русского языка с английским.

rivilina@mail.ru

Савченко Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет».

Научные интересы: вопросы теории и практики перевода, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

ep.savchenko@mgou.ru

Трошина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкоznания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Научные интересы: стилистика немецкого языка, лингвистика текста, социолингвистика, лингвокультурология.

troshinat@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет».

Научные интересы: история языкознания, теория и история переводоведения.

khukhuni@mail.ru

Яковлева Эмма Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков факультета лингвистики МГТУ им. Баумана, заведующая отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Научные интересы: коммуникативистика, речеведение, спонтанный дискурс, лингвоязыковедение.

jakovlevaemma@mail.ru

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ**

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/IV – 2020 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,0 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 149

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У